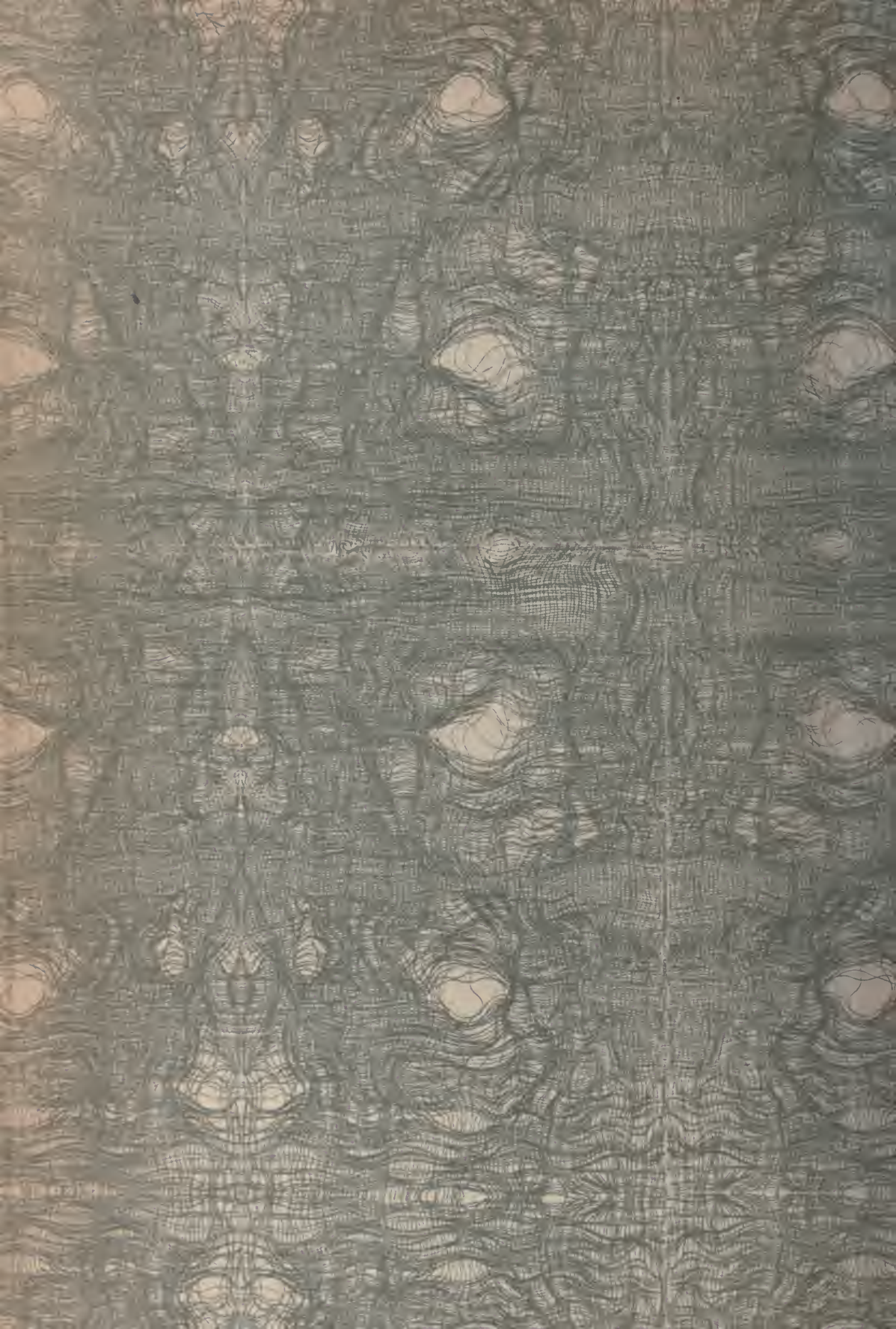
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00313238 8



ПОСМЕРТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. ЧЕРТКОВА.

Томъ II.

ОТЕЦЪ СЕРГІЙ.
ДѢТСКАЯ МУДРОСТЬ.
НѢТЪ ВЪ МІРѢ ВИНОВАТЫХЪ.
РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.
ТИХОНЪ и МАЛАНЬЯ.
ИДИЛЛІЯ.
„И СВѢТЪ ВО ТЬМѢ СВѢТИТЪ".

ИЗДАНІЕ
АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Перепечатывать разрѣшается безвозмездно. Драматическія произведенія, содержащіяся въ этомъ томѣ, разрѣшается безвозмездно ставить на сценѣ.

Настоящій II томъ посмертныхъ художественныхъ произведеній моего покойнаго отца **Льва Николаевича Толстого** появляется въ моемъ изданіи, предпринятомъ соотвѣтственно даннымъ имъ мнѣ указаніямъ, при чемъ чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ согласно волѣ **Льва Николаевича.**

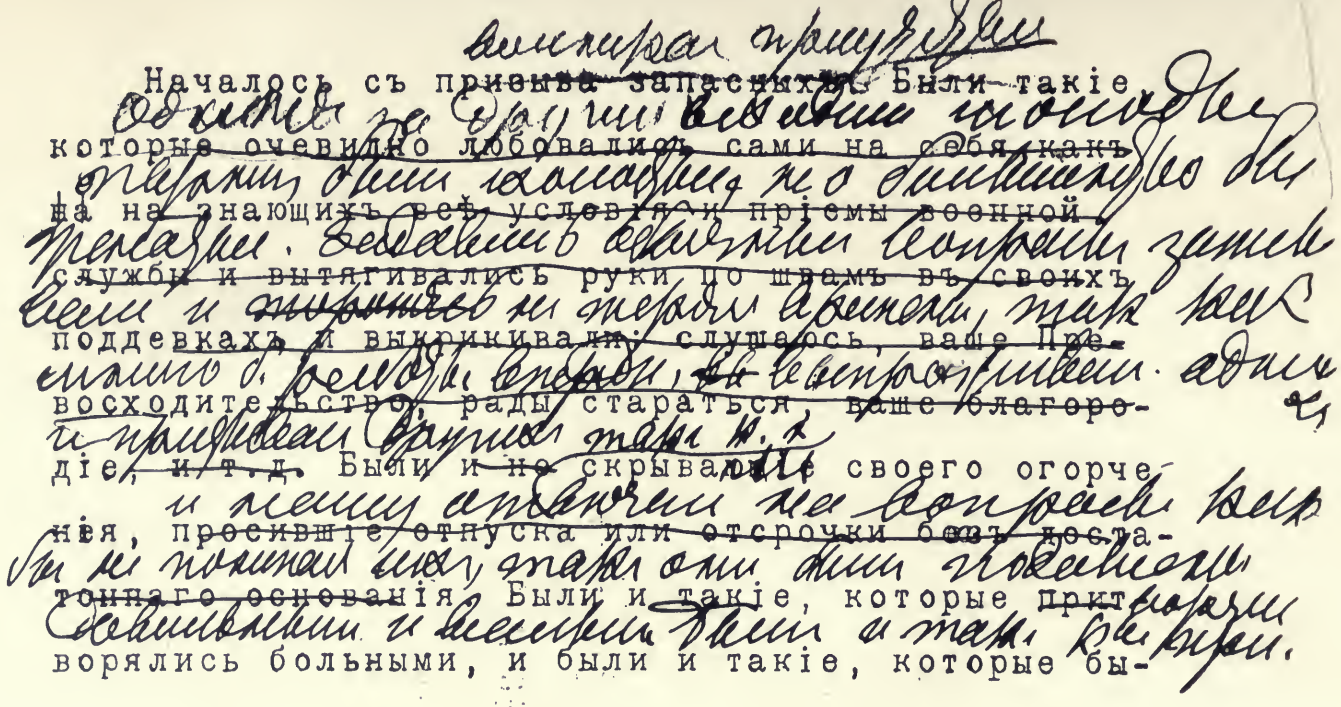
Не признавая за собой нравственнаго права запретить перепечатку настоящаго изданія, я, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ достиженія наибольшаго матеріальнаго успѣха этого изданія, что желательно ради тѣхъ цѣлей, которымъ это изданіе должно служить, обращаюсь ко всѣмъ издателямъ и лицамъ, желающимъ воспользоваться этими произведеніями, съ просьбой, во имя исполненія послѣдняго желанія **Льва Николаевича** въ связи съ его писаніями, повременить съ выпускомъ своихъ изданій выпускаемыхъ мною произведеній въ теченіе полугода, считая со времени выхода послѣдняго тома моего изданія, т. е. до 5 іюля 1912 года.

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ.

LIBRARY
DEC 22 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3365
A12
1911
t.2

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.



Началось съ приемья запасныхъ. Были такіе, которые очевидно любовались сами на себя, какъ на знающихъ всѣ условія пріемы военной службы и вытягивались руки по швамъ въ своихъ поддевкахъ и выкрикивали: слушаюсь, ваше Превосходительство, рады стараться, ваше благородіе, и т.д. Были и не скрывавшіе своего огорченія, просившіе отпуска или отсрочки безъ достаточнаго основанія. Были и такіе, которые притворялись больными, и были и такіе, которые бы-

Факсимиле изъ повѣсти „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ (1909), гл. II.
(Переписано Александрой Львовной на пишущей машинѣ съ поправками Льва Николаевича).

ОТЕЦЪ СЕРГІЙ[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

I.

Въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ случилось удивившее всѣхъ событіе: красавецъ князь, командиръ лейбъ-эскадрона кирасирскаго полка, которому всѣ предсказывали флигель-адъютантство и блестящую карьеру при императорѣ Николаѣ I, за мѣсяцъ до свадьбы съ красавицей фрейлиной, пользовавшейся особой милостью императрицы, подалъ въ отставку, разорвалъ свою связь съ невѣстой, отдалъ небольшое имѣніе свое сестрѣ и уѣхалъ въ монастырь съ намѣреніемъ поступить въ него монахомъ.

Событіе казалось необыкновеннымъ и необъяснимымъ для людей, не знавшихъ внутреннихъ причинъ его; для самого же князя Степана Касатскаго все это сдѣлалось такъ естественно, что онъ не могъ и представить себѣ, какъ бы онъ могъ поступить иначе.

Отецъ Степана Касатскаго, отставной полковникъ гвардіи, умеръ, когда сыну было двѣнадцать лѣтъ. Какъ ни жаль было матери отдавать сына изъ дома, она не рѣшилась не исполнить воли покойнаго мужа, который, въ случаѣ своей смерти, завѣщалъ не держать сына дома, а отдать въ корпусъ, — и отдала его въ корпусъ. Сама же вдова съ дочерью Варварой переѣхала въ Петербургъ, чтобы жить тамъ же, гдѣ сынъ, и брать его на праздники.

Мальчикъ выдавался блестящими способностями и огромнымъ самолюбіемъ, вслѣдствіе чего онъ былъ первымъ и по наукамъ, въ особенности по математикѣ, къ которой онъ имѣлъ особенное пристрастіе, и по фронту, и верховой ѣздѣ. Несмотря на свой выше обыкновеннаго ростъ, онъ былъ красивъ и ловокъ. Кромѣ того, и по поведенію онъ былъ бы образцовымъ кадетомъ, если бы не его вспыльчивость. Онъ не пилъ, не распутничалъ и былъ замѣчательно

правдивъ. Одно, что мѣшало ему быть образцовымъ, были находившія на него вспышки гнѣва, во время которыхъ онъ совершенно терялъ самообладаніе и дѣлался звѣремъ. Одинъ разъ онъ чуть не выкинулъ изъ окна кадета, начавшаго трунить надъ его коллекціей минераловъ. Другой разъ онъ чуть было не погибъ: цѣлымъ блюдомъ котлетъ пустилъ въ эконома, бросился на офицера, и говорили, что ударилъ его за то, что тотъ отрекся отъ своихъ словъ и прямо въ лицо солгалъ. Его навѣрно бы разжаловали въ солдаты, если бы директоръ корпуса не скрылъ все дѣло и не выгналъ эконома.

Восемнадцати лѣтъ онъ былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскій аристократическій полкъ. Императоръ Николай Павловичъ зналъ его еще въ корпусѣ и отличалъ его и послѣ въ полку, такъ что ему пророчили флигель-адъютантство. И Касатскій сильно желалъ этого не только изъ честолюбія, но, главное, потому, что еще со временъ корпуса страстно, именно страстно любилъ Николая Павловича. Всякій пріѣздъ Николая Павловича въ корпусъ,— а онъ часто ѣзжалъ къ нимъ,—когда входила бодрымъ шагомъ эта высокая. . . . . фигура въ военномъ сюртукѣ и могучимъ голосомъ здоровалась съ кадетами, — Касатскій испытывалъ восторгъ влюбленнаго, такой же, какой онъ испытывалъ послѣ, когда встрѣчалъ предметъ любви. Только влюбленный восторгъ къ Николаю Павловичу былъ сильнѣе: хотѣлось показать ему свою безпредѣльную преданность, пожертвовать чѣмъ-нибудь, всѣмъ—собою—ему. И Николай Павловичъ зналъ, что возбуждаетъ этотъ восторгъ, и умышленно вызывалъ его. Онъ игралъ съ кадетами, окружалъ себя ими, то ребячески просто, то дружески, то торжественно-величественно обращаясь съ ними. Послѣ послѣдней исторіи Касатскаго съ офицеромъ, Николай Павловичъ ничего не сказалъ Касатскому, но, когда тотъ близко подошелъ къ нему, онъ театрально отстранилъ его и, нахмурившись, погрозилъ пальцемъ и потомъ, уѣзжая, сказалъ:

— Знайте, что все мнѣ извѣстно, но нѣкоторыя вещи я не хочу знать. Но онѣ здѣсь.

Онъ показалъ на сердце.

Когда же выпущенные кадеты являлись ему, онъ уже не поминалъ объ этомъ, сказалъ, какъ всегда, что они всѣ могутъ прямо

обращаться къ нему, чтобы они вѣрно служили ему и отечеству, а онъ всегда останется ихъ первымъ другомъ. Всѣ, какъ всегда, были тронуты, а Касатскій, помня прошедшее, плакалъ слезами и далъ обѣтъ служить любимому царю всѣми своими силами.

Когда Касатскій вышелъ въ полкъ, мать его переѣхала съ дочерью сначала въ Москву, а потомъ въ деревню. Касатскій отдалъ сестрѣ половину состоянія, и то, что оставалось у него, было только достаточно для того, чтобы содержать себя въ томъ роскошномъ полку, въ которомъ онъ служилъ.

Съ внѣшней стороны Касатскій казался самымъ обыкновеннымъ молодымъ, блестящимъ гвардейцемъ, дѣлающимъ карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа. Работа съ самаго его дѣтства шла, повидимому, самая разнообразная, но въ сущности все одна и та же, состоящая въ томъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, представлявшихся ему на пути, достигать совершенства и успѣха, вызывающаго похвалы и удивленіе людей. Было ли это ученье, науки— онъ брался за нихъ и работалъ до тѣхъ поръ, пока его хвалили и ставили въ примѣръ другимъ. Добившись одного, онъ брался за другое. Такъ онъ добился перваго мѣста по наукамъ; такъ онъ, еще будучи въ корпусѣ, замѣтивъ разъ за собой неловкость въ разговорѣ по-французски, добился того, чтобы овладѣть французскимъ, какъ русскимъ; такъ онъ потомъ, занявшись шахматами, добился того, что, еще будучи въ корпусѣ, сталъ отлично играть.

Всегда, кромѣ общаго призванія жизни, которое состояло въ служеніи царю и отечеству, у него всегда была поставлена какая-нибудь цѣль, и какъ бы ничтожна она ни была, онъ отдавался ей весь и жилъ только для нея до тѣхъ поръ, пока не достигалъ ея. Но какъ только онъ достигалъ назначенной цѣли, такъ другая тотчасъ вырастала въ его сознаніи и смѣняла прежнюю. Это-то стремленіе отличиться и для того, чтобы отличиться, достигнуть поставленной цѣли, наполняло его жизнь. Такъ, по выходѣ въ офицеры, онъ задался цѣлью наивозможнѣйшаго совершенства въ знаніи службы и очень скоро сталъ образцовымъ офицеромъ, хотя и опять съ тѣмъ недостаткомъ неудержимой вспыльчивости, которая и на службѣ вовлекла его въ дурные и вредные для успѣха поступки. Потомъ, почувствовавъ разъ въ свѣтскомъ разговорѣ свой недостатокъ общаго образованія, задался мыслью пополнить его и засѣлъ за книги, и добился того, чего хотѣлъ. Потомъ онъ задался

мыслью достигнуть блестящаго положенія въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, выучился отлично танцовать и очень скоро достигъ того, что былъ званъ на всѣ великосвѣтскіе балы и на нѣкоторые вечера. Но это положеніе не удовлетворяло его. Онъ привыкъ быть первымъ, а въ этомъ дѣлѣ онъ далеко не былъ имъ.

Высшее общество тогда состояло да, я думаю, всегда и вездѣ состоитъ изъ четырехъ сортовъ людей: изъ 1) людей богатыхъ и придворныхъ; изъ 2) небогатыхъ людей, но родившихся и выросшихъ при дворѣ; 3) изъ богатыхъ людей, поддѣлывающихся къ придворнымъ, и 4) изъ небогатыхъ и непридворныхъ людей, поддѣлывающихся къ первымъ и вторымъ. Касатскій не принадлежалъ къ первымъ; онъ былъ охотно принимаемъ въ послѣдніе два круга. Даже вступая въ свѣтъ, онъ задалъ себѣ цѣлью связь съ женщиной свѣта и, неожиданно для себя, скоро достигъ этого. Но очень скоро онъ увидалъ, что тѣ круги, въ которыхъ онъ вращался, были круги низшіе, а что были высшіе круги, и что въ этихъ высшихъ придворныхъ кругахъ, хотя его и принимали, онъ былъ чужой; съ нимъ были учтивы, но все обращеніе показывало, что есть с в о и, и онъ не свой. И Касатскій захотѣлъ быть тамъ с в о и м ъ. Для этого надо было быть или флигель-адьютантомъ, — и онъ дожидался этого, — или жениться въ этомъ кругу. И онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ это. И онъ избралъ дѣвушку красавицу, придворную, не только с в о ю въ томъ обществѣ, въ которое онъ хотѣлъ вступить, но такую, съ которой старались сближаться всѣ самые высоко- и твердо поставленные въ высшемъ кругу люди. Это была графиня Короткова. Касатскій не для одной карьеры сталъ ухаживать за Коротковой, — она была необыкновенно привлекательна, и онъ скоро влюбился въ нее. Сначала она была особенно холодна къ нему, но потомъ вдругъ все измѣнилось, и она стала ласкова, и ея мать особенно усиленно приглашала его къ себѣ.

Касатскій сдѣлалъ предложеніе и былъ принятъ. Онъ былъ удивленъ легкостью, съ которой онъ достигъ такого счастья, и чѣмъ-то особеннымъ, страннымъ въ обращеніи и матери и дочери. Онъ былъ очень влюбленъ и ослѣпленъ, и потому не замѣтилъ того, что знали почти всѣ въ городѣ: что его невѣста была за годъ тому назадъ любовницей Николая Павловича.

II

За двѣ недѣли до назначеннаго дня свадьбы, Касатскій сидѣлъ въ Царскомъ Селѣ на дачѣ у своей невѣсты. Былъ жаркій майскій день. Женихъ съ невѣстой походили по саду и сѣли на лавочкѣ въ тѣнистой липовой аллеѣ. Мэри была особенно хороша въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Она казалась олицетвореніемъ невинности и любви. Она сидѣла, то опустивъ голову, то взглядывая на огромнаго красавца, который съ особенной нѣжностью, осторожностью говорилъ съ ней, каждымъ своимъ жестомъ, словомъ боясь оскорбить, осквернить ангельскую чистоту невѣсты. Касатскій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ сороковыхъ годовъ, которыхъ уже нѣтъ нынче,— къ людямъ, которые, сознательно допуская для себя и внутренно не осуждая нечистоту въ половомъ отношеніи, требовали отъ жены идеальной, небесной чистоты, и эту самую небесную чистоту признавали въ каждой дѣвушкѣ своего круга, и такъ относились къ нимъ.

Въ такомъ взглядѣ было много невѣрнаго и вреднаго въ той распущенности, которую позволяли себѣ мужчины; но по отношенію женщинъ такой взглядъ, рѣзко отличающійся отъ взгляда теперешнихъ молодыхъ людей, видящихъ въ каждой женщинѣ—дѣвушкѣ ищущую себѣ дружку самку,—такой взглядъ былъ, я думаю, полезенъ. Дѣвушки, видя такое обоготвореніе, старались и быть болѣе или менѣе богинями. Такого взгляда на женщинъ держался и Касатскій и такъ смотрѣлъ на свою невѣсту. Онъ былъ особенно влюбленъ въ этотъ день и не испытывалъ ни малѣйшей чувственности къ невѣстѣ,—напротивъ, съ умиленіемъ смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто недосягаемое.

Онъ всталъ во весь свой большой ростъ и сталъ передъ нею, опершись обѣими руками на саблю.

— Я только теперь узналъ все то счастье, которое можетъ испытать человѣкъ! И это вы, это ты, — сказалъ онъ, робко улыбаясь, — дала мнѣ это!

Онъ былъ въ томъ періодѣ, когда «ты» еще не сдѣлалось привычно, и ему, смотря нравственно снизу вверхъ на нее, страшно было говорить «ты» этому ангелу.

— Я себя узналъ благодаря... тебѣ, узналъ, что я лучше, чѣмъ я думалъ.

— Я давно это знаю. Я за то-то и полюбила васъ.

Соловей защелкалъ вблизи, свѣжая листва зашевелилась отъ набѣжавшаго вѣтерка.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее, и слезы выступили ему на глаза. Она поняла, что онъ благодаритъ ее за то, что она сказала, что полюбила его. Онъ прошелся, помолчалъ, потомъ подошелъ, сѣлъ.

— Вы знаете, ты знаешь... Ну, все равно. Я сблизился съ тобой не безкорыстно, я хотѣлъ установить связи съ свѣтомъ, но потомъ... какъ ничтожно стало это въ сравненіи съ тобой, когда я узналъ тебя. Ты не сердишься на меня за это?

Она не отвѣчала и только тронула рукой его руку.

Онъ понялъ, что это значило «нѣтъ, не сержусь».

— Да ты вотъ сказала, — онъ замялся, ему показалось это слишкомъ дерзко,—ты сказала, что полюбила меня, но — прости меня, я вѣрю, но что-то, кромѣ этого, есть, что тебя тревожитъ и мѣшаетъ. Что это?

«Да, теперь или никогда, — подумала она; — все равно онъ узнаетъ. Но теперь онъ не уйдетъ. Ахъ, если бы онъ ушелъ, это было бы ужасно!»

И она любовнымъ взглядомъ окинула всю его большую, благородную, могучую фигуру. Она любила его теперь больше . . . . . не промѣняла бы этого на того.

— Послушайте, я не могу быть неправдива. Я должна сказать все. Вы спрашиваете—что? То, что я любила.

Она положила свою руку на его умоляющимъ жестомъ.

Онъ молчалъ.

— Вы хотите знать—кого? Да его . . . . . .

— Мы всѣ любимъ его; я воображаю, вы въ институтѣ...

— Нѣтъ, послѣ. Это было увлеченье, но потомъ прошло... Но я должна сказать...

— Ну, такъ что же?

— Нѣтъ, я не просто...

Она закрыла лицо руками.

— Какъ? Вы отдались ему?

Она молчала.

— Любовницей?

Она молчала.

Онъ вскочилъ и, блѣдный, какъ смерть, съ трясущимися скулами, стоялъ передъ нею. Онъ вспомнилъ теперь, какъ . . . .

. . . . . .

— Боже мой! Что я сдѣлала! Стива!

— Не трогайте, не трогайте меня. О, какъ больно!

Онъ повернулся и пошелъ къ дому.

Въ домѣ онъ встрѣтилъ мать.

— Вы что, князь? Я...

Она замолчала, увидавъ его лицо. Кровь вдругъ ударила ему въ лицо.

— Вы знали это, и мной хотѣли прикрыть ихъ. Если бы вы не были женщины! — вскрикнулъ онъ, поднявъ огромный кулакъ надъ нею, и, повернувшись, убѣжалъ.

. . . . . .

. . . . . .

На другой же день онъ подалъ въ отпускъ и отставку и сказался больнымъ, чтобы никого не видѣть, и поѣхалъ въ деревню.

Лѣто онъ провелъ въ своей деревнѣ, устраивая свои дѣла. Когда же кончилось лѣто, онъ не вернулся въ Петербургъ, а поѣхалъ въ монастырь и поступилъ [въ] него монахомъ.

Мать писала ему, отговаривая отъ такого рѣшительнаго шага. Онъ отвѣчалъ ей, что призваніе Бога выше всѣхъ другихъ соображеній, а онъ чувствуетъ его. Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, какъ и братъ, понимала его. Она понимала, что онъ сталъ монахомъ, чтобы стать выше тѣхъ, которые хотѣли показать ему, что они стоятъ выше его.

И она понимала его вѣрно. Поступая въ монахи, онъ показывалъ, что презираетъ все то, что казалось столь важнымъ другимъ и ему самому въ то время, какъ онъ служилъ, и становился на новую такую высоту, съ которой онъ могъ сверху внизъ смотрѣть на тѣхъ людей, которымъ онъ прежде завидовалъ. Но не одно это чувство, какъ думала сестра его Варенька, руководило имъ. Въ немъ было и другое: истинно-религіозное чувство, котораго не знала Варенька, которое переплеталось съ чувствомъ гордости и желаніемъ первенства, руководило имъ. Разочарованіе въ Мэри (невѣстѣ), которую онъ представлялъ себѣ такимъ ангеломъ, и оскорбленіе были такъ сильны, что привели его къ отчаянію, а отчаяніе куда? — къ Богу, къ вѣрѣ дѣтской, которая никогда не нарушалась въ немъ.

III.

Въ день Покрова Касатскій поступилъ въ монастырь.

Игуменъ монастыря былъ дворянинъ, ученый писатель и старецъ, т.-е. принадлежалъ къ той преемственности, ведущейся изъ Валахіи, монаховъ, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игуменъ былъ ученикъ извѣстнаго старца Амвросія, ученика Макарія, ученика старца Леонида, ученика Паисія Величковскаго. Этому игумну подчинился, какъ своему старцу, Касатскій.

Кромѣ того чувства сознанія своего превосходства надъ другими, которое испытывалъ Касатскій въ монастырѣ, Касатскій такъ же, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ дѣлалъ, и въ монастырѣ находилъ радость въ достиженіи наибольшаго какъ внѣшняго, такъ и внутренняго совершенства. Какъ въ полку онъ былъ не только безукоризненнымъ офицеромъ, но такимъ, который дѣлалъ больше того, что требовалось, и расширялъ рамки совершенства, такъ и монахомъ онъ старался быть совершеннымъ: трудящимся всегда, воздержнымъ, смиреннымъ, кроткимъ, чистымъ не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ, и послушнымъ. Въ особенности послѣднее качество, или совершенство, облегчало ему жизнь. Если многія требованія монашеской жизни въ монастырѣ, много посѣщаемомъ [1]), не нравились ему, соблазняли его, все это уничтожалось послушаніемъ: не мое дѣло разсуждать, мое дѣло нести назначенное послушаніе,—будетъ ли то стояніе у мощей, пѣніе на клиросѣ или веденіе счетовъ по гостиницѣ. Всякая возможность сомнѣній въ чемъ бы то ни было устранялась тѣмъ же послушаніемъ старцу. Не будь послушанія, онъ бы тяготился и продолжительностью и однообразіемъ церковныхъ службъ, и суетой посѣтителей, и дурными свойствами братіи. Но теперь все это не только радостно переносилось, но составляло въ жизни утѣшеніе и поддержку. «Не знаю, зачѣмъ надо слышать нѣсколько разъ въ день тѣ же молитвы, но знаю, что это нужно. А зная, что это нужно, нахожу радость въ нихъ». Старецъ сказалъ ему, что какъ нужна матеріальная пища для поддержанія жизни, такъ нужна духовная пища—молитва церковная—для поддержанія духовной жизни. Онъ вѣрилъ въ это, и дѣйствительно, служба церковная, на которую онъ съ трудомъ поднимался иногда поутру, давала ему несомнѣнное успокоеніе и

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

радость. Радость давало сознаніе смиренія и несомнѣнности поступковъ, всѣхъ опредѣленныхъ старцемъ. Интересъ же жизни состоялъ не только во все большемъ и большемъ покореніи своей воли, во все большемъ и большемъ смиреніи, но и въ достиженіи всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, которыя въ первое время казались ему легко достижимыми. Имѣніе свое онъ все отдалъ сестрѣ [1]) и не жалѣлъ его; лѣности у него не было; смиреніе передъ низшими было не только легко ему, но доставляло ему радость. Даже побѣда надъ грѣхомъ похоти, какъ жадности, такъ и блуда, легко далась ему. Старецъ въ особенности предостерегалъ его отъ этого грѣха, но Касатскій радовался, что былъ свободенъ отъ него.

Мучило его только воспоминаніе о невѣстѣ. И не только воспоминаніе, но представленіе живое о томъ, что могло бы быть. Невольно представлялась ему знакомая . . . . . вышедшая потомъ замужъ и ставшая прекрасной женой, матерью семейства. Мужъ же имѣлъ важное назначеніе, имѣлъ и власть, и почетъ, и хорошую, покаявшуюся жену.

Въ хорошія минуты Касатскаго не смущали эти мысли. Когда онъ вспоминалъ про это въ хорошія минуты, онъ радовался, что избавился отъ этихъ соблазновъ. Но были минуты, когда вдругъ все то, чѣмъ онъ жилъ, тускнѣло передъ нимъ, онъ переставалъ не то что вѣрить въ то, чѣмъ жилъ, но переставалъ видѣть это, не могъ вызвать въ себѣ того, чѣмъ жилъ, а воспоминаніе и—ужасно сказать—раскаяніе въ своемъ обращеніи охватывало его.

Спасенье въ этомъ положеніи было послушаніе—работа—и весь занятой день молитвой. Онъ, какъ обыкновенно, молился, клалъ поклоны, даже больше обыкновеннаго молился, но молился тѣломъ, души не было. И это продолжалось день, иногда два и потомъ само проходило. Но день этотъ или два были ужасны. Касатскій чувствовалъ, что онъ не въ своей и не въ Божьей власти, а въ чьей-то чужой. И все, что онъ могъ дѣлать и дѣлалъ въ эти времена, было то, что совѣтовалъ старецъ: чтобы держаться, ничего не предпринимать въ это время и ждать. Вообще за все это время Касатскій жилъ не по своей волѣ, а по волѣ старца, и въ этомъ послушаніи было особенное спокойствіе.

Такъ прожилъ Касатскій въ первомъ монастырѣ, куда поступилъ, семь лѣтъ. Въ концѣ третьяго года [онъ] былъ постриженъ

[1]) См. примѣчаніе 3-е.

въ іеромонахи съ именемъ Сергія. Постриженіе было важнымъ внутреннимъ событіемъ для Сергія. Онъ и прежде испытывалъ великое утѣшеніе и подъемъ духовный, когда причащался; теперь же, когда ему случилось служить самому, совершеніе проскомидіи приводило его въ восторженное, умиленное состояніе. Но потомъ чувство это все болѣе и болѣе притуплялось, и когда одинъ разъ ему случилось служить въ томъ подавленномъ состояніи духа, въ которомъ онъ бывалъ, онъ почувствовалъ, что и это пройдетъ. И дѣйствительно, чувство это ослабѣло, но осталась привычка.

Вообще на седьмой годъ своей жизни въ монастырѣ Сергію стало скучно. Все то, чему надо было учиться, все то, чего надо было достигнуть, онъ достигъ, и больше дѣлать было нечего.

Но зато состояніе усыпленія становилось все сильнѣе и сильнѣе. За это время онъ узналъ о смерти матери и о выходѣ замужъ Мэри. Оба извѣстія онъ принялъ равнодушно. Все вниманіе, всѣ интересы его были сосредоточены на своей внутренней жизни.

На четвертомъ году его [іеро]монашества, архіерей особенно обласкалъ его, и старецъ сказалъ ему, что онъ не долженъ будетъ отказываться, если его назначатъ на высшія должности. И тогда монашеское честолюбіе,—то самое, которое такъ противно было въ монахахъ, поднималось въ немъ. Его назначили въ близкій къ столицѣ монастырь. Онъ хотѣлъ отказаться, но старецъ велѣлъ ему принять назначеніе. Онъ принялъ назначеніе, простился съ старцемъ и переѣхалъ въ другой монастырь.

Переходъ этотъ въ столичный монастырь былъ важнымъ событіемъ въ жизни Сергія. Соблазновъ всякаго рода было много, и всѣ силы Сергія были направлены на это.

Въ прежнемъ монастырѣ соблазнъ женскій мало мучилъ Сергія; здѣсь же соблазнъ этотъ поднялся съ страшной силой и дошелъ до того, что получилъ даже опредѣленную форму. Была извѣстная своимъ дурнымъ поведеніемъ барыня, которая начала заискивать въ Сергіи. Она заговорила съ нимъ и просила его посѣтить ее. Сергій отказалъ строго, но ужаснулся опредѣленности своего желанія. Онъ такъ испугался, что написалъ о томъ старцу. Но мало того, — чтобы окоротить себя, призвалъ своего молодого послушника и, покоряя стыдъ, признался ему въ своей слабости, прося его слѣдить за нимъ и не пускать его никуда, кромѣ службъ и послушаній.

Кромѣ того, великій соблазнъ для Сергія состоялъ въ томъ, что игуменъ этого монастыря, свѣтскій, ловкій человѣкъ, дѣлавшій духовную карьеру, былъ въ высшей степени антипатиченъ отцу Сергію. Какъ ни бился съ собой Сергій, онъ не могъ преодолѣть этой антипатіи. Онъ смирялся, но въ глубинѣ души не переставалъ осуждать. И дурное чувство это разразилось.

Это было уже на второй годъ пребыванія его въ новомъ монастырѣ. И случилось это вотъ какъ. Въ Покровъ всенощная шла въ большой церкви. Много было пріѣзжаго народа. Служилъ самъ игуменъ. Отецъ Сергій стоялъ на обычномъ своемъ мѣстѣ и молился, т.-е. находился въ томъ состояніи борьбы, въ которомъ онъ всегда находился во время службъ,—особенно въ большой церкви,—когда онъ не служилъ самъ. Борьба состояла въ томъ, что его раздражали посѣтители, господа, особенно дамы. Онъ старался не видѣть ихъ, не замѣчать всего того, что дѣлалось,—не видѣть того, какъ солдатъ провожалъ ихъ, расталкивая народъ, какъ дамы показывали другъ другу монаховъ, часто его даже и извѣстнаго красавца-монаха. Онъ старался, выдвинувъ какъ бы шоры своему вниманію, не видѣть ничего, кромѣ блеска свѣчей у иконостаса, иконъ и служащихъ; не слышать ничего, кромѣ пѣтыхъ и произносимыхъ словъ молитвъ, и не испытывать никакого другого чувства, кромѣ того самозабвенія въ сознаніи исполненія должнаго, которое онъ испытывалъ всегда, слушая и повторяя впередъ столько разъ слышанныя молитвы.

Такъ онъ стоялъ, кланялся, крестился тамъ, гдѣ это нужно было, и боролся, отдаваясь то холодному осужденію, то сознательно вызываемому замиранію мыслей и чувствъ, когда ризничій, отецъ Никодимъ, тоже великое искушеніе для отца Сергія,—Никодимъ, котораго онъ невольно упрекалъ въ поддѣлываньи и лести къ игумну,—подошелъ къ нему и, поклонившись перегибающимся надвое поклономъ, сказалъ, что игуменъ зоветъ его къ себѣ въ алтарь. Отецъ Сергій обдернулъ мантію, надѣлъ клобукъ и пошелъ осторожно черезъ толпу.

— Lise, regardez à droite, c'est lui [1]),—послышался ему женскій голосъ.

— Où, où? Il n'est pas tellement beau [2]).

---

[1]) Лиза, посмотри направо, это онъ.

[2]) Гдѣ, гдѣ? Онъ не такъ красивъ.

Онъ зналъ, что это говорили про него. Онъ слышалъ и, какъ всегда въ минуты искушеній, твердилъ слова: «и не введи насъ во искушеніе» и, опустивъ голову и глаза, прошелъ мимо амвона и, обойдя канонарховъ въ стихаряхъ, проходившихъ въ это время мимо иконостаса, вошелъ въ сѣверныя двери. Войдя въ алтарь, онъ, по обычаю, крестно поклонился, перегибаясь надвое, передъ иконой, потомъ поднялъ голову и взглянулъ на игумна, котораго фигуру рядомъ съ другой блестящей чѣмъ-то фигурой онъ увидѣлъ угломъ глаза, не обращаясь къ нимъ.

Игуменъ стоялъ въ облаченіи у стѣны, выпроставъ короткія пухлыя ручки изъ-подъ ризы надъ толстымъ тѣломъ и животомъ, и, растирая галунъ ризы, улыбаясь, говорилъ что-то съ военнымъ въ генеральскомъ свитскомъ мундирѣ съ вензелями и аксельбантами, которые сейчасъ разсмотрѣлъ отецъ Сергій своимъ привычнымъ военнымъ глазомъ. Генералъ этотъ былъ бывшій полковой командиръ ихъ полка. Теперь онъ, очевидно, занималъ важное положеніе, и отецъ Сергій тотчасъ же замѣтилъ, что игуменъ знаетъ это и радъ этому, и оттого такъ сіяетъ его красное, толстое лицо съ лысиной. Это оскорбило и огорчило отца Сергія, и чувство это еще усилилось, когда онъ услыхалъ отъ игумна, что вызовъ его, отца Сергія, ни на что другое не былъ нуженъ, какъ на то, чтобы удовлетворить любопытство генерала, — увидать своего прежняго сослуживца, какъ онъ выразился.

— Очень радъ видѣть васъ въ ангельскомъ образѣ, — сказалъ генералъ, протягивая руку, — надѣюсь, что вы не забыли стараго товарища.

Все: лицо игумна, среди сѣдинъ красное и улыбающееся, какъ бы одобряющее то, что говорилъ генералъ, выхоленное лицо генерала съ самодовольной улыбкой, запахъ вина изо рта генерала и сигаръ отъ его бакенбардъ,—все это взорвало отца Сергія. Онъ поклонился еще разъ игумну и сказалъ:

— Ваше преподобіе изволили звать меня?

И онъ остановился, всѣмъ выраженіемъ лица и глазъ спрашивая: зачѣмъ?

Игуменъ сказалъ:

— Да повидаться съ генераломъ.

— Ваше преподобіе, я ушелъ отъ міра, чтобы спастись отъ соблазновъ,—сказалъ онъ, блѣднѣя и съ трясущимися губами. —

За что же вы здѣсь подвергаете меня имъ во время молитвы и въ храмѣ Божіемъ?

— Иди, иди,— вспыхнувъ и нахмурившись, сказалъ игуменъ.

На другой день отецъ Сергій просилъ прощенья у игумна и братіи за свою гордость, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ, рѣшилъ, что ему надо оставить этотъ монастырь, и написалъ объ этомъ письмо старцу, умоляя его разрѣшить ему перейти назадъ въ монастырь старца. Онъ писалъ, что чувствуетъ свою слабость и неспособность бороться одинъ противъ соблазновъ безъ помощи старца, и каялся въ своемъ грѣхѣ гордости. Съ слѣдующей почтой пришло письмо отъ старца, въ которомъ тотъ писалъ ему, что причиной всему—его гордость. Старецъ разъяснялъ ему, что его вспышка гнѣва произошла оттого, что онъ смирился, отказавшись отъ духовныхъ почестей не ради Бога, а ради своей гордости, что вотъ, молъ, я какой, ни въ чемъ не нуждаюсь. Отъ этого онъ и не могъ перенести поступка игумна. Я всѣмъ пренебрегъ для славы Божьей, а меня показываютъ, какъ звѣря. «Если бы ты пренебрегъ славой для Бога, ты бы снесъ. Еще не потухла въ тебѣ гордость свѣтская. Думалъ я о тебѣ, чадо Сергій, и молился, и вотъ что о тебѣ Богъ внушилъ мнѣ. Въ Тамбинскомъ скиту померъ святой жизни затворникъ Илларіонъ. Онъ жилъ тамъ восемнадцать лѣтъ. Игуменъ тамбинскій спрашивалъ, нѣтъ ли брата, который хотѣлъ бы жить тамъ? А тутъ твое письмо. Ступай къ отцу Паисію въ Тамбинскій монастырь, я напишу ему, а ты просись занять Илларіонову келью. Не то чтобы ты могъ замѣнить Илларіона, но тебѣ нужно уединеніе, чтобы смирить гордыню. Да благословитъ тебя Богъ».

Сергій послушался старца, показалъ его письмо игумну и, испросивъ его позволенія, отдавъ свою келью и всѣ свои вещи монастырю, уѣхалъ въ Тамбинскую пустынь.

Въ Тамбинской пустыни настоятель, прекрасный хозяинъ, изъ купцовъ, принялъ просто и спокойно Сергія и помѣстилъ его въ кельѣ Илларіона, давъ сначала ему келейника, а потомъ, по желанію Сергія, оставивъ его одного. Келья была пещера, выкопанная въ горѣ. Въ ней былъ и похороненъ Илларіонъ. Въ задней пещерѣ былъ похороненъ Илларіонъ, въ ближней была ниша для спанья, съ соломеннымъ матрацомъ, столикъ и полка съ иконами и книгами. У двери наружной, которая запиралась,

была полка. На эту полку разъ въ день монахъ приносилъ пищу изъ монастыря.

И отецъ Сергій сталъ затворникомъ.

IV.

На масленицѣ шестого [1]) года жизни Сергія въ затворѣ, изъ сосѣдняго города, послѣ блиновъ съ виномъ, собралась веселая компанія богатыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, кататься на тройкахъ. Компанія состояла изъ двухъ адвокатовъ, одного богатаго помѣщика, офицера и четырехъ женщинъ. Одна была жена офицера, другая—помѣщика, третья была дѣвица, сестра помѣщика, и четвертая была разводная жена, красавица, богачка и чудачка, удивлявшая и мутившая городъ своими выходками.

Погода была прекрасная, дорога—какъ полъ. Проѣхали верстъ десять за городомъ, остановились, и началось совѣщаніе, куда ѣхать: назадъ или дальше.

— Да куда ведетъ эта дорога? — спросила Маковкина, разводная жена, красавица.

— Въ Т[амбино] отсюда двѣнадцать верстъ, — сказалъ адвокатъ, ухаживавшій за Маковкиной.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ на Л. черезъ монастырь.

— Тамъ, гдѣ отецъ Сергій этотъ живетъ?

— Да.

— Касатскій? Этотъ красавецъ-пустынникъ?

— Да.

— Медамъ, господа! ѣдемте къ Касатскому. Въ Т[амбинѣ] отдохнемъ, закусимъ.

— Но мы не поспѣемъ ночевать домой.

— Ничего, ночуемъ у Касатскаго.

— Положимъ, тамъ есть гостиница монастырская, и очень хорошо. Я былъ, когда защищалъ Махина.

— Нѣтъ, я у Касатскаго буду ночевать.

— Ну, ужъ это даже съ вашимъ всемогуществомъ невозможно.

— Невозможно? Пари.

---

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

— Идетъ. Если вы ночуете у него, то я что хотите.

— A discretion [1]).

— А вы тоже?

— Ну да, ѣдемте.

Ямщикамъ поднесли вина. Сами достали ящикъ съ пирожками, виномъ, конфетами, дамы закутались въ бѣлыя собачьи шубы. Ямщики поспорили, кому ѣхать передомъ, и одинъ молодой, повернувшись ухарски бокомъ, повелъ длиннымъ кнутовищемъ, крикнулъ, — и залились колокольчики, и завизжали полозья.

Сани чуть подрагивали и покачивались, пристяжная ровно и весело скакала съ своимъ круто подвязаннымъ хвостомъ надъ наборной шлеей, ровная, масляная дорога быстро убѣгала назадъ, ямщикъ ухарски пошевеливалъ вожжами, адвокатъ, офицеръ, сидя напротивъ, что-то врали съ сосѣдкой Маковкиной, а она сама, завернувшись туго въ шубу, сидѣла неподвижно и думала: «все одно и то же, и все гадкое: красныя, глянцовитыя лица съ запахомъ вина и табаку, тѣ же рѣчи, тѣ же мысли, и все вертится около самой гадости. И всѣ они довольны и увѣрены, что такъ надо, и могутъ такъ продолжать жить до смерти. Я не могу. Мнѣ скучно. Мнѣ нужно что-нибудь такое, что бы все это разстроило, перевернуло. Ну, хоть бы какъ тѣ, въ Саратовѣ, кажется, поѣхали и замерзли. Ну, что бы наши сдѣлали? какъ бы вели себя? Да навѣрно подло. Каждый бы за себя. Да и я тоже подло вела бы себя. Но я, по крайней мѣрѣ, хороша. Они-то знаютъ это. Ну, а этотъ монахъ? Неужели онъ этого уже не понимаетъ? Неправда. Это одно они понимаютъ. Какъ осенью съ этимъ кадетомъ. И какой онъ дуракъ былъ».

— Иванъ Николаевичъ, — сказала она.

— Что прикажете?

— Да ему сколько лѣтъ?

— Кому?

— Да Касатскому.

— Кажется, лѣтъ за сорокъ.

— И что же, онъ принимаетъ всѣхъ?

— Всѣхъ, но не всегда.

— Закройте мнѣ ноги. Не такъ. Какой вы неловкій! Ну, еще, еще, вотъ такъ. А ногъ моихъ жать не нужно.

Такъ они доѣхали до лѣса, гдѣ стояла келья

[1]) Пари на что угодно.

Она вышла и велѣла имъ уѣхать. Они отговаривали ее, но она разсердилась и велѣла уѣзжать. Тогда сани уѣхали, а она, въ своей бѣлой собачьей шубѣ, пошла по дорожкѣ. Адвокатъ [1]) слѣзъ и остался смотрѣть.

V.

Отецъ Сергій жилъ шестой годъ въ затворѣ. Ему было сорокъ девять лѣтъ. Жизнь его была трудная,—не трудами поста и молитвы: это были не труды, — а внутренней борьбой, которой онъ никакъ не ожидалъ. Источниковъ борьбы было два: сомнѣніе и плотская похоть, и оба врага всегда поднимались вмѣстѣ. Ему казалось, что это были два разные врага, тогда какъ это былъ одинъ и тотъ же. Какъ только уничтожалось сомнѣнье, такъ уничтожалась похоть. Но онъ думалъ, что это два разные дьявола, и боролся съ ними порознь.

«Боже мой, Боже мой,—думалъ онъ,—за что не даешь Ты мнѣ вѣры? Да, похоть. Да, съ нею боролись святые: Антоній и другіе, но вѣра... Они имѣли ее, а у меня вотъ минуты, часы, дни, когда нѣтъ ея. Зачѣмъ весь міръ, вся прелесть его, если онъ грѣховенъ и надо отречься отъ него? Зачѣмъ Ты сдѣлалъ этотъ соблазнъ? Соблазнъ? Но не соблазнъ ли то, что я хочу уйти отъ радостей міра и что-то готовлю тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, можетъ-быть?— сказалъ онъ себѣ и ужаснулся, омерзился на самого себя.—Гадина, гадина! Хочешь быть святымъ», началъ онъ бранить себя. И сталъ на молитву. Но только что онъ началъ молиться, какъ ему живо представился онъ самъ, какимъ онъ бывалъ въ монастырѣ: въ клобукѣ, въ мантіи, въ величественномъ видѣ. И онъ покачалъ головой. «Нѣтъ, это не то. Это обманъ. Но другихъ я обману, а не себя и не Бога. Не величественный я человѣкъ, а жалкій, смѣшной». И онъ откинулъ полы рясы и посмотрѣлъ на свои жалкія ноги въ подштанникахъ, и улыбнулся.

Потомъ онъ опустилъ полы и сталъ читать молитвы, креститься и кланяться. «Неужели одръ сей мнѣ гробъ будетъ?» читалъ онъ. И какъ бы дьяволъ какой шепнулъ ему: «одръ одинокій и то гробъ. Ложь». И онъ увидалъ въ воображеніи плечи вдовы, съ которой онъ жилъ. Онъ отряхнулся и продолжалъ читать. Прочтя правила, онъ взялъ Евангеліе, раскрылъ его и напалъ на мѣсто, которое онъ

[1]) См. примѣчаніе 5-е.

часто твердилъ и зналъ наизусть: «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!» Онъ убралъ назадъ всѣ выступающія сомнѣнія. Какъ устанавливаютъ предметъ неустойчиваго равновѣсія, онъ установилъ опять свою вѣру на колеблющейся ножкѣ и осторожно отступилъ отъ нея, чтобы не толкнуть и не завалить ея. Шоры выдвинулись опять, и онъ успокоился. Онъ повторилъ свою дѣтскую молитву: «Господи, возьми, возьми меня!» И ему не только легко, но радостно и умиленно стало. Онъ перекрестился и легъ на свою подстилочку на узенькой скамьѣ, положивъ подъ голову лѣтнюю ряску. И онъ заснулъ.

Въ легкомъ снѣ ему казалось, что онъ слышалъ колокольчики. Онъ не зналъ, наяву ли это было или во снѣ. Но вотъ изъ сна его разбудилъ стукъ въ его двери. Онъ поднялся, не вѣря себѣ. Но стукъ повторился. Да, это былъ стукъ близкій, въ его двери, и женскій голосъ.

«Боже мой! Да неужели правда то, что я читалъ въ житіяхъ, что дьяволъ принимаетъ видъ женщины?.. Да, это голосъ женщины. И голосъ нѣжный, робкій, милый. Тьфу! — онъ плюнулъ. — Нѣтъ, мнѣ кажется», сказалъ онъ и отошелъ къ углу, передъ которымъ стоялъ аналойчикъ, и опустился на колѣни тѣмъ привычнымъ, правильнымъ движеніемъ, въ которомъ, въ движеніи въ самомъ, онъ находилъ утѣшеніе и удовольствіе. Онъ опустился, волосы повисли ему на лицо, и прижалъ оголявшійся уже лобъ къ сырой, холодной полосушкѣ (въ полу дуло).

..... читалъ онъ псаломъ, который, ему говорилъ старичокъ отецъ Пименъ, помогалъ отъ наважденія. Онъ легко поднялъ на сильныхъ, нервныхъ ногахъ свое исхудалое, легкое тѣло и хотѣлъ продолжать читать дальше, но не читалъ, а невольно напрягалъ слухъ, чтобъ слышать. Ему хотѣлось слышать. Было совсѣмъ тихо. Тѣ же капли съ крыши падали въ кадушку, поставленную подъ уголъ. На дворѣ была мгла, туманъ, съѣдавшій снѣгъ. Было тихо, тихо. И вдругъ зашуршало у окна, и явственно голосъ, тотъ же нѣжный, робкій голосъ, такой голосъ, какой могъ принадлежать только привлекательной женщинѣ, проговорилъ:

— Пустите. Ради Христа...

Казалось, вся кровь прилила къ сердцу и остановилась. Онъ не могъ вздохнуть. «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази»...

— Да я не дьяволъ...—И слышно было, что улыбались уста, говорившія это. — Я не дьяволъ, я просто грѣшная женщина,

заблудилась—не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ (она засмѣялась), измерзла и прошу пріюта....

Онъ приложилъ лицо къ стеклу. Лампадка отсвѣчивала и свѣтилась вездѣ въ стеклѣ. Онъ приставилъ ладони къ обѣимъ сторонамъ лица и глядѣлъ. Туманъ, мгла, дерево, а вотъ направо — она. Да, она, женщина въ шубѣ съ бѣлой длинной шерстью, въ шапкѣ, съ милымъ, милымъ, добрымъ, испуганнымъ лицомъ, тутъ, въ двухъ вершкахъ отъ его лица, пригнувшись къ нему. Глаза ихъ встрѣтились и узнали другъ друга. Не то чтобы они видѣли когда другъ друга: они никогда не видались, но во взглядѣ, которымъ они обмѣнялись, они (особенно онъ) почувствовали, что они знаютъ другъ друга, понятны другъ другу. Сомнѣваться послѣ этого взгляда въ томъ, что это былъ дьяволъ, а не простая, добрая, милая, робкая женщина, нельзя было.

— Кто вы? Зачѣмъ вы? — сказалъ онъ.

— Да отоприте же! — съ капризнымъ самовластьемъ сказала она. — Я измерзла. Говорю вамъ — заблудилась.

— Да вѣдь я монахъ, отшельникъ.

— Ну такъ и отоприте. А то хотите, чтобъ я замерзла подъ окномъ, пока вы будете молиться.

— Да какъ вы...

— Не съѣмъ же я васъ. Ради Бога пустите. Я озябла, наконецъ.

Ей самой становилось жутко. Она сказала это плачущимъ почти голосомъ.

Онъ отошелъ отъ окна, взглянулъ на икону Христа въ терновомъ вѣнкѣ. «Господи, помоги мнѣ, Господи, помоги мнѣ», проговорилъ онъ, крестясь и кланяясь въ поясъ, и подошелъ къ двери, отворилъ ее въ сѣнцы. Въ сѣняхъ ощупалъ крючокъ и сталъ откидывать его. Съ той стороны онъ слышалъ шаги. Она отъ окна переходила къ двери. «Ай!» вдругъ вскрикнула она. Онъ понялъ, что она ногой попала въ лужу, натекшую у порога. Руки его дрожали, и онъ никакъ не могъ поднять натянутый дверью крючокъ.

— Да что же вы, пустите же. Я вся измокла. Я замерзла. Вы объ спасеніи души думаете, а я замерзла.

Онъ натянулъ дверь къ себѣ, поднялъ крючокъ и, не разсчитавъ толчокъ, сунулъ дверь наружу такъ, что толкнулъ ее.

— Ахъ, извините!— сказалъ онъ, вдругъ совершенно переносясь въ давнишнее, привычное обращеніе съ дамами.

Она улыбнулась, услыхавъ это «извините». «Ну, онъ не такъ еще страшенъ», подумала она.

— Ничего, ничего; вы простите меня,—сказала она, проходя мимо него.—Я бы никогда не рѣшилась, но такой особенный случай.

— Пожалуйте, — проговорилъ онъ, пропуская ее мимо. Сильный запахъ, давно не слышанный имъ, тонкихъ духовъ поразилъ его. Она прошла черезъ сѣни въ горницу. Онъ захлопнулъ наружную дверь, не накидывая крючка, прошелъ сѣни и вошелъ въ горницу.

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, Господи, помилуй мя грѣшнаго», не переставая молился онъ не только внутренно, но и невольно наружно шевеля губами.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ.

Она стояла посреди комнаты, съ нея текло на полъ, и разглядывала его. Глаза ея смѣялись.

— Простите меня, что я нарушила ваше уединеніе. Но видите, въ какомъ я положеніи. Произошло это оттого, что мы изъ города поѣхали кататься, и я побилась объ закладъ, что дойду одна отъ Воробьевки до города, но тутъ сбилась съ дороги и вотъ если бы не набрела на вашу келью...—начала она лгать. Но лицо его смущало ее, такъ что она не могла продолжать и замолчала. Она ожидала его совсѣмъ не такимъ. Онъ былъ не такой красавецъ, какимъ она воображала его, но онъ былъ прекрасенъ въ ея глазахъ; вьющіеся съ просѣдью волосы головы и бороды, правильный, тонкій носъ и, какъ угли, горящіе глаза, когда онъ прямо взглядывалъ, поразили ее.

Онъ видѣлъ, что она лжетъ.

— Да, такъ, — сказалъ онъ, взглянувъ на нее и опять опуская глаза, — я пройду сюда, а вы располагайтесь.

И онъ, снявъ лампочку, зажегъ свѣчу и, низко поклонившись ей, вышелъ въ каморочку за перегородкой, и она слышала, какъ онъ что-то сталъ двигать тамъ. «Вѣроятно, запирается чѣмъ-нибудь отъ меня», подумала она улыбаясь и, скинувъ собачью бѣлую ротонду, стала снимать шапку, зацѣпившуюся за волоса, и вязаный платокъ, бывшій подъ ней. Она вовсе не промокла, когда стояла подъ окномъ, и говорила про это только какъ предлогъ, чтобъ онъ пустилъ ее. Но у двери она точно попала въ лужу, и лѣвая нога была мокра до икры и ботинокъ и ботикъ полны воды. Она сѣла на его койку,—

доску, только покрытую ковриком,—и стала разуваться. Келейка эта казалась ей прелестной. Узенькая, аршина въ три горенка, длиной аршина четыре, была чиста, какъ стеклышко. Въ горенкѣ была только койка, на которой она сидѣла, надъ ней полочка съ книгами, въ углу аналойчикъ. У двери гвозди, шуба и ряса. Надъ аналойчикомъ образъ Христа въ терновомъ вѣнкѣ и лампадка. Пахло странно: масломъ, потомъ и землей. Все нравилось ей, даже этотъ запахъ. Мокрыя ноги, особенно одна, безпокоили ее, и она поспѣшно стала разуваться, не переставая улыбаться, радуясь не столько тому, что она достигла своей цѣли, сколько тому, что она видѣла, что смутила его, этого прелестнаго, поразительнаго, страннаго, привлекательнаго мужчину. «Ну, не отвѣтилъ, ну, что же за бѣда», сказала она себѣ.

— Отецъ Сергій! Отецъ Сергій! Такъ вѣдь васъ звать?

— Что вамъ надо? — отвѣчалъ тихій голосъ.

— Вы, пожалуйста, простите меня, что я нарушила ваше уединеніе. Но, право, я не могла иначе. Я бы прямо заболѣла. Да и теперь я не знаю. Я вся мокрая, ноги—какъ ледъ.

— Простите меня, — отвѣчалъ тихій голосъ, — я ничѣмъ не могу служить.

— Я бы ни за что не потревожила васъ. Я только до разсвѣта.

Онъ не отвѣчалъ, и она слышала, что онъ шепчетъ что-то, очевидно—молится.

— Вы не взойдете сюда? — спросила она улыбаясь. — А то мнѣ надо раздѣться, чтобы высушиться.

Онъ не отвѣчалъ, продолжая за стѣной ровнымъ голосомъ читать молитвы.

«Да, это человѣкъ», думала она, съ трудомъ стаскивая шлюпающій ботикъ. Она тянула его и не могла, и ей смѣшно это стало. И она чуть слышно смѣялась, но, зная, что онъ слышитъ ея смѣхъ, и что смѣхъ этотъ подѣйствуетъ на него и именно такъ, какъ она этого хотѣла, она засмѣялась громче, и смѣхъ этотъ, веселый, натуральный, добрый, дѣйствительно подѣйствовалъ на него и именно такъ, какъ она этого хотѣла.

«Да, такого человѣка можно полюбить. Эти глаза и это простое, благородное и — какъ онъ ни бормочи молитвы — и страстное лицо», думала она. «Насъ, женщинъ, не обманешь. Еще

когда онъ придвинулъ лицо къ стеклу и увидалъ меня, и понялъ, и узналъ. Въ глазахъ блеснуло и припечаталось. Онъ полюбилъ, пожелалъ меня. Да, пожелалъ», говорила она, снявъ, наконецъ, ботикъ и ботинокъ и принимаясь за чулки. Чтобы снять ихъ, эти длинные чулки на ластикахъ, надо было поднять юбки. Ей совѣстно стало, и она проговорила:

— Не входите.

Но изъ-за стѣны не было никакого отвѣта, продолжалось равномѣрное бормотаніе и еще звуки движенія. «Вѣрно, онъ кланяется въ землю», думала она. «Но не откланяется онъ,—проговорила она.—Онъ обо мнѣ думаетъ такъ же, какъ я объ немъ. Съ тѣмъ же чувствомъ думаетъ онъ объ этихъ ногахъ», говорила она, сдернувъ мокрые чулки и ступая босыми ногами по койкѣ и поджимая ихъ подъ себя. Она посидѣла такъ недолго, обхвативъ колѣни руками и задумчиво глядя передъ собой. «Да, это пустыня, это тишина. И никто никогда не узналъ бы...»

Она встала, снесла чулки къ печкѣ, повѣсила ихъ на отдушникъ,—какой-то особенный былъ отдушникъ. Она повертѣла его и потомъ, легко ступая босыми ногами, вернулась на койку и опять сѣла на нее съ ногами. За стѣной совсѣмъ затихло. Она посмотрѣла на крошечные часы, висѣвшіе у ней на шеѣ. Было два часа. «Наши должны подъѣхать около трехъ». Оставалось не больше часа.

«Что же, я такъ просижу тутъ одна? Что за вздоръ! Не хочу я. Сейчасъ позову его».

— Отецъ Сергій!.. Отецъ Сергій!.. Сергѣй Дмитріевичъ!.. Князь Касатскій!..

За дверью было тихо.

— Послушайте, это жестоко. Я бы не звала васъ, если бы мнѣ не нужно было. Я больна, я не знаю, что со мной, — заговорила она страдающимъ голосомъ. — Охъ, охъ! — застонала она, падая на койку. И, странное дѣло, она точно чувствовала, что она изнемогаетъ, вся изнемогаетъ, что все болитъ у нея, и что ее трясетъ дрожь, лихорадка.

— Послушайте, помогите мнѣ. Я не знаю, что со мною. Охъ, охъ! — Она разстегнула платье, открыла грудь и закинула обнаженныя по локоть руки.—Охъ, охъ!

Все это время онъ стоялъ въ своемъ чуланѣ и молился. Прочтя всѣ вечернія молитвы, онъ теперь стоялъ неподвижно, устремивъ

глаза на кончикъ носа и творилъ «умную» молитву, духомъ повторяя: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!»

Но онъ все слышалъ. Онъ слышалъ, какъ она шуршала шелковой тканью, снимая платье, какъ она ступала босыми ногами по полу, онъ слышалъ, какъ она терла себѣ рукой ноги. Онъ чувствовалъ, что онъ слабъ и что всякую минуту можетъ погибнуть, и потому не переставая молился. Онъ испытывалъ нѣчто подобное тому, что долженъ испытывать тотъ сказочный герой, который долженъ былъ итти не оглядываясь. Такъ и Сергій слышалъ, чуялъ, что опасность, погибель тутъ, надъ нимъ, вокругъ него, и онъ можетъ спастись, только ни на минуту не оглядываясь на нее. Но вдругъ желаніе взглянуть охватило его. Въ то же мгновеніе она сказала:

— Послушайте, это безчеловѣчно, я могу умереть.

«Да, я пойду, но такъ, какъ дѣлалъ тотъ отецъ, который накладывалъ одну руку на блудницу, а другую клалъ въ жаровню. Но жаровни нѣтъ». Онъ оглянулся. Лампа. Онъ выставилъ палецъ надъ огнемъ и нахмурился, готовясь терпѣть. И довольно долго ему казалось, что онъ не чувствуетъ, но вдругъ—онъ еще не рѣшилъ, больно ли и насколько, какъ онъ сморщился весь и отдернулъ руку, махая ею. «Нѣтъ, я не могу этого».

— Ради Бога! Охъ, подите ко мнѣ! Я умираю! Охъ!

«Такъ что же, я погибну? Такъ нѣтъ же».

— Сейчасъ я приду къ вамъ,—проговорилъ онъ и, отворивъ свою дверь, не глядя на нее, прошелъ мимо нея въ дверь въ сѣни, гдѣ онъ рубилъ дрова, ощупалъ чурбанъ, на которомъ онъ рубилъ дрова, и топоръ, прислоненный къ стѣнѣ.

— Сейчасъ, — сказалъ онъ и, взявъ топоръ въ правую руку, положилъ указательный палецъ лѣвой руки на чурбанъ, взмахнулъ топоромъ и ударилъ по немъ ниже второго сустава. Палецъ отскочилъ легче, чѣмъ отскакивали дрова такой же толщины, перевернулся и шлепнулся на край чурбана и потомъ на полъ.

Онъ услыхалъ этотъ звукъ прежде, чѣмъ почувствовалъ боль. Но не успѣлъ онъ удивиться тому, что боли нѣтъ, какъ онъ почувствовалъ жгучую боль и тепло полившейся крови. Онъ быстро прихватилъ оставшійся [1]) суставъ подоломъ рясы и, прижавъ

---

[1]) См. примѣчаніе 6-е.

его къ бедру, вошелъ назадъ въ дверь и, остановившись противъ женщины, опустивъ глаза, тихо спросилъ:

— Что вамъ?

Она взглянула на его поблѣднѣвшее лицо, съ дрожащей лѣвой щекой, и вдругъ ей стало стыдно. Она вскочила, схватила шубу и накинула на себя, закуталась въ нее.

— Да, мнѣ было больно... Я простудилась... Я... Отецъ Сергій... Я...

Онъ поднялъ на нее глаза, свѣтившіеся тихимъ, радостнымъ свѣтомъ, и сказалъ:

— Милая сестра, за что ты хотѣла погубить свою безсмертную душу? Соблазны должны войти въ міръ, но горе тому, черезъ кого соблазнъ входитъ... Молись, чтобы Богъ простилъ насъ.

Она слушала его и смотрѣла на него. Вдругъ она услыхала капли падающей жидкости. Она взглянула и увидала, какъ по рясѣ текла изъ руки кровь.

— Что вы сдѣлали съ рукой? — Она вспомнила звукъ, который слышала, и, схвативъ лампаду, выбѣжала въ сѣни и увидала на полу окровавленный палецъ. Блѣднѣе его она вернулась и хотѣла сказать ему, но онъ тихо прошелъ въ чуланъ и заперъ за собой дверь.

— Простите меня, — сказала она. — Чѣмъ выкуплю я грѣхъ свой?

— Уйди.

— Дайте, я перевяжу вамъ рану.

— Уйди отсюда.

Торопливо и молча одѣлась она и, готовая, въ шубѣ, сидѣла ожидая. Съ надворья послышались бубенцы.

— Отецъ Сергій! простите меня.

— Уйди. Богъ проститъ.

— Отецъ Сергій! я перемѣню свою жизнь, не оставляйте меня.

— Уйди.

— Простите и благословите меня.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — послышалось изъ-за перегородки. — Уйди.

Она зарыдала и вышла изъ кельи. Адвокатъ [1]) шелъ ей навстрѣчу.

---

[1]) См. примѣчаніе 5-е.

— Ну, проигралъ, нечего дѣлать. Куда же вы сядете?
— Все равно.
Она сѣла и до дома не сказала ни одного слова.

Черезъ годъ она была пострижена малымъ постригомъ и жила строгой жизнью въ монастырѣ, подъ руководительствомъ затворника Арсенія, который изрѣдка писалъ ей письма.

VI.

Въ затворѣ прожилъ отецъ Сергій еще семь лѣтъ. Сначала отецъ Сергій принималъ многое изъ того, что ему приносили — и чай, и сахаръ, и бѣлый хлѣбъ, и молоко, и одежду, и дрова.

Но чѣмъ дальше и дальше шло время, тѣмъ строже и строже онъ устанавливалъ свою жизнь, отказываясь отъ всего излишняго, и наконецъ дошелъ до того, что не принималъ больше ничего, кромѣ чернаго хлѣба одинъ разъ въ недѣлю. Все то, что приносили ему, онъ раздавалъ бѣднымъ, приходившимъ къ нему. Все время свое отецъ Сергій проводилъ въ кельѣ на молитвѣ или въ бесѣдѣ съ посѣтителями, которыхъ все становилось больше и больше. Выходилъ отецъ Сергій только въ церковь раза три въ годъ и за водой и за дровами, когда была въ томъ нужда.

Послѣ пяти лѣтъ такой жизни случилось то ставшее скоро вездѣ извѣстнымъ событіе съ Маковкиной, ея ночное посѣщеніе, совершившаяся въ ней послѣ этого перемѣна и ея поступленіе въ монастырь. Съ тѣхъ поръ слава отца Сергія стала увеличиваться. Посѣтителей стало приходить все больше и больше, и около его кельи поселились монахи, построилась церковь и гостиница. Слава про отца Сергія, какъ всегда, преувеличивая его подвиги, шла все дальше и дальше. Стали стекаться къ нему издалека, и стали приводить къ нему болящихъ, утверждая, что онъ исцѣляетъ ихъ.

Первое исцѣленіе было на восьмой годъ его жизни въ затворѣ. Это было исцѣленіе четырнадцатилѣтняго мальчика, котораго привела мать къ отцу Сергію съ требованіемъ, чтобы онъ наложилъ на него руки. Ему и въ мысль не приходило, чтобы онъ могъ исцѣлять болящихъ. Онъ считалъ бы такую мысль великимъ грѣхомъ гордости; но мать, приведшая мальчика, неотступно молила его, валялась въ ногахъ, говорила: за что онъ, исцѣляя

другихъ, не хочетъ помочь ея сыну?—просила ради Христа. На утвержденіе отца Сергія, что только Богъ исцѣляетъ, говорила, что она проситъ его только наложить руку и помолиться. Отецъ Сергій отказался и ушелъ въ свою келью. Но на другой день (это было осенью, и уже ночи были холодныя) онъ, выйдя изъ кельи за водой, увидалъ опять ту же мать съ своимъ сыномъ, четырнадцатилѣтнимъ блѣднымъ мальчикомъ, и услыхалъ тѣ же мольбы. Отецъ Сергій вспомнилъ притчу о неправедномъ судьѣ и, прежде не имѣвши сомнѣнія въ томъ, что онъ долженъ отказать, почувствовалъ сомнѣніе, а почувствовавъ сомнѣніе, сталъ на молитву и молился до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его не возникло рѣшеніе. Рѣшеніе было такое, что онъ долженъ исполнить требованіе женщины, что вѣра ея можетъ спасти ея сына, самъ же онъ,отецъ Сергій, въ этомъ случаѣ — ничтожное орудіе, избранное Богомъ.

И, выйдя къ матери, отецъ Сергій исполнилъ ея желаніе, положилъ руку на голову мальчика и сталъ молиться.

Мать уѣхала съ сыномъ, и черезъ мѣсяцъ мальчикъ выздоровѣлъ, и по округѣ прошла слава о святой, цѣлебной силѣ старца Сергія, какъ его называли теперь. Съ тѣхъ поръ не проходило недѣли, чтобъ къ отцу Сергію не приходили, не пріѣзжали больные, и, не отказавъ однимъ, онъ не могъ отказывать и другимъ и накладывалъ руку и молился, и исцѣлялись многіе. И слава отца Сергія распространялась дальше и дальше.

Такъ прошло девять лѣтъ въ монастыряхъ и тринадцать въ уединеніи. Отецъ Сергій имѣлъ видъ старца: борода у него была длинная и сѣдая, но волосы, хотя и рѣдкіе, еще черные и курчавые.

VII.

Отецъ Сергій уже нѣсколько недѣль жилъ съ одной неотступною мыслью: хорошо ли онъ дѣлалъ, подчиняясь тому положенію, въ которое онъ не столько самъ сталъ, сколько поставили его архимандритъ и игуменъ. Началось это послѣ выздоровѣвшаго четырнадцатилѣтняго мальчика. Съ тѣхъ поръ съ каждымъ мѣсяцемъ, недѣлей, днемъ Сергій чувствовалъ, какъ уничтожалась его внутренняя жизнь и замѣнялась внѣшней. Точно его выворачивали наружу.

---

[1]) См. примѣчаніе 7-е.

Сергій видѣлъ, что онъ былъ средствомъ привлеченія посѣтителей и жертвователей къ монастырю, и что потому монастырскія власти обставляли его такими условіями, въ которыхъ бы онъ могъ быть наиболѣе полезенъ. Ему, напримѣръ, не давали уже совсѣмъ возможности трудиться. Ему припасали все, что ему могло быть нужно, и требовали отъ него только того, чтобы онъ не лишалъ своего благословенія тѣхъ посѣтителей, которые приходили къ нему. Для его удобства устроили дни, въ которые онъ принималъ. Устроили пріемную для мужчинъ и мѣсто, огороженное перилами такъ, что его не сбивали съ ногъ бросавшіяся къ нему посѣтительницы,— мѣсто, гдѣ онъ могъ благословлять приходящихъ. Ему говорили, что онъ нуженъ былъ людямъ, что, исполняя законъ Христовъ— любви, онъ не могъ отказывать людямъ въ ихъ требованіи видѣть его, что удаленіе отъ этихъ людей было бы жестокостью. Онъ не могъ не соглашаться съ этимъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ отдавался этой жизни, онъ чувствовалъ, какъ внутреннее переходило во внѣшнее, какъ изсякалъ въ немъ источникъ воды живой, какъ то, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ все больше и больше для людей, а не для Бога.

Говорилъ ли онъ наставленія людямъ, просто благословлялъ ли, молился ли о болящихъ, давалъ ли совѣты людямъ о направленіи ихъ жизни, выслушивалъ ли благодарность людей, которымъ онъ помогъ либо исцѣленіями, какъ ему говорили, либо поученіями, онъ не могъ не радоваться этому, не могъ не заботиться о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, о вліяніи ея на людей. Онъ думалъ о томъ, что онъ былъ свѣтильникъ горящій, и чѣмъ больше онъ чувствовалъ это, тѣмъ больше онъ чувствовалъ ослабленіе, потуханіе божескаго свѣта истины, горящаго въ немъ. «Насколько то, что я дѣлаю, для Бога и насколько для людей?»—вотъ вопросъ, который постоянно мучилъ его и на который онъ никогда не то что не могъ, но не рѣшался отвѣтить себѣ. Онъ чувствовалъ въ глубинѣ души, что дьяволъ подмѣнилъ всю его дѣятельность для Бога дѣятельностью для людей. Онъ чувствовалъ это потому, что какъ прежде ему тяжело было, когда его отрывали отъ его уединенія, такъ [теперь] ему тяжело было его уединеніе. Онъ тяготился посѣтителями, уставалъ отъ нихъ, но въ глубинѣ души онъ радовался имъ, радовался тѣмъ восхваленіямъ, которыми окружали его.

Было даже время, когда онъ рѣшилъ уйти, скрыться. Онъ даже все обдумалъ, какъ это сдѣлать. Онъ приготовилъ себѣ мужицкую рубаху, портки, кафтанъ и шапку. Онъ объяснилъ, что это нужно ему для того, чтобы давать просящимъ. И онъ держалъ это одѣяніе у себя, придумывая, какъ онъ одѣнется, острижетъ волосы и уйдетъ. Сначала онъ уѣдетъ на поѣздѣ, проѣдетъ триста верстъ, сойдетъ и пойдетъ по деревнямъ. Онъ разспрашивалъ старика солдата, какъ онъ ходитъ, какъ подаютъ и пускаютъ. Солдатъ разсказалъ, какъ и гдѣ лучше подаютъ и пускаютъ, и вотъ такъ и хотѣлъ сдѣлать отецъ Сергій. Онъ даже разъ одѣлся ночью и хотѣлъ итти, но онъ не зналъ, что̀ хорошо: оставаться или бѣжать? Сначала онъ былъ въ нерѣшительности, потомъ нерѣшительность прошла, онъ привыкъ и покорился дьяволу, и одежда мужицкая только напоминала ему его мысли и чувства.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше приходило къ нему людей и все меньше и меньше оставалось времени для духовнаго укрѣпленія и молитвы. Иногда, въ свѣтлыя минуты, онъ думалъ такъ, что онъ сталъ подобенъ мѣсту, гдѣ прежде былъ ключъ. «Былъ слабый ключъ воды живой, который тихо текъ изъ меня, черезъ меня. То была истинная жизнь, когда она (онъ всегда съ восторгомъ вспоминалъ эту ночь и ее, теперь мать Агнію) соблазняла его Она вкусила той чистой воды, но съ тѣхъ поръ не успѣваетъ набраться вода, какъ жаждущіе приходятъ, тѣснятся, отбивая другъ друга. И они затолкли все, осталась одна грязь». Такъ думалъ онъ въ рѣдкія свѣтлыя минуты; но самое обыкновенное состояніе его было—усталость и умиленіе передъ собой за эту усталость.

Была весна, канунъ праздника Преполовенья. Отецъ Сергій служилъ всенощную въ своей пещерной церкви. Народу было столько, сколько могло помѣститься,—человѣкъ двадцать. Это все были господа и купцы—богатые. Отецъ Сергій пускалъ всѣхъ, но эту выборку дѣлали монахъ, приставленный къ нему, и дежурный, присылаемый ежедневно къ его затвору изъ монастыря. Толпа народа, человѣкъ въ восемьдесятъ странниковъ-мужиковъ, въ особенности бабъ, толпилась наружи, ожидая выхода отца Сергія и его благословенія. Отецъ Сергій служилъ и, когда онъ вышелъ,

славя... [1]) къ гробу своего предшественника, онъ пошатнулся и упалъ бы, если бы стоявшій за нимъ купецъ и за нимъ монахъ, служившій за дьякона, не подхватили его.

— Что съ вами? Батюшка, отецъ Сергій! Голубчикъ! Господи!— заговорили голоса женщинъ. — Какъ платокъ стали.

Но отецъ Сергій тотчасъ же оправился и, хотя и очень блѣдный, отстранилъ отъ себя купца и дьякона и продолжалъ пѣть. Отецъ Серапіонъ, дьяконъ, и причетники, и барыня Софья Ивановна, жившая всегда при затворѣ и ухаживавшая за отцомъ Сергіемъ, стали просить его прекратить службу.

— Ничего, ничего, — улыбаясь чуть замѣтно подъ своими усами, проговорилъ отецъ Сергій.—Не прерывайте службу.—«Да, такъ святые дѣлаютъ», подумалъ онъ.

— Святой, ангелъ Божій,—послышался ему тотчасъ же сзади его голосъ Софьи Ивановны и еще того купца, который поддержалъ его. Онъ не послушался уговоровъ и продолжалъ служить. Опять тѣснясь всѣ прошли коридорчиками назадъ къ маленькой церкви, и тамъ, хотя немного и сокративъ ее, отецъ Сергій дослужилъ всенощную.

Тотчасъ послѣ службы отецъ Сергій благословилъ бывшихъ тутъ и вышелъ на лавочку подъ вязъ у входа въ пещеры. Онъ хотѣлъ отдохнуть, подышать свѣжимъ воздухомъ, чувствовалъ, что ему это необходимо, но только что онъ вышелъ, какъ толпа народа бросилась къ нему, прося благословенья и спрашивая совѣтовъ и помощи. Тутъ были странницы, всегда ходящія отъ святого мѣста къ святому мѣсту, отъ старца къ старцу и всегда умиляющіяся передъ всякой святыней и всякимъ старцемъ. Отецъ Сергій зналъ этотъ обычный, самый нерелигіозный, холодный, условный типъ. Тутъ были странники, большей частью изъ отставныхъ солдатъ, отбившіеся отъ осѣдлой жизни, бѣдствующіе и большей частью запивающіе старики, шляющіеся изъ монастыря въ монастырь только, чтобы кормиться; тутъ были и сѣрые крестьяне и крестьянки съ своими эгоистическими требованіями исцѣленія или разрѣшенія сомнѣній о самыхъ практическихъ дѣлахъ: о выдачѣ дочери, о наймѣ лавочки, о покупкѣ земли или о снятіи съ себя грѣха заспаннаго или прижитого ребенка.

---

[1]) Многоточіе въ оригиналѣ.

Все это было давно знакомо и неинтересно отцу Сергію. Онъ зналъ, что отъ этихъ лицъ онъ ничего не узнаетъ новаго, что лица эти не вызовутъ въ немъ никакого религіознаго чувства, но онъ любилъ видѣть ихъ, какъ толпу, которой онъ, его благословеніе, его слово было нужно и дорого, и потому онъ и тяготился этой толпой, и она вмѣстѣ съ тѣмъ была пріятна ему. Отецъ Серапіонъ сталъ было отгонять ихъ, говоря, что отецъ Сергій усталъ, но онъ, вспомнивъ притомъ слова Евангелія: «Не мѣшайте имъ (дѣтямъ) приходить ко Мнѣ» и умилившись на себя при этомъ воспоминаніи, сказалъ, чтобы ихъ пустили.

Онъ всталъ, подошелъ къ перильцамъ, около которыхъ они толпились, и сталъ благословлять ихъ и отвѣчать на ихъ вопросы голосомъ, слабостью звука котораго онъ самъ умилялся. Но, несмотря на желаніе, принять ихъ всѣхъ онъ не могъ; опять у него потемнѣло въ глазахъ, онъ пошатнулся и схватился за перила. Опять онъ почувствовалъ приливъ къ головѣ и сначала поблѣднѣлъ, а потомъ вдругъ вспыхнулъ.

— Да, видно, до завтра. Я не могу нынче,—сказалъ онъ и, благословивъ вообще всѣхъ, пошелъ къ лавочкѣ. Купецъ опять подхватилъ его и повелъ за руку и посадилъ.

— Отецъ! — послышалось въ толпѣ. — Отецъ! Батюшка! Не покинь ты насъ. Пропали мы безъ тебя!

Купецъ, усадивъ отца Сергія на лавочку подъ вязомъ, взялъ на себя обязанность полицейскую и очень рѣшительно взялся прогонять народъ. Правда, онъ говорилъ тихо, такъ что отецъ Сергій не могъ слышать его, но говорилъ рѣшительно и сердито:

— Убирайтесь, убирайтесь! Благословилъ, ну, чего же вамъ еще? Маршъ! А то, право, шею намну. Ну, ну! Ты, тетка, черныя онучи, ступай, ступай. Ты куда лѣзешь? Сказано, — шабашъ. Что завтра Богъ дастъ, а нынче вся отошла.

— Батюшка, только еще глазкомъ на личико его взглянуть,— говорила старушка.

— Я те взгляну. Куда лѣзешь?

Отецъ Сергій замѣтилъ, что купецъ что-то строго дѣйствуетъ, и слабымъ голосомъ сказалъ келейнику, чтобъ онъ не гналъ народъ. Отецъ Сергій зналъ, что онъ все-таки прогонитъ, и очень желалъ остаться одинъ и отдохнуть, но послалъ келейника сказать, чтобы произвести впечатлѣніе.

— Хорошо, хорошо. Я не гоню, я усовѣщиваю,—отвѣчалъ купецъ. — Вѣдь они рады доконать человѣка. У нихъ жалости вѣдь нѣтъ, они только себя помнятъ. Нельзя, сказано. Иди! Завтра.

И купецъ прогналъ всѣхъ.

Купецъ усердствовалъ и потому, что онъ любилъ порядокъ и любилъ гонять народъ, помыкать имъ и, главное, потому, что отецъ Сергій ему нуженъ былъ. Онъ былъ вдовецъ, и у него была единственная дочь, больная, не шедшая замужъ, и онъ за 1400 верстъ привезъ ее къ отцу Сергію, чтобы отецъ Сергій излѣчилъ ее. Онъ лѣчилъ эту дочь за два года ея болѣзни уже въ разныхъ мѣстахъ. Сначала въ губернскомъ университетскомъ городѣ въ клиникѣ — не помогли; потомъ возилъ ее къ мужику въ Самарскую губернію— немножко полегчало; потомъ возилъ къ московскому доктору, заплатилъ много денегъ — ничего не помогъ. Теперь ему сказали, что отецъ Сергій излѣчиваетъ, и вотъ онъ привезъ ее. Такъ что, когда купецъ разогналъ весь народъ, онъ подошелъ къ отцу Сергію и, ставъ безъ всякихъ приготовленій на колѣни, громкимъ голосомъ сказалъ:

— Отецъ святой! благослови дщерь мою болящую исцѣлить отъ боли недуга. Дерзаю прибѣгнуть къ святымъ стопамъ твоимъ.

И онъ сложилъ чашечкой руку на руку. Все это онъ сдѣлалъ и сказалъ такъ, какъ будто онъ дѣлалъ нѣчто ясно и твердо опредѣленное закономъ и обычаемъ, какъ будто именно такъ, а не какимъ-либо инымъ способомъ надо и должно просить объ исцѣленіи дочери. Онъ сдѣлалъ это съ такою увѣренностью, что даже и отцу Сергію показалось, что все это именно такъ и должно говорить и дѣлать. Но онъ все-таки велѣлъ ему встать и разсказать, въ чемъ дѣло. Купецъ разсказалъ, что дочь его, дѣвица двадцати двухъ лѣтъ, заболѣла два года тому назадъ послѣ скоропостижной смерти матери, ахнула, какъ онъ говоритъ, и съ тѣхъ поръ повредилась. И вотъ онъ привезъ ее за 1400 верстъ, и она ждетъ въ гостиницѣ, когда отецъ Сергій прикажетъ привесть ее. Днемъ она не ходитъ, боится свѣта, а можетъ выходить только послѣ заката солнца.

— Что же, она очень слаба? — сказалъ отецъ Сергій.

— Нѣтъ, слабости она особой не имѣетъ и корпусна, а только нерастениха, какъ докторъ сказывалъ. Если бы нынче приказалъ отецъ Сергій привесть ее, я бы духомъ слеталъ. Отецъ святый!

оживите сердце родителя, возстановите родъ его, молитвами своими спасите болящую дщерь его.

И купецъ опять съ размаха упалъ на колѣни и, склонившись бокомъ головой надъ двумя руками горсточкой, замеръ. Отецъ Сергій опять велѣлъ ему встать и, подумавъ о томъ, какъ тяжела его дѣятельность, и какъ, несмотря на то, онъ покорно несетъ ее, тяжело вздохнулъ и, помолчавъ нѣсколько секундъ, сказалъ:

— Хорошо, приведите ее вечеромъ. Я помолюсь о ней, но теперь я усталъ. — И онъ закрылъ глаза. — Я пришлю тогда.

Купецъ, на цыпочкахъ ступая по песку, отчего сапоги только громче скрипѣли, удалился, и отецъ Сергій остался одинъ.

Вся жизнь отца Сергія была полна службами и посѣтителями, но нынче былъ особенно трудный день. Утромъ былъ пріѣзжій важный сановникъ, долго бесѣдовавшій съ нимъ; послѣ него была барыня съ сыномъ. Сынъ этотъ былъ молодой профессоръ, невѣрующій, котораго мать, горячо вѣрующая и преданная отцу Сергію, привезла сюда и упросила отца Сергія поговорить съ нимъ. Разговоръ былъ очень тяжелый. Молодой человѣкъ, очевидно, не желалъ вступать въ споръ съ монахомъ, соглашался съ нимъ во всемъ, какъ съ человѣкомъ слабымъ, но отецъ Сергій видѣлъ, что молодой человѣкъ не вѣритъ, и что, несмотря на то, ему хорошо, легко и спокойно. Отецъ Сергій съ неудовольствіемъ вспоминалъ теперь этотъ разговоръ.

— Покушать, батюшка,—сказалъ келейникъ.

— Да, что-нибудь принесите.

Келейникъ ушелъ въ келейку, построенную въ десяти шагахъ отъ входа въ пещеры, а отецъ Сергій остался одинъ.

Давно уже прошло то время, когда отецъ Сергій жилъ одинъ и самъ все дѣлалъ для себя и питался одной просвирой и хлѣбомъ. Уже давно ему доказали, что онъ не имѣетъ права пренебрегать своимъ здоровьемъ, и его питали постными, но здоровыми кушаньями. Онъ употреблялъ ихъ мало, но гораздо больше, чѣмъ прежде, и часто ѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, а не такъ, какъ прежде, съ отвращеніемъ и сознаніемъ грѣха. Такъ это было и теперь. Онъ поѣлъ кашки, выпилъ чашку чая и съѣлъ половину бѣлаго хлѣба.

Келейникъ ушелъ, и онъ остался одинъ на лавочкѣ подъ вязомъ.

Былъ чудный майскій вечеръ. Листъ только что разлопушился на березахъ, осинахъ, вязахъ, черемухахъ и дубахъ. Черемуховые

кусты за вязомъ были въ полномъ цвѣту и еще не осыпались; соловьи—одинъ совсѣмъ близко и другіе два или три внизу, въ кустахъ, у рѣки, щелкали и заливались. Съ рѣки слышалось далеко пѣнье возвращавшихся, вѣрно, съ работы рабочихъ; солнце зашло за лѣсъ и брызгало разбившимися лучами сквозь зелень. Вся сторона эта была свѣтло-зеленая; другая, съ вязомъ, была темная. Жуки летали и хлопались и падали.

Послѣ ужина отецъ Сергій сталъ творить умственную молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ», а потомъ сталъ читать псаломъ, и вдругъ, среди псалма, откуда ни возьмись, воробей слетѣлъ съ куста на землю и, чиликая, попрыгивая, подскочилъ къ нему, испугался чего-то и улетѣлъ. Онъ читалъ молитву, въ которой говорилъ о своемъ отреченіи отъ міра, и торопился поскорѣе прочесть ее, чтобы послать за купцомъ съ больною дочерью: она интересовала его. Она интересовала его тѣмъ, что это было развлеченіе, новое лицо,—тѣмъ, что и отецъ ея и она считали его угодникомъ,—такимъ, чья молитва исполнялась. Онъ отрекался отъ этого, но онъ въ глубинѣ души самъ считалъ себя такимъ.

Онъ часто удивлялся тому, какъ это случилось, что ему, Степану Касатскому, довелось быть такимъ необыкновеннымъ угодникомъ и прямо чудотворцемъ, но [въ] то[мъ], что онъ былъ такой, не было никакого сомнѣнія: онъ не могъ не вѣрить тѣмъ чудесамъ, которыя онъ самъ видѣлъ, начиная съ разслабленнаго мальчика и до послѣдней старушки, получившей зрѣніе по его молитвѣ.

Какъ ни странно это было, это было такъ. Такъ, купцова дочь интересовала его тѣмъ, что она была новое лицо, что она имѣла вѣру въ него, и тѣмъ еще, что предстояло опять на ней подтвердить свою силу исцѣленія и свою славу. «За тысячи верстъ пріѣзжаютъ, въ газетахъ пишутъ, государь знаетъ, въ Европѣ, въ невѣрующей Европѣ знаютъ», думалъ онъ. И вдругъ ему стало совѣстно своего тщеславія, и онъ сталъ опять молиться Богу. «Господи, Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины, пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, блаже, души наша. — Очисти отъ скверны славы людской, обуревающей меня», повторилъ онъ и вспомнилъ, сколько разъ онъ молился объ этомъ, и какъ тщетны были до сихъ поръ въ этомъ отношеніи его молитвы. Молитва его дѣлала чудеса для другихъ, но для себя онъ не могъ выпросить у Бога освобожденія отъ этой ничтожной страсти.

Онъ вспомнилъ молитвы свои въ первое время затвора, когда онъ молился о дарованіи ему чистоты, смиренія и любви, и о томъ, какъ ему казалось тогда, что Богъ услышалъ его молитвы, онъ былъ чистъ и отрубилъ себѣ палецъ. И онъ поднялъ сморщенный сборками отрѣзокъ пальца и поцѣловалъ его. Ему казалось, что онъ и былъ смиренъ тогда, когда онъ постоянно гадокъ былъ себѣ своей грѣховностью, и ему казалось, что онъ имѣлъ тогда и любовь, когда вспоминалъ, съ какимъ умиленіемъ онъ встрѣчалъ тогда старика, зашедшаго къ нему, пьянаго солдата, требовавшаго денегъ, и ее. Но теперь?.. И онъ спросилъ себя, любитъ ли онъ кого, любитъ ли Софью Ивановну, отца Серапіона, испыталъ ли онъ чувство любви ко всѣмъ этимъ лицамъ, бывшимъ у него нынче,—къ этому ученому юношѣ, съ которымъ онъ такъ поучительно бесѣдовалъ, заботясь только о томъ, чтобы показать ему свой умъ и неотсталость отъ образованія. Ему пріятна, нужна любовь отъ нихъ, но къ нимъ любви онъ не чувствовалъ. Не было у него теперь любви, не было и смиренія, не было и чистоты.

Ему было пріятно узнать, что купцовой дочери двадцать два года, и хотѣлось знать, красива ли она. И, спрашивая о ея слабости, онъ именно хотѣлъ знать, имѣетъ ли она женскую прелесть или нѣтъ.

«Неужели я такъ палъ? — подумалъ онъ. — Господи, помоги мнѣ, возстанови меня, Господь и Богъ мой!» И онъ сложилъ руки и сталъ молиться. Соловьи заливались; жукъ налетѣлъ на него и поползъ по затылку. Онъ сбросилъ его. «Да есть ли Онъ? Что, какъ я стучусь у запертаго снаружи дома?.. Замокъ на дверп, и я могъ бы видѣть его. Замокъ этотъ — соловьи, жуки, природа. Юноша правъ, можетъ-быть». И онъ сталъ громко молиться и долго молился, до тѣхъ поръ, пока мысли эти исчезли, и онъ почувствовалъ себя опять спокойнымъ и увѣреннымъ. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и вышедшему келейнику сказалъ, что пускай купецъ этотъ съ дочерью придетъ теперь.

Купецъ привелъ подъ руку дочь, провелъ ее въ келью и тотчасъ же ушелъ.

Дочь была бѣлокурая, чрезвычайно бѣлая, блѣдная, полная, чрезвычайно короткая дѣвушка, съ испуганнымъ, дѣтскимъ лицомъ и очень развитыми женскими формами. Отецъ Сергій остался на лавочкѣ у входа. Когда проходила дѣвушка и остановилась подлѣ

него, и онъ благословилъ ее, онъ самъ ужаснулся на себя, какъ онъ осмотрѣлъ ея тѣло. Она прошла, а онъ чувствовалъ себя ужаленнымъ. По лицу ея онъ увидалъ, что она чувственна и слабоумна. Онъ всталъ и вошелъ въ келью. Она сидѣла на табуретѣ, дожидаясь его.

Когда онъ взошелъ, она встала.

— Я къ папашѣ хочу, — сказала она.

— Не бойся, — сказалъ онъ. — Что у тебя болитъ?

— Все у меня болитъ, — сказала она, и вдругъ лицо ея освѣтилось улыбкой.

— Ты будешь здорова, — сказалъ онъ, — молись.

— Что молиться, я молилась, ничего не помогаетъ.—И она все улыбалась. — Вотъ вы помолитесь да руки на меня наложите. Я во снѣ васъ видѣла.

— Какъ видѣла?

— Видѣла, что вы вотъ такъ ручку наложили мнѣ на грудь.— Она взяла его руку и прижала ее къ своей груди. — Вотъ сюда.

Онъ отдалъ ей свою правую руку.

— Какъ тебя звать? — спросилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и чувствуя, что онъ побѣжденъ, что похоть ушла ужъ изъ-подъ руководства.

— Марья. А что?

Она взяла руку и поцѣловала ее, а потомъ одной рукой обвила его за поясъ и прижимала къ себѣ.

— Что ты? — сказалъ онъ. — Марья, ты—дьяволъ.

— Ну, авось—ничего.

И она, обнимая его, сѣла съ нимъ на кровать.

На разсвѣтѣ онъ вышелъ на крыльцо.

«Неужели все это было? Отецъ придетъ, она разскажетъ. Она—дьяволъ. Да что же я сдѣлаю? Вотъ онъ, тотъ топоръ, которымъ я рубилъ палецъ» [1]). Онъ схватилъ топоръ и пошелъ въ келью.

Келейникъ встрѣтилъ его.

— Дровъ прикажете нарубить? Пожалуйте топоръ.

Онъ отдалъ топоръ. Вошелъ въ келью. Она лежала и спала. Съ ужасомъ взглянулъ онъ на нее. Прошелъ [за перегородку] [2]),

---

[1]) См. примѣчаніе 8-е.

[2]) См. примѣчаніе 9-е.

снялъ мужицкое платье, одѣлъ, взялъ ножницы, обстригъ волосы и вышелъ по тропинкѣ подъ гору къ рѣкѣ, у которой онъ не былъ четыре года.

Вдоль рѣки шла дорога; онъ пошелъ по ней и прошелъ до обѣда. Въ обѣдъ онъ вошелъ въ рожь и легъ въ ней. Къ вечеру онъ пришелъ къ деревнѣ на рѣкѣ. Онъ не пошелъ въ деревню, а къ рѣкѣ, къ обрыву.

Было раннее утро, съ полчаса до восхода солнца. Все было сѣро и мрачно, и тянулъ съ запада холодный предразсвѣтный вѣтеръ. «Да, надо кончить. Нѣтъ Бога. Какъ кончить? Броситься? Умѣю плавать,—не утонешь. Повѣситься? Да, вотъ кушакъ, на суку». Это показалось такъ возможно и близко, что онъ ужаснулся, хотѣлъ, какъ обыкновенно въ минуты отчаянія, помолиться. Но молиться некому было,—Бога не было. Онъ лежалъ, облокотившись на руку, и вдругъ онъ почувствовалъ такую потребность сна, что не могъ держать больше голову рукой, а вытянулъ руку, положилъ на нее голову и тотчасъ же заснулъ. Но сонъ этотъ продолжался только мгновеніе, онъ тотчасъ же просыпается и начинаетъ не то видѣть во снѣ, не то воспоминать.

И вотъ видитъ онъ себя почти ребенкомъ въ домѣ матери, въ деревнѣ, и къ нимъ подъѣзжаетъ коляска, и изъ коляски выходятъ: дядя Николай Сергѣевичъ, съ огромной—лопатой—черной бородой, и съ нимъ худенькая дѣвочка Пашенька, съ большими кроткими глазами и жалкимъ, робкимъ лицомъ. И вотъ имъ, въ ихъ компанію мальчиковъ, приводятъ эту Пашеньку. И надо съ ней играть, а скучно. Она глупая, кончается тѣмъ, что ее поднимаютъ на смѣхъ, заставляютъ ее показывать, какъ она умѣетъ плавать. Она ложится на полъ и показываетъ на сухомъ. И всѣ хохочутъ и дѣлаютъ ее дурой. И она видитъ это и краснѣетъ пятнами и становится жалкой, такой жалкой, что совѣстно и что никогда забыть нельзя этой ея кривой, доброй, покорной улыбки. И вспоминаетъ Сергій, когда онъ видѣлъ ее послѣ этого. Видѣлъ онъ ее долго потомъ, передъ поступленіемъ его въ монахи. Она была замужемъ за какимъ-то помѣщикомъ, промотавшимъ все ея состояніе и бившимъ ее. У нея было двое дѣтей: сынъ и дочь. Сынъ умеръ маленькимъ.

Сергій вспоминалъ, какъ онъ видѣлъ ее несчастной. Потомъ онъ видѣлъ ее въ монастырѣ вдовой. Она была такая же—не сказать глупая, но безвкусная, ничтожная и жалкая. Она пріѣзжала съ

дочерью и ея женихомъ. И они были уже бѣдны. Потомъ онъ слышалъ, что она живетъ гдѣ-то въ уѣздномъ городѣ и что она очень бѣдна. «И зачѣмъ я думаю о ней?» спрашивалъ онъ себя. Но не могъ перестать думать о ней. «Гдѣ она? Что съ ней? Такъ ли она все несчастна, какъ была тогда, когда показывала, какъ плаваютъ, по полу? Да что мнѣ о ней думать? Что я? Кончить надо».

И опять ему страшно стало, и опять, чтобы спастись отъ этой мысли, онъ сталъ думать о Пашенькѣ.

Такъ онъ лежалъ долго, думая то о своемъ необходимомъ концѣ, то о Пашенькѣ. Пашенька представлялась ему спасеніемъ. Наконецъ онъ заснулъ, и во снѣ онъ увидалъ ангела, который пришелъ къ нему и сказалъ: «Иди къ Пашенькѣ и узнай отъ нея, что тебѣ надо дѣлать, и въ чемъ твой грѣхъ, и въ чемъ твое спасеніе».

Онъ проснулся и, рѣшивъ, что это было видѣнье отъ Бога, обрадовался и рѣшилъ сдѣлать то, что ему сказано было въ видѣніи. Онъ зналъ городъ, въ которомъ она живетъ, — это было за триста верстъ,—и пошелъ туда.

VIII.

Пашенька ужъ давно была не Пашенька, а старая, высохшая, сморщенная Прасковья Михайловна, теща неудачника, пьющаго чиновника Маврикьева. Жила она въ томъ уѣздномъ городѣ, въ которомъ зять имѣлъ послѣднее мѣсто, и тамъ кормила семью: и дочь, и самого больного, неврастеника зятя, и пятерыхъ внучатъ. А кормила она тѣмъ, что давала уроки музыки купцовымъ дочкамъ [1]). Въ день было иногда четыре, иногда пять часовъ, такъ что въ мѣсяцъ зарабатывалось около шестидесяти рублей. Тѣмъ и жили покамѣстъ, ожидая мѣста. Съ просьбами о мѣстѣ Прасковья Михайловна послала письма ко всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, въ томъ числѣ и къ Сергію. Но письмо это не застало его.

Была суббота, и Прасковья Михайловна сама замѣшивала сдобный хлѣбъ съ изюмомъ, который такъ хорошо дѣлалъ еще крѣпостной поваръ у ея папаши. Прасковья Михайловна хотѣла завтра къ празднику угостить внучатъ.

Маша, дочь ея, няньчилась съ меньшимъ, старшіе, мальчикъ и дѣвочка, были въ школѣ. Самъ зять не спалъ ночь и теперь за-

[1]) См, примѣчаніе 10-е.

снулъ. Прасковья Михайловна долго не спала вчера, стараясь смягчить гнѣвъ дочери на мужа.

Она видѣла, что зять, слабое существо, не могъ говорить и жить иначе, и видѣла, что упреки ему отъ жены не помогутъ, и она всѣ силы употребляла, чтобы смягчить ихъ, чтобъ не было упрековъ, не было зла. Она не могла физически почти переносить недобрыя отношенія между людьми. Ей такъ ясно было, что отъ этого ничто не можетъ стать лучше, а все будетъ хуже. Да этого даже она не думала; она просто страдала отъ вида злобы, какъ отъ дурного запаха, рѣзкаго шума, ударовъ по тѣлу.

Она только что самодовольно учила Лукерью, какъ замѣшивать опару, когда Миша, шестилѣтній внукъ, въ фартучкѣ, на кривыхъ ножкахъ, въ штопанныхъ чулочкахъ прибѣжалъ въ кухню съ испуганнымъ лицомъ.

— Бабушка, старикъ страшный тебя ищетъ.

Лукерья выглянула.

— И то, странникъ какой-то, барыня.

Прасковья Михайловна обтерла свои худые локти одинъ о другой и руки объ фартукъ и пошла было въ домъ за кошелькомъ подать пять копеекъ, но потомъ вспомнила, что нѣтъ меньше гривенника, и рѣшила подать хлѣба и вернулась къ шкапу, но вдругъ покраснѣла, вспомнивъ, что она пожалѣла, и, приказавъ Лукерьѣ отрѣзать ломоть, сама пошла сверхъ того за гривенникомъ. «Вотъ тебѣ наказанье, — сказала она себѣ, — вдвое подай».

Она подала, извиняясь, и то и другое страннику, и когда подавала, не только ужъ не гордилась своей щедростью, а, напротивъ, устыдилась, что подаетъ такъ мало. Такой значительный видъ былъ у странника.

Несмотря на то, что онъ триста [1]) верстъ прошелъ Христовымъ именемъ и оборвался и похудѣлъ и почернѣлъ, волосы у него были острижены, шапка мужицкая и сапоги такіе же, несмотря на то, что онъ смиренно кланялся, у Сергія былъ все тотъ же значительный видъ, который такъ привлекалъ къ нему. Но Прасковья Михайловна не узнала его. Она и не могла узнать его, не видавъ его почти двадцать [2]) лѣтъ.

— Не взыщите, батюшка. Можетъ, поѣсть хотите?

---

[1]) См. примѣчаніе 11-е.

[2]) См. примѣчаніе 12-е.

Онъ взялъ хлѣбъ и деньги, и Прасковья Михайловна удивилась, что онъ не уходитъ, а смотритъ на нее.

— Пашенька, я къ тебѣ пришелъ, прими меня!

И черные прекрасные глаза пристально и просительно смотрѣли на нее и заблестѣли выступившими слезами. И подъ сѣдѣющими усами жалостно дрогнули губы.

Прасковья Михайловна схватилась за высохшую грудь, открыла ротъ и замерла спустившимися зрачками на лицѣ странника.

— Да не можетъ быть! Степа! Сергій! Отецъ Сергій!

— Да, онъ самый, — тихо проговорилъ Сергій. — Только не Сергій, не отецъ Сергій, а великій грѣшникъ Степанъ Касатскій, погибшій, великій грѣшникъ. Прими, помоги мнѣ.

— Да не можетъ быть. Да какъ же вы это такъ смирились? Да пойдемте же.

Она протянула руку, но онъ не взялъ ея и пошелъ за ней.

Но куда вести? Квартирка была маленькая. Сначала была отведена комнатка крошечная, почти чуланчикъ, для нея, но потомъ и этотъ чуланчикъ она отдала дочери. И теперь тамъ сидѣла Маша, укачивая грудного.

— Сядьте сюда, сейчасъ, — сказала она Сергію, указывая на лавку въ кухнѣ.

Сергій тотчасъ же сѣлъ и снялъ, очевидно, ужъ привычнымъ жестомъ сначала съ одного, потомъ съ другого плеча сумку.

— Боже мой, Боже мой, какъ смирился, батюшка. Какая слава и вдругъ такъ...

Сергій не отвѣчалъ и только кротко улыбнулся, укладывая подлѣ себя сумку.

— Маша, это знаешь кто?

И Прасковья Михайловна шопотомъ разсказала дочери, кто былъ Сергій, и онѣ вмѣстѣ вынесли и постель и люльку изъ чулана, опростивъ его для Сергія.

Прасковья Михайловна провела Сергія въ каморку.

— Вотъ тутъ отдохните. Не взыщите. А мнѣ итти надо.

— Куда?

— Уроки у меня тутъ, совѣстно и говорить—музыкѣ учу.

— Музыкѣ—это хорошо. Только одно, Прасковья Михайловна, я вѣдь къ вамъ за дѣломъ пришелъ. Когда я могу поговорить съ вами?

— За счастье почту. Вечеромъ можно?

— Можно. Только еще просьба: не говорите обо мнѣ, кто я. Я только вамъ открылся. Никто не знаетъ, куда я ушелъ. Такъ надо.

— Ахъ, а я сказала дочери.

— Ну, попросите ее не говорить.

Сергій снялъ сапоги, легъ и тотчасъ же заснулъ послѣ безсонной ночи и сорока верстъ ходу.

Когда Прасковья Михайловна вернулась, Сергій сидѣлъ въ своей каморкѣ и ждалъ ее. Онъ не выходилъ къ обѣду, а поѣлъ супу и каши, которые принесла ему туда Лукерья.

— Что же ты раньше пришла обѣщаннаго?—сказалъ Сергій.— Теперь можно поговорить?

— И за что мнѣ такое счастье, что такой посѣтитель? Я ужъ пропустила урокъ. Послѣ... Я мечтала все съѣздить къ вамъ, писала вамъ, и вдругъ такое счастье.

— Пашенька, пожалуйста, слова, которыя я скажу тебѣ сейчасъ, прими какъ исповѣдь, какъ слова, которыя я въ смертный часъ говорю передъ Богомъ. Пашенька, я не святой человѣкъ, даже не простой, рядовой человѣкъ: я грѣшникъ, грязный, гадкій, заблудшій, гордый грѣшникъ, хуже — не знаю, всѣхъ ли,— но хуже самыхъ худыхъ людей.

Пашенька смотрѣла сначала, выпучивъ глаза; она вѣрила. Потомъ, когда она вполнѣ повѣрила, она тронула рукой его руку и, жалостно улыбаясь, сказала:

— Стива, можетъ-быть, ты преувеличиваешь?

— Нѣтъ, Пашенька. Я блудникъ, я убійца, я богохульникъ и обманщикъ.

— Боже мой! Что жъ это?— проговорила Прасковья Михайловна.

— Но надо жить. И я, который думалъ, что все знаю, который училъ другихъ, какъ жить,—я ничего не знаю, и я тебя прошу научить.

— Что ты, Стива. Ты смѣешься. За что вы всегда смѣетесь надо мной?

— Ну, хорошо, я смѣюсь; только скажи мнѣ, какъ ты живешь и какъ прожила жизнь.

— Я? Да я прожила самую гадкую, скверную жизнь, и теперь Богъ наказываетъ меня, и по-дѣломъ, и живу такъ дурно, такъ дурно...

— Какъ же ты вышла замужъ? какъ жила съ мужемъ?

— Все было дурно. Вышла — влюбилась самымъ гадкимъ манеромъ. Папа не желалъ этого. Я ни на что не посмотрѣла, вышла. И замужемъ, вмѣсто того, чтобы помогать мужу, я мучила его ревностью, которую не могла въ себѣ побѣдить.

— Онъ пилъ, я слышалъ?

— Да, но я то не умѣла успокоить его. Упрекала его. А вѣдь это—болѣзнь. Онъ не могъ удержаться, а я теперь вспоминаю, какъ я не давала ему. И у насъ были ужасныя сцены.

И она смотрѣла прекрасными, страдающими при воспоминаніи глазами на Касатскаго.

Касатскій вспоминалъ, какъ ему разсказывали, что мужъ билъ Пашеньку, и Касатскій видѣлъ теперь, глядя на ея худую, высохшую шею съ выдающимися жилами за ушами и пучкомъ рѣдкихъ полусѣдыхъ, полурусыхъ волосъ, какъ будто видѣлъ, какъ это происходило.

— Потомъ я осталась одна съ двумя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ.

— Да вѣдь у васъ было имѣнье.

— Это еще при Васѣ мы продали и все... прожили. Надо было жить, а я ничего не умѣла, какъ всѣ мы, барышни. Но я особенно плоха, безпомощна была. Такъ проживали послѣднее. Я учила дѣтей, сама немножко подучилась. А тутъ Митя заболѣлъ уже въ четвертомъ классѣ, и Богъ взялъ его. Манечка полюбила Ваню—зятя. И что жъ, онъ хорошій, но только несчастный; онъ больной.

— Мамаша, — перебила ея рѣчь дочь, — возьмите Мишу, не могу я разорваться.

Прасковья Михайловна вздрогнула, встала и, быстро ступая въ своихъ стоптанныхъ башмакахъ, вышла въ дверь и тотчасъ же вернулась съ двухлѣтнимъ мальчикомъ на рукахъ, который валился назадъ и схватился ручонками за ея косынку.

— Да, такъ на чемъ я остановилась? Ну вотъ, было у него мѣсто тутъ хорошее, и начальникъ такой милый, но Ваня не могъ и вышелъ въ отставку.

— Чѣмъ же онъ боленъ?

— Неврастеніей; это — ужасная болѣзнь. Мы совѣтовались, но надо бы ѣхать, но средствъ нѣтъ. Но я все надѣюсь, что такъ пройдетъ. Особенныхъ болей у него нѣтъ, но...

— Лукерья! — послышался его голосъ сердитый и слабый.— Всегда ушлютъ куда-нибудь, когда ее нужно. Мамаша!

— Сейчасъ, — опять перебила себя Прасковья Михайловна.— Онъ не обѣдалъ еще. Онъ не можетъ съ нами.

Она вышла, что-то устроила тамъ и вернулась, обтирая загорѣлыя, худыя руки.

— Такъ вотъ и живу. И все жалуемся, и все недовольны, а слава Богу, внуки всѣ славные, здоровые, и жить еще можно. Да что про меня говорить.

— Ну, чѣмъ же вы живете?

— А немножко я вырабатываю. Вотъ я скучала музыкой, а теперь какъ она мнѣ пригодилась.

Она держала маленькую руку на комодцѣ, у котораго сидѣла, и, какъ упражненія, перебирала худыми пальцами.

— Что жъ вамъ платятъ за уроки?

— Платятъ и рубль, и 50 копеекъ, есть и 30 копеекъ. Они всѣ такіе добрые ко мнѣ.

— И что же, успѣхи дѣлаютъ? — чуть улыбаясь глазами, спросилъ Касатскій.

Прасковья Михайловна не повѣрила сразу серьезности вопроса и вопросительно взглянула ему въ глаза.

— Дѣлаютъ и успѣхи. Одна славная дѣвочка есть, мясника дочь. Добрая, хорошая дѣвочка. Вотъ если бы я была порядочная женщина, то, разумѣется, по папашинымъ связямъ я бы могла найти мѣсто зятю. А то я ничего не умѣла и вотъ довела ихъ всѣхъ до этого.

— Да, да,—говорилъ Касатскій, наклоняя голову.—Ну, а какъ вы, Пашенька, въ церковной жизни участвуете? — спросилъ онъ.

— Ахъ, не говорите. Ужъ такъ дурно, такъ запустила. Съ дѣтьми говѣю и бываю въ церкви, а то и по мѣсяцамъ не бываю. Дѣтей посылаю.

— А отчего же не бываете сами?

— Да правду сказать... — она покраснѣла, — да оборванной итти совѣстно передъ дочерью, внучатами, а новенькаго нѣтъ. Да просто лѣнюсь.

— Ну, а дома молитесь?

— Молюсь. Да что за молитва, такъ, машинально. Знаю, что не такъ надо, да нѣтъ настоящаго чувства; только и есть, что знаешь всю свою гадость...

— Да, да, такъ, такъ, — какъ бы одобряя подговаривалъ Касатскій.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣтила она на зовъ зятя и, поправивъ на головѣ косичку, вышла изъ комнаты.

На этотъ разъ она долго не возвращалась. Когда она вернулась, Касатскій сидѣлъ въ томъ же положеніи, опершись локтями на колѣни и опустивъ голову. Но сумка его была надѣта на спину.

Когда она вошла съ жестяной, безъ колпака, лампочкой, онъ поднялъ на нее свои прекрасные, усталые глаза и глубоко-глубоко вздохнулъ.

— Я имъ не сказала, кто вы, — начала она робко, — а только сказала, что странникъ изъ благородныхъ, и что я знала. Пойдемте въ столовую, чаю.

— Нѣтъ.

— Ну, я сюда принесу.

— Нѣтъ, ничего не надо. Спаси тебя Богъ, Пашенька. Я пойду. Если жалѣешь, не говори никому, что видѣла меня. Богомъ живымъ заклинаю тебя: не говори никому. Спасибо тебѣ. Я бы поклонился тебѣ въ ноги, да знаю, что это смутитъ тебя. Спасибо, прости Христа ради.

— Благословите.

— Богъ благословитъ. Прости Христа ради.

И онъ хотѣлъ итти, но она не пустила его и принесла ему хлѣба, баранокъ и масла. Онъ взялъ все и вышелъ.

Было темно, и не отошелъ онъ двухъ домовъ, какъ она потеряла его изъ вида и узнала, что онъ идетъ, только потому, что протопопова собака залаяла на него.

«Такъ вотъ что значилъ мой сонъ. Пашенька—именно то, что я долженъ былъ быть и чѣмъ я не былъ. Я жилъ для людей подъ предлогомъ Бога, она живетъ для Бога, воображая, что она живетъ для людей.

«Да, одно доброе дѣло, чашка воды, поданная безъ мысли о наградѣ, дороже облагодѣтельствованныхъ мною для людей. Но

вѣдь была доля искренняго желанія служить Богу? — спрашивалъ онъ себя, и отвѣтъ былъ: «Да, но все это было загажено, заросло славой людской. Да, нѣтъ Бога для того, кто жилъ, какъ я, для славы людской. Буду искать Его».

И онъ пошелъ, какъ шелъ до Пашеньки, отъ деревни до деревни, сходясь и расходясь съ странниками и странницами и прося Христа ради хлѣба и ночлега. Изрѣдка его бранила злая хозяйка, ругалъ выпившій мужикъ, но большей частью его кормили, поили, давали даже на дорогу. Его господское обличье располагало нѣкоторыхъ въ его пользу. Нѣкоторые, напротивъ, какъ бы радовались на то, что вотъ господинъ дошелъ также до нищеты. Но кротость его побѣждала всѣхъ.

Онъ часто, находя въ домѣ Евангеліе, читалъ его, и люди всегда, вездѣ всѣ умилялись и удивлялись, какъ новое и вмѣстѣ съ тѣмъ давно знакомое слушали его.

Если удавалось ему послужить людямъ или совѣтомъ, или грамотой, или уговоромъ ссорящихся, онъ не видѣлъ благодарности, потому что уходилъ. И понемногу Богъ сталъ проявляться въ немъ.

Одинъ разъ онъ шелъ съ двумя старушками и солдатомъ. Баринъ съ барыней на шарабанѣ, запряженномъ рысакомъ, и мужчина и дама верховые остановили ихъ. Мужъ барыни ѣхалъ съ дочерью верхами, а въ шарабанѣ ѣхала барыня съ, очевидно, путешественникомъ-французомъ.

Они остановили ихъ, чтобы показать ему les pélérins [1]), которые, по свойственному русскому народу суевѣрію, вмѣсто того, чтобы работать, ходятъ изъ мѣста въ мѣсто.

Они говорили по-французски, думая, что не понимаютъ ихъ.

— Demandez leur, — сказалъ французъ, — s'ils sont bien sûrs de ce que leur pélérinage est agréable à Dieu [2]).

Ихъ спросили. Старушки отвѣчали:

— Какъ Богъ приметъ. Ногами-то были, сердцемъ будемъ ли?

Спросили солдата. Онъ сказалъ, что одинъ,—дѣться некуда.

Спросили Касатскаго, кто онъ.

---

[1]) Пилигримовъ.

[2]) Спросите ихъ, увѣрены ли они вполнѣ въ томъ, что ихъ паломничество угодно Богу.

— Рабъ Божій.

— Qu'est ce qu'il dit? Il ne répond pas [1]).

— Il dit qu'il est un serviteur de Dieu [2]).

— Cela doit être un fils de prêtre. Il a de la race. Avez-vous de la petite monnaie? [3])

У француза нашлась мелочь, и онъ всѣмъ роздалъ по двадцати копеекъ.

— Mais dites leur que ce n'est pas pour les cierges que je leur donne, mais pour qu'ils se régalent de thé [4]); чай, чай,— улыбаясь,—pour vous, mon vieux [5]),—сказалъ онъ, трепля рукой въ перчаткѣ Касатскаго по плечу.

— Спаси Христосъ, — отвѣтилъ Касатскій, не надѣвая шапки и кланяясь своей лысой головой.

И Касатскому особенно радостна была эта встрѣча, потому что онъ презрѣлъ людское мнѣніе и сдѣлалъ самое пустое, легкое,— взялъ смиренно двадцать копеекъ и отдалъ ихъ товарищу, слѣпому нищему. Чѣмъ меньше имѣло значеніе мнѣніе людей, тѣмъ сильнѣе чувствовался Богъ.

Восемь мѣсяцевъ проходилъ такъ Касатскій, на девятомъ мѣсяцѣ его задержали въ губернскомъ городѣ, въ пріютѣ, въ которомъ онъ ночевалъ съ странниками, и какъ безпаспортнаго взяли въ часть. На вопросы, гдѣ его билетъ и кто онъ, онъ отвѣчалъ, что билета у него нѣтъ, а что онъ—рабъ Божій. Его причислили къ бродягамъ, судили и сослали въ Сибирь.

Въ Сибири онъ поселился на заимкѣ у богатаго мужика и теперь живетъ тамъ. Онъ работаетъ у хозяина въ огородѣ и учитъ дѣтей и ходитъ за больными.

1890, 1891, 1898.

---

[1]) Что онъ говоритъ? Онъ не отвѣчаетъ.

[2]) Онъ говоритъ, что онъ—рабъ Божій.

[3]) Это, должно-быть, сынъ священника. Видна порода. Есть у васъ мелочь?

[4]) Но скажите имъ, что это я имъ даю не на свѣчи, а чтобы они попили чаю.

[5]) Тебѣ, старичокъ.

Фот. В. Черткова

Левъ Николаевичъ за чтеніемъ полученныхъ писемъ.
(Кочеты 1910 г.).

Дѣтская мудрость[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

О РЕЛИГІИ.

Мальчикъ *и* мама.

Мальчикъ. Отчего это няня нынче нарядилась и на меня надѣла вотъ новую рубашечку?

Мать. А оттого, что нынче праздникъ, и мы пойдемъ въ церковь.

Мальчикъ. Какой праздникъ?

Мать. Вознесенье.

Мальчикъ. Что̀ значитъ «Вознесенье»?

Мать. Значитъ то, что Господь Іисусъ Христосъ вознесся на небо.

Мальчикъ. Что̀ значитъ «вознесся»?

Мать. Значитъ—полетѣлъ.

Мальчикъ. Какъ же онъ полетѣлъ: на крыльяхъ?

Мать. Не на крыльяхъ, а просто полетѣлъ, потому что онъ—Богъ, и Богъ все можетъ.

Мальчикъ. Ну, а куда же онъ полетѣлъ? Мнѣ папа говорилъ, что небо только кажется, а что тамъ нѣтъ ничего, что тамъ звѣзды, и за звѣздами — еще звѣзды, и небу нѣтъ конца. Куда же онъ полетѣлъ?

Мать *(улыбается)*. Всего нельзя понять, надо вѣрить.

Мальчикъ. Чему?

Мать. Тому, что̀ говорятъ старшіе.

. . . . . .

. . . . . .

Мать. Такъ поди, скажи папѣ, что мы идемъ, и надѣнь шарфъ.

Мальчикъ. А послѣ обѣдни будетъ шоколадъ?

О ВОЙНАХЪ.

Карлхенъ Шмитъ—*9 лѣтъ*, **Петя Орловъ**—*10 лѣтъ* и **Маша Орлова**—*8 лѣтъ*.

Карлхенъ Шмитъ. Потому что наша Пруссія не позволитъ, чтобъ русскіе у насъ отнимали землю.

Петя Орловъ. А мы говоримъ, что эта земля наша, потому что мы ее завоевали прежде.

Маша Орлова. Чья наша?

Петя Орловъ. Ну, ты мала, не понимаешь. Наша—значитъ, нашего государства.

Карлхенъ Шмитъ. Всѣ люди такъ живутъ, что одни принадлежатъ одному государству, другіе—другому.

Маша Орлова. Кому я принадлежу?

Петя Орловъ. Такъ же, какъ и всѣ,—Россіи.

Маша Орлова. А коли я не хочу?

Петя Орловъ. Да это ужъ ты хочешь—не хочешь, ты все-таки русская. У каждаго народа свой царь, король...

Карлхенъ Шмитъ *(вставляетъ)*. Парламентъ.

Петя Орловъ. У каждаго свое войско, каждый собираетъ отъ своихъ подати.

Маша Орлова. Зачѣмъ же такъ—врозь?

Петя Орловъ. Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, что каждое государство особо.

Маша Орлова. Да зачѣмъ врозь?

Карлхенъ Шмитъ. Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, что каждый человѣкъ любитъ свое отечество.

Маша Орлова. Не понимаю, зачѣмъ врозь. Развѣ не лучше всѣмъ вмѣстѣ?

Петя Орловъ. Это играть въ игрушки лучше вмѣстѣ, а это не игрушки, а важныя дѣла.

Маша Орлова. Не понимаю.

Карлхенъ Шмитъ. Вырастешь, — поймешь.

Маша Орлова. Такъ не хочу и вырастать.

Петя Орловъ. Маленькая, а ужъ упрямая, какъ всѣ онѣ.

ОБЪ ОТЕЧЕСТВѢ, ГОСУДАРСТВѢ.

Гаврила — *запасный солдатъ, прислуга.* **Миша** — *барчукъ.*

Гаврила. Ну, Мишенька, прощайте, милый баринъ. Теперь ужъ приведетъ ли Богъ повидаться...

Миша. Такъ ты и точно уходишь?

Гаврила. Да какъ же? Война опять. А я — запасный.

Миша. Съ кѣмъ же война? Кто съ кѣмъ воюетъ?

Гаврила. Да Богъ ихъ знаетъ. И не разберешь. Я хоть и читалъ въ газетахъ, да не пойму досконально. Сказываютъ, австріякъ на нашего обидѣлся за то, что онъ тѣхъ, какъ, бишь, ихъ... въ чемъ-то уважилъ...

Миша. Ты-то зачѣмъ идешь? . . . . . .

Гаврила. А то какъ же? За царя, отечество, вѣру православную.

Миша. Да вѣдь тебѣ не хочется итти?

Гаврила. Кому же хочется жену, дѣтей побросать. Да и самому развѣ охота послѣ жисти хорошей.

Миша. Такъ зачѣмъ же ты идешь? Ты скажи, что «не хочу», и не иди. Что же они тебѣ сдѣлаютъ?

Гаврила *(смѣется)*. Что сдѣлаютъ? Силой потащатъ.

Миша. Да кто же тебя потащитъ?

Гаврила. Да такіе же вотъ, какъ я . . . . . .

. . . . . .

Гаврила. . . . . Велятъ—и потащатъ.

. . . . . .

Гаврила. И чудно вы говорите! Съ вами заболтаешься. Пойти напослѣдкахъ самоваръ поставить.

О ПОДАТЯХЪ.

Старшина *и* **Грушка**—*7 лѣтъ.*

Старшина *(входитъ въ бѣдную избу. Никого нѣтъ, кромѣ 7-лѣтней Грушки. Оглядывается).* Али никого нѣтъ?

Грушка. Мамка ушла за коровой, а Федька—на барскомъ дворѣ.

Старшина. Ну, такъ скажи мамкѣ, что старшина, молъ, заходилъ. Скажи,—въ третій разъ поминаю,—велѣлъ, скажи, безпремѣнно принести къ воскресенью подати, а то корову сведу.

Грушка. Какъ корову сведешь? Ты развѣ воръ? А мы не дадимъ.

Старшина *(улыбается).* Вишь, шустрая дѣвчонка какая! Какъ звать?

Грушка. Грушка.

Старшина. Ай, Грушка, молодецъ! Такъ ты слухай: такъ и скажи матери, что я хоть и не воръ, а корову сведу.

Грушка. Зачѣмъ же ты корову сведешь, коли ты не воръ?

Старшина. А затѣмъ: что положено, то плати. За подати сведу.

Грушка. Какія такія подати?

. . . . . .

. . . . . .

Старшина. . . . . на насъ же, дураковъ, на наши нужды: на начальство, на войску, на ученье. Намъ же на пользу.

Грушка. Какая же намъ польза, что корову сведешь? Это не польза.

Старшина. Вырастешь,—поймешь. Такъ смотри, скажи мамкѣ.

. . . . . .

ОБЪ ОСУЖДЕНІИ.

Митя—*10 лѣтъ*, **Илюша**—*9 лѣтъ*, **Соня**—*6 лѣтъ*.

Митя. Я говорю Петру Семеновичу, что можно себя такъ пріучить, чтобъ не нужно было одѣваться. А онъ говоритъ: нельзя. А я ему говорю, что мнѣ Михаилъ Ивановичъ говорилъ, что мы пріучили же лицо такъ, что не холодно; такъ можно и все тѣло пріучить. Дуракъ, говоритъ, твой Михаилъ Ивановичъ. *(Смѣется.)* А Михаилъ Ивановичъ мнѣ только вчера говорилъ: много, говоритъ, вретъ вашъ Петръ Семеновичъ. Ну, говоритъ, дуракамъ законъ не писанъ. *(Смѣются.)*

Илюша. Я бы ему такъ и сказалъ: вы—его, а онъ—васъ.

Митя. Нѣтъ, сурьезно, я такъ и не знаю, кто изъ нихъ дуракъ.

Соня. Оба дураки. Кто кого дуракомъ ругаетъ, тотъ и дуракъ.

Илюша. А ты обоихъ обругала. Стало-быть, ты самая дура и есть.

Митя. Нѣтъ, мнѣ то не нравится, что другъ про дружку такъ говорятъ, а въ лицо не скажутъ. Я выросту большой, такъ не буду дѣлать. Что̀ думаю, то и буду говорить.

Илюша. И я тоже.

Соня. А я по-своему буду.

Митя. Какъ по-своему?

Соня. Да такъ. Когда захочу,—скажу, а не захочу,—не скажу.

Илюша. Вотъ и вышла дура.

Соня. А ты сказалъ, не будешь ругать.

Илюша. Да я не за глаза.

О ДОБРОТѢ.

Дѣти **Маша** *и* **Миша** *передъ домомъ строятъ для куколъ шалашъ.*

Миша *(съ сердцемъ на Машу)*. Да не то! Ту палку тащи. Непонятная!

Старуха *(выходитъ на крыльцо, крестится и приговариваетъ)*. Спаси ее Христосъ! Вотъ душа ангельская. Всѣхъ жалѣетъ.

(Дѣти перестаютъ играть, смотрятъ на старуху.)

Миша. Ты о комъ?

Старуха. Объ матушкѣ объ вашей. Помнитъ Бога. Насъ, бѣдныхъ, жалѣетъ. Вотъ и юбку дала, и чайку, и деньжонокъ. Спаси ее, Господь, Царица Небесная. Не такъ, какъ тотъ нехристь. «Много васъ, говоритъ, шляется». И собаки такія же злыя. Насилу ушла.

Маша. Это кто же?

Старуха. Да напротивъ винополки. Охъ, недобрый баринъ. Ну да Богъ съ нимъ! Спасибо ей, голубушкѣ, наградила, утѣшила горемычную. И какъ бы жить намъ, кабы такихъ людей не было. *(Плачетъ.)*

Маша *(къ Мишѣ)*. Какая она добрая!

Старуха. Вырастете, дѣтки, также не оставляйте бѣдноту. И васъ Богъ не оставитъ. *(Уходитъ.)*

Миша. Какая она жалкая!

Маша. А я рада, что мама ей дала.

Миша. А я не знаю, отчего не давать, когда есть. Намъ не нужно, а ей нужно.

Маша. Ты помнишь, какъ Іоаннъ Креститель говорилъ: у кого двѣ одежды, отдай одну.

Миша. Да, когда вырасту, я все буду отдавать.

Маша. Все нельзя.

Миша. Отчего нельзя?

Маша. А самъ какъ же?

Миша. А мнѣ все равно. Надо быть всѣмъ добрымъ. И всѣмъ хорошо будетъ.

(И Миша бросилъ играть и пошелъ въ дѣтскую, оторвалъ отъ тетради листокъ и написалъ что-то въ него и положилъ въ карманъ.

Въ листкѣ было написано:)

НАДА БУТЪ ДОБРУМ.

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ ЗА ТРУДЪ.

Отецъ *и* **Катя**—*9 лѣтъ и* **Федя**—*8 лѣтъ.*

Катя. Папа, у насъ салазки сломались. Ты не можешь починить?

Отецъ. Не могу, голубчикъ. Не умѣю. Надо Прохору отдать, онъ вамъ починитъ.

Катя. Да мы были на дворнѣ. Онъ говоритъ, ему некогда. Онъ ворота дѣлаетъ.

Отецъ. Ну, что жъ дѣлать,—подождите.

Федя. А ты, папа, совсѣмъ не умѣешь?

Отецъ *(улыбаясь)*. Совсѣмъ не умѣю, дружокъ.

Федя. Ты и ничего не умѣешь?

Отецъ *(смѣется)*. Нѣтъ, кое-что умѣю. А того, что Прохоръ умѣетъ, того не умѣю.

Федя. А самовары дѣлать умѣешь, какъ Василій?

Отецъ. Тоже не умѣю.

Федя. А лошадей закладывать?

Отецъ. Тоже не умѣю.

Федя. А я думаю: отчего мы ничего не умѣемъ дѣлать, а они все для насъ дѣлаютъ? Развѣ это хорошо?

Отецъ. Каждому свое. Ты вотъ учись и узнаешь, что кому нужно умѣть дѣлать.

Федя. Развѣ намъ не нужно умѣть кушанье готовить и лошадей закладывать?

Отецъ. Есть вещи нужнѣе этого.

Федя. Да я знаю: чтобы быть добрымъ, чтобъ не сердиться, не браниться. Да вѣдь можно и кушанье готовить, и лошадей закладывать, и быть добрымъ? Правда, вѣдь, можно?

Отецъ. Разумѣется, можно. Погоди, вырастешь, тогда поймешь.

Федя. А коли я не вырасту?

Отецъ. Какія ты глупости говоришь!

Катя. Такъ можно Прохору сказать?

Отецъ. Можно, можно. Подите къ Прохору, скажите, что я велѣлъ.

О ПЬЯНСТВѢ.

Вечеръ. Осень.

Макарка — *12 лѣтъ* и **Марфутка**—*6 лѣтъ, выходятъ изъ дома на улицу. Марфутка плачетъ.* **Павлушка** — *10 лѣтъ, стоитъ на крыльцѣ въ сосѣднемъ домѣ.*

Павлушка. Куда васъ нелегкая несетъ ночное дѣло?

Макарка. Опять закурилъ.

Павлушка. Дядя Прохоръ?

Макарка. А то кто жъ.

Марфутка. Мамку бьетъ...

Макарка. И не пойду. Онъ и меня исколотитъ. *(Садится у порога.)* Тутъ и ночевать буду. Не пойду.

(Молчаніе. Марфутка плачетъ.)

Павлушка *(на Марфутку)*. Ну, буде. Ничего. Что жъ дѣлать. Буде.

Марфутка *(сквозь слезы)*. Кабы я царь была, я бы тѣхъ исколотила, кто ему водку даетъ. Никому бы не велѣла эту водку держать.

Макарка. Какъ не такъ! . . . . . .

. . . . . .

Павлушка. Врёшь?

Макарка. Вотъ те и «врё». Поди, спроси, за что Акулину въ тюрьму посадили? А за то, что не торгуй виномъ . . .

. . . . . .

Павлушка. Развѣ за это? Сказывали, она что-то противъ закону...

Макарка. То и противъ закону, что виномъ торговала.

Марфутка. Я бы ей не велѣла. Все это вино. То ничего, а то бьетъ не судомъ всѣхъ.

Павлушка *(къ Макаркѣ)*. Чудно ты говоришь. Спрошу завтра у учителя. Ему нельзя не знать.

Макарка. Ну, и спроси.

(На другое утро Прохоръ, отецъ Макарки, выспавшись, ушелъ опохмеляться. Мать Макарки съ распухшимъ, подбитымъ глазомъ мѣсила хлѣбы. Павлушка пошелъ въ школу. Ребята еще не собрались. **Учитель** *сидитъ на крылечкѣ и куритъ, пропуская ребятъ въ школу.)*

Павлушка *(подходя къ учителю)*. А скажите, Евгеній Семенычъ, правда это мнѣ вчера одинъ человѣкъ сказывалъ, что . . . . . и Акулину въ тюрьму посадили за это самое?

Учитель. И ты глупо спрашиваешь, и дуракъ тотъ, кто говорилъ тебѣ. . . . . А что Акулину подвергли тюремному заключенію, такъ это за то, что она безпатентно торговала виномъ, слѣдовательно, казнѣ убытокъ дѣлала.

Павлушка. Почему убытокъ?

Учитель. Потому что на вино наложенъ акцизъ. Ведро [казнѣ обходится два рубля], а въ продажѣ [стоитъ восемь сорокъ]. Вотъ этотъ лишекъ и составляетъ доходъ государству. И доходъ этотъ самый большой, [700] милліоновъ [1]).

Павлушка. Стало-быть, что больше пьютъ вино, то больше дохода?

Учитель. Извѣстно. Не будь этого дохода, не на что бы было содержать ни войска, ни училища, ни все то, что для васъ всѣхъ нужно.

Павлушка. Да если это всѣмъ нужно, такъ отчего же прямо бы [не] брать это на нужныя дѣла, а зачѣмъ черезъ вино?

Учитель. Какъ зачѣмъ черезъ вино? Затѣмъ, что, значитъ, такъ положено. Ну, ребята,—собрались, разсаживайтесь.

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Петръ Петровичъ—*профессоръ.* **М. И.**—*жена профессора, шьетъ.* **Федя,** ея *сынъ, 9 лѣтъ, слушаетъ разговоръ отца.* **Иванъ Васильевичъ**—*военный прокуроръ.*

Иванъ Васильевичъ. Но нельзя же отрицать опыта исторіи. Мы не только видѣли это во Франціи послѣ революціи и въ другихъ историческихъ моментахъ, но мы видимъ это теперь у насъ, что и пресѣченіе, т.-е. изъятіе извращенныхъ и опасныхъ для общества членовъ, достигаетъ цѣли.

Петръ Петровичъ. Нѣтъ, мы не можемъ знать этого, знать дальнѣйшихъ послѣдствій, и это не оправдываетъ исключительныхъ положеній.

Иванъ Васильевичъ. Но мы тоже не имѣемъ права предполагать, что послѣдствія исключительныхъ мѣръ будутъ дурныя, и что если бы они и были дурныя, чтобы причина ихъ заключалась именно въ примѣненіи исключительныхъ мѣръ. Это—одно. Другое же—то, что устрашеніе не можетъ не дѣйствовать на людей, потерявшихъ всякое человѣческое свойство и превратившихся въ звѣрей. Чѣмъ другимъ, кромѣ устрашенія, можете вы подѣйствовать на людей, какъ тотъ, который спокойно зарѣзалъ старуху и трехъ дѣтей только для того, чтобы украсть триста рублей?

Петръ Петровичъ. Но вѣдь я не отрицаю вообще примѣненія смертной казни, я отрицаю исключительные военные суды, такъ часто примѣняющіе ее. Если бы эти частыя смертныя казни производили только устрашеніе, но вмѣстѣ съ устраше-

нiемъ онѣ производятъ и развращеніе: пріучаютъ людей къ равнодушію къ убійству себѣ подобныхъ.

Иванъ Васильевичъ. Опять мы не знаемъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а зная благотворность...

Петръ Петровичъ. Благотворность?!

Иванъ Васильевичъ. Да, благотворность ближайшихъ, не имѣемъ права отрицать ихъ. Какъ же можетъ общество не воздать по дѣламъ его такому злодѣю, какъ...

Петръ Петровичъ. Т.-е., что общество должно мстить?

Иванъ Васильевичъ. Не мстить, а, напротивъ, замѣнять личную месть общественнымъ возмездіемъ.

Петръ Петровичъ. Да, но тогда оно должно происходить въ разъ навсегда опредѣленныхъ закономъ формахъ, а не въ исключительныхъ положеніяхъ.

Иванъ Васильевичъ. Возмездіе общественное замѣняетъ ту месть случайную, преувеличенную, незаконную, часто необоснованную, ошибочную, которую могло бы употреблять частное лицо.

Петръ Петровичъ *(горячась)*. Что же, по вашему мнѣнію, это возмездіе примѣняется теперь всегда не случайно, всегда обоснованно, всегда безошибочно? Нѣтъ, никогда не соглашусь. Никакіе ваши доводы не могутъ убѣдить ни меня ни кого бы то ни было, что эти исключительныя положенія, при которыхъ казнены тысячи и казни все продолжаются, чтобы это было и разумно, и законно, и благотворно. *(Встаетъ и ходитъ въ волненіи.)*

Федя *(къ матери)*. Мама, о чемъ папа споритъ?

М. И. О томъ, что папа думаетъ, что нехорошо, что такъ много смертныхъ казней.

Федя. Какъ, что до смерти убиваютъ?

М. И. Да. Онъ думаетъ, что не надо этого дѣлать такъ часто.

Федя *(подходитъ къ отцу)*. Папа, отчего же въ десяти заповѣдяхъ сказано: не убивать? Стало-быть, совсѣмъ не надо?

Петръ Петровичъ *(улыбаясь)*. Это сказано не про то, про что мы говоримъ, а про то, чтобы одни люди не убивали другихъ.

Федя. Да вѣдь если казнятъ, то убиваютъ все-таки людей?

Петръ Петровичъ. Разумѣется, но надо понимать, почему и когда можно.

Федя. Когда же можно?

Петръ Петровичъ. Ну, какъ тебѣ сказать? Ну, война, ну, злодѣй всѣхъ убиваетъ. Какъ же его такъ и оставить и не наказывать?

Федя. А какъ же въ Евангеліи сказано, чтобы всѣхъ любить, всѣхъ прощать?

Петръ Петровичъ. Хорошо бы было, если бы можно было такъ. Да нельзя.

Федя. Отчего нельзя?

Петръ Петровичъ. А оттого. *(Обращается къ Ивану Васильевичу, который улыбается, слушая Федю.)* Такъ вотъ я, почтенный Иванъ Васильевичъ, и не могу и не могу признать пользу исключительныхъ положеній и военныхъ судовъ.

О ТЮРЬМАХЪ.

Семка — *13 лѣтъ*, **Аксютка** — *10 лѣтъ*, **Митька** — *10 лѣтъ*, **Палашка** — *9 лѣтъ*, **Ванька** — *8 лѣтъ. Набравши грибовъ, сидятъ у колодца.*

Аксютка. И ужъ какъ убивалась тетка Матрена! А ребята—одинъ заголоситъ, всѣ зальются, зальются.

Ванька. Чего же они ревутъ?

Палашка. Чего ревутъ? Отца въ острогъ ведутъ. Кому жъ ревѣть?

Ванька. За что въ острогъ?

Аксютка. А кто ихъ знаетъ. Пришли,—собирайся, говорятъ, взяли, повели. Намъ все видать...

Семка. За то и ведутъ, что лошадей не уводи. У Демкина свели, у Краснова—тоже ихъ работа. Не миновалъ ихъ рукъ и нашъ меринъ. Что же его—по головкѣ гладить?

Аксютка. Да что и говорить, только ребятъ жалко. Четверо вѣдь ихъ. А бѣднота — хлѣба нѣтъ. Нынче къ намъ приходили.

Семка. А не воруй.

Митька. Да вѣдь онъ воровалъ, а не ребята. Имъ-то за что же по-міру итти?

Семка. А не воруй.

Митька. Да вѣдь не ребята, а онъ.

Семка. Эка заладилъ: «ребята, ребята»! Зачѣмъ же онъ худо дѣлаетъ? Что же,—оттого, что много ребятъ, такъ ему и воровать?

Ванька. А что же съ нимъ тамъ, въ острогѣ, дѣлать будутъ?

Аксютка. Будетъ сидѣть, да и все.

Ванька. А кормить будутъ?

Семка. То-то они не боятся, конокрады проклятые. Что̀ ему острогъ! На всемъ готовомъ, сиди, посиживай. Кабы я царь былъ, я бы зналъ, какъ съ этими конокрадами обойтись. Я бы ихъ отучилъ. А то ему что. Сидитъ, посиживаетъ съ такими же молодцами. Другъ друга научаютъ, какъ лучше воровать. Дѣдъ сказывалъ, что Петруха совсѣмъ хорошій былъ малый, а какъ разъ побывалъ въ острогѣ, такой отпѣтый оттелева вышелъ, что бѣда. Съ тѣхъ поръ и началъ...

Ванька. Такъ зачѣмъ ихъ сажаютъ?

Семка. А вотъ ты спроси.

Аксютка. Его посадятъ на готовый на хлѣбъ...

Семка *(вставляетъ)*. Чтобъ онъ получше обучился...

Аксютка. А ребята съ мамкой помирай съ голоду. Сосѣди вѣдь, жалко. Что съ ними станешь дѣлать? Придутъ хлѣба просить, — нельзя не дать.

Ванька. Такъ зачѣмъ же ихъ сажаютъ?

Семка. А что жъ съ ними дѣлать?

Ванька. Что? Что дѣлать? Какъ-нибудь такъ, чтобъ...

Семка. Вотъ то-то «какъ-нибудь», а какъ—и самъ не знаешь. Поумнѣй тебя думали, да не придумали.

Палашка. А я думаю, что если [бы] я была царица...

Аксютка *(смѣется)*. Ну, что жъ ты, царица бы, сдѣлала?

Палашка. А то бы сдѣлала, чтобъ никто не воровалъ, и чтобъ ребята не плакали.

Аксютка. Да какъ же ты сдѣлаешь?

Палашка. А такъ и сдѣлала бы, чтобы всѣмъ давать все, что̀ нужно, чтобъ никого не обижать, и чтобы всѣмъ хорошо было.

Семка. Ай, царица! Да какъ ты это сдѣлаешь?

Палашка. Да такъ и сдѣлаю.

Митька. Ну, а что же, частый березникъ пройдемъ? Тамъ анадысь много дѣвки набрали.

Семка. И то. Въ ходъ, ребята. Ты, царица, смотри, не разсыпь свои грибы, [а] то ужъ очень шустра.

(Встаютъ и уходятъ.)

О БОГАТСТВѢ.

Сидятъ на балконѣ за чаемъ **хозяинъ, хозяйка, дочь** *и шестилѣтній* **Вася.** *Дѣти взрослыя играютъ въ теннисъ. Подходитъ молодой* **нищій.**

Хозяинъ *(къ нищему)*. Ты что?

Нищій *(кланяется)*. Извѣстно, что. Пожалѣйте безработнаго. Раздѣмши, не ѣмши идемъ. Въ Москвѣ былъ, теперь до дома пробираюсь. Помогите бѣдному человѣку.

Хозяинъ. А отчего ты бѣдный?

Нищій. Извѣстно отчего,—отъ нужды.

Хозяинъ. Работалъ бы, не былъ бы бѣденъ.

Нищій. И радъ бы работать, да работы нынче нѣтъ. Все позакрывали.

Хозяинъ. Отчего же другіе работаютъ, а у тебя нѣтъ работы?

Нищій. Вѣрьте совѣсти, всей душой радъ бы работать,—не берутъ. Пожалѣйте, баринъ, второй день не ѣмши иду.

Хозяинъ *(смотритъ въ кошелекъ. Къ женѣ)*. Avez-vous de la petite monnaie? Je n'ai que des assignats [1]).

Хозяйка *(къ Васѣ)*. Поди, умникъ, у меня въ мѣшкѣ на столикѣ, подлѣ кровати, кошелекъ, — возьми и принеси.

Вася *(не слышитъ матери, смотритъ, не спуская глазъ, на нищаго)*.

Хозяйка. Вася, не слышишь? *(Дергаетъ его за рукавъ.)* Вася!

Вася. Что ты, мама?

(Хозяйка повторяетъ, куда итти, что взять.)

[1]) Есть у тебя мелочь? У меня только бумажки.

Вася *(вскакиваетъ)*. Сейчасъ. *(Все оглядывается на нищаго, уходитъ.)*

Хозяинъ. Подожди, сейчасъ. *(Нищій отходитъ къ сторонѣ.)* *(Къ женѣ по-французски.)* Это ужасно, сколько ихъ ходитъ безъ работы. Все лѣнь.

Хозяйка. Но все-таки ужасно, если онъ голоденъ.

Хозяинъ. Преувеличеніе.

Хозяйка. Говорятъ, то же и за границей. Я читала, въ Нью-Йоркѣ что-то около ста тысячъ безработныхъ. Хочешь еще чаю?

Хозяинъ. Налей послабѣе. *(Закуриваетъ. Молчаніе. Нищій смотритъ на нихъ, покачиваетъ головой и кашляетъ, очевидно, обращая на себя вниманіе.)*

(Вася прибѣгаетъ съ кошелькомъ и тотчасъ ищетъ глазами нищаго и, подавая кошелекъ матери, уставляется на него.)

Хозяинъ *(достаетъ гривенникъ изъ кошелька)*. Такъ вотъ ты, какъ тебя, получи.

Нищій *(снимаетъ шапку, кланяется, беретъ монету)*. Благодарю, спасибо и на этомъ. Благодаримъ за то, что пожалѣли бѣднаго человѣка.

Хозяинъ. Жалѣю, главное, о томъ, что не работаете. Работали бы, такъ не были бы бѣдны. Кто работаетъ, тотъ не будетъ бѣденъ.

Нищій *(получивъ деньги, надѣваетъ шапку и, повернувшись, говоритъ)*. Это точно, что отъ работы будешь не богатъ, а горбатъ. *(Уходитъ.)*

Вася. Что это онъ сказалъ?

Хозяинъ. А сказалъ ихнюю глупую мужицкую пословицу, что отъ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ.

Вася. Что это значитъ?

Хозяинъ. А то, что будто бы отъ работы только сгорбишься, а не разбогатѣешь.

Вася. Это неправда?

Хозяинъ. Разумѣется, неправда. Тѣ, кто такъ, какъ эти, шляются и не хотятъ работать,—тѣ всегда бѣдны. Богаты бываютъ только тѣ, кто работаетъ.

Вася. Отчего же мы не работаемъ, а богаты?

Хозяйка *(смѣется)*. Почемъ же ты знаешь, что папа не работаетъ?

Вася. Я не знаю, но вѣдь мы очень богаты, стало-быть, папѣ надо ухъ какъ много работать. А развѣ онъ такъ много работаетъ?

Хозяинъ. Работа работѣ рознь. Можетъ, моя работа такая, что ее [не] всякій можетъ работать.

Вася. Какая же твоя работа?

Хозяинъ. Моя работа та, чтобъ васъ всѣхъ кормить, одѣвать, учить.

Вася. Да вѣдь и у него тоже. За что же ему надо ходить такимъ жалкимъ, а мы вотъ такъ...

Хозяинъ *(смѣясь)*. Вотъ такъ самородный соціалистъ!

Хозяйка. Да, говорится: «Ein Narr kann mehr fragen, als Tausend Weisen antworten»: всякій дуракъ задаетъ такіе вопросы, что и тысяча мудрыхъ не отвѣтятъ. Надо бы сказать: ein Kind,—не дуракъ, а всякій ребенокъ.

ЛЮБИТЕ ОБИЖАЮЩИХЪ ВАСЪ.

Маша — *10 лѣтъ* и **Ваня** — *8* [*лѣтъ*].

Маша. А я сейчасъ думаю: вотъ если бы мама вернулась сейчасъ и взяла бы насъ съ собой, и мы всѣ бы поѣхали сначала въ пассажъ, а потомъ къ Настѣ. А тебѣ чего бы хотѣлось?

Ваня. Мнѣ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы было, какъ вчера.

Маша. Да что жъ такое вчера было? То, что тебя Гриша побилъ, и потомъ вы съ нимъ расплакались? Тутъ хорошаго мало.

Ваня. А вотъ это самое и хорошо было. Такъ хорошо было, что лучше ничего не бываетъ. Вотъ этого бы мнѣ и хотѣлось.

Маша. Не понимаю.

Ваня. А это вотъ что, я тебѣ растолкую, чего мнѣ хочется. Помнишь, какъ въ прошлое воскресенье дяденька П. И... какъ я его люблю!

Маша. Кто жъ его не любитъ? Мама говоритъ, что онъ святой. Это и правда.

Ваня. Такъ помнишь, прошлое воскресенье онъ разсказывалъ исторію, какъ одного человѣка все обижали, и кто больше обижалъ, тѣхъ онъ больше и любилъ. Они его ругаютъ, а онъ ихъ хвалитъ. Они его бьютъ, а онъ имъ помогаетъ. Дяденька говоритъ, что если такъ дѣлать, такъ очень хорошо тому, кто такъ дѣлаетъ. Мнѣ это понравилось, я и захотѣлъ такъ дѣлать. И вотъ, когда Гриша побилъ меня вчера, я вспомнилъ это, сталъ его цѣловать, а онъ заплакалъ. И такъ мнѣ стало весело. А съ няней вчера я ошибся: она меня стала бранить, а я забылъ, какъ надо, и самъ нагрубилъ ей. И вотъ мнѣ теперь хочется еще разъ попробовать, какъ съ Гришей было.

Маша. Такъ тебѣ хотѣлось [бы], чтобы тебя побилъ кто-нибудь?

Ваня. Даже очень бы хотѣлось. Я бы сейчасъ сдѣлалъ то же, что съ Гришей, и сейчасъ же мнѣ бы стало весело.

Маша. Вотъ глупости-то! Какъ былъ глупъ, такъ и остался.

Ваня. Ну, что жъ, глупъ, такъ глупъ, а только я знаю теперь, какъ надо дѣлать, чтобы всегда [было] хорошо.

Маша. Ужасный дуракъ! И точно хорошо отъ этого бываетъ?

Ваня. Очень.

О ПЕЧАТИ.

Классная.

Володя, *гимназистъ—14 лѣтъ, читаетъ, готовитъ уроки.* **Соня**—*15* [*лѣтъ*], *пишетъ.* **Дворникъ** *входитъ съ тяжелой ношей за спиной, за нимъ* **Миша**—*8 лѣтъ.*

Дворникъ. Куда, баринъ, самую эту исторію сложить? Всѣ плечи оттянула.

Володя. Да куда тебѣ велѣли?

Дворникъ. Василій Тимофеевичъ сказалъ: неси пока въ классную, пока самъ пріѣдетъ.

Володя. Ну, такъ сюда, въ уголъ. *(Опять читаетъ.)*

Дворникъ *(сваливаетъ, вздыхаетъ).*

Соня. Это что?

Володя. «Правда», газета.

Миша. Какъ правда?

Соня. Какъ такъ много?

Володя За весь годъ. *(Продолжаетъ читать.)*

Миша. Все это писано?

Дворникъ. Ну, и сказать, что не гуляли тѣ, что писали.

Володя *(смѣется).* Какъ ты сказалъ?

Дворникъ. Да какъ сказалъ: писали, не гуляли, говорю. Такъ я пойду, вы скажите, что принесъ. *(Уходитъ.)*

Соня *(къ Володѣ).* Зачѣмъ же это папа всю газету?

Володя. Онъ хочетъ выбрать статьи Большакова.

Соня. А дядя Михаилъ Ивановичъ говоритъ, что ему отъ Большакова тошно дѣлается.

Володя. Ну, то дяденька Михаилъ Ивановичъ. Онъ только одну «Истину для всѣхъ» читаетъ.

Миша. А эта дяденькина «Истина» такая же большая, какъ эта?

Соня. Еще больше. Да вѣдь это за одинъ годъ, а онѣ лѣтъ по двадцать выходятъ.

Миша. Такихъ двадцать да еще двадцать?

Соня *(хочетъ удивить Мишу)*. Это что! Это двѣ газеты, а ихъ выходитъ тридцать или больше.

Володя *(не поднимая головы)*. Тридцать? Пятьсотъ тридцать въ Россіи, а если взять всѣ, что за границей, ихъ тысячи.

Миша. Въ эту комнату не уложатся?

Володя. Въ эту комнату?! Въ нашу улицу не уложатся. Ну да не мѣшайте мнѣ, пожалуйста. Завтра, навѣрно, спросятъ, а вы съ своими глупостями. *(Опять читаетъ.)*

Миша. А я думаю, что это не надо такъ много писать.

Соня. Отчего не надо?

Миша. А оттого не надо, что если правда, такъ что же все одно и то же говорить, а если неправда, такъ не надо врать.

Соня. Вотъ такъ рѣшилъ!

Миша. Зачѣмъ же они такъ ужасно много пишутъ?

Володя *(отъ книги)*. А затѣмъ, что безъ свободы печати почемъ же узнали [бы], гдѣ правда.

Миша. Папа вотъ говоритъ, что въ «Правдѣ»—правда, а дядя Михаилъ Ивановичъ,—что ему отъ «Правды» тошно дѣлается. Какъ же они узнаютъ, гдѣ правда: въ «Правдѣ» или въ «Истинѣ»?

Соня. Это точно. Я думаю, что слишкомъ много газетъ, журналовъ, книгъ.

Володя. Вотъ и видна женщина,—всегда легкомысліе.

Соня. Нѣтъ, я говорю, что оттого, что слишкомъ много, нельзя узнать...

Володя. На это каждому умъ данъ, чтобы разсудить, гдѣ правда.

Миша. А если у каждаго умъ есть, такъ и можетъ каждый самъ разсудить.

Володя. Вотъ ты отъ большого ума и разсудилъ. Но, пожалуйста, иди куда-нибудь и мнѣ не мѣшай.

РАСКАЯНІЕ.

Воля—*8 лѣтъ, стоитъ въ коридорѣ съ пустой тарелкой и плачетъ.* **Федя**—*10 лѣтъ, вбѣгаетъ въ коридоръ и останавливается.*

Ф е д я. Мама велѣла узнать, гдѣ ты. Да ты что же плачешь? Нянѣ снесъ? *(Видитъ пустую тарелку, свиститъ.)* Гдѣ же пирожное?

В о л я. Я... я... я хотѣлъ, я... и вдругъ... у-у-у! нечаянно съѣлъ.

Ф е д я. Не донесъ до няни, съѣлъ? Вотъ такъ ловко! А мама думала, что ты радъ снести нянѣ.

В о л я. Да я и радъ... да вдругъ... нечаянно... у-у-у!

Ф е д я. Попробовалъ, да и съѣлъ! Ловко! *(Смѣется.)*

В о л я. Да, тебѣ... хорошо... смѣяться, а какъ я скажу?.. И къ нянѣ нельзя и къ мамѣ нельзя...

Ф е д я. Ну, братъ, надѣлалъ дѣла — ха-ха-ха! Такъ все и съѣлъ? Да что же плакать, надо придумать.

В о л я. Что жъ я могу придумать? Что мнѣ теперь дѣлать?

Ф е д я. Ну, дѣла! *(Старается не смѣяться.)*

(Молчаніе.)

В о л я. Что мнѣ теперь дѣлать? Пропалъ я. *(Реветъ.)*

Ф е д я. Объ чемъ же такъ огорчаться? Будетъ ревѣть-то. Просто, поди, скажи мамѣ, что снесъ.

В о л я. Это еще хуже.

Ф е д я. Ну, такъ нянѣ признайся.

В о л я. Какъ я ей скажу?

Ф е д я. Такъ слушай же: постой здѣсь, я сбѣгаю къ нянѣ, разскажу; она ничего.

В о л я. Нѣтъ, не говори. Какъ я ей скажу?

Ф е д я. Вотъ пустяки! Ну, ошибся, что же дѣлать. Я сейчасъ ей скажу. *(Убѣгаетъ.)*

В о л я. Федя! Федька! Постой! Убѣжалъ... Только попробовалъ, а потомъ и не помню, какъ, и вотъ надѣлалъ. Что теперь дѣлать?.. *(Ревётъ.)*

(Прибѣгаетъ Федя.)

Ф е д я. Да будетъ ревѣть. Я какъ и говорилъ тебѣ, что няня проститъ. Она только и сказала: «ахъ, мой голубчикъ!»

В о л я. Что же, и не сердится?

Ф е д я. И не думаетъ. «Богъ съ нимъ, съ пирожнымъ, я бы ему и такъ отдала».

В о л я. Да вѣдь я нечаянно. *(Опять плачетъ.)*

Ф е д я. Ну, объ чемъ же теперь? Мамѣ не скажемъ, а няня простила.

В о л я. Няня простила. Я знаю, что она хорошая, добрая. А я?.. Я — гадкій, гадкій гадкій. Объ этомъ и плачу.

ОБЪ ИСКУССТВѢ.

Лакей, экономка *и* **Наташа** *8 лѣтъ.*

Лакей *(съ подносомъ)*. Миндальнаго молока къ чаю и рому.

Экономка *(вяжетъ чулокъ и считаетъ петли)*. Двадцать двѣ, двадцать три...

Лакей. Слышите, что ли, Авдотья Васильевна? а Авдотья Васильевна?

Экономка. Слышу, слышу, сейчасъ. Не разорваться мнѣ. *(Къ Наташѣ.)* Сейчасъ, маточка, и вамъ черносливцу принесу. Вотъ дай срокъ—молоко отпущу. *(Цѣдитъ молоко.)*

Лакей *(присаживается)*. Ну, ужъ насмотрѣлся я. И за что только деньги платятъ?

Экономка. Это что же, въ театрѣ были? Что-то долго нынче.

Лакей. Опера всегда долго. Сидишь, сидишь. Спасибо, пустили посмотрѣть. Чудно.

(Буфетный мужикъ **Павелъ** *входитъ со сливками и останавливается слушать.)*

Экономка. Пѣніе, значитъ?

Лакей. Какое пѣніе! Такъ, дуромъ горланятъ. И не похоже вовсе. Я, говоритъ, ее очень какъ люблю. И все это на голосъ выводитъ, и не похоже совсѣмъ. А то повздорили, надо имъ драться, а они опять поютъ.

Экономка. А вѣдь, сказываютъ, дорого стоитъ абанентъ.

Лакей. За нашу ложу триста рублей за двѣнадцать приставленій.

Павелъ *(качаетъ головой)*. Триста рублей! Кому же эти деньги-то идутъ?

Лакей. Извѣстно, кому: кто поетъ, тому и платятъ. Сказываютъ, пѣвица въ годъ пятьдесятъ тысячъ выручаетъ.

Павелъ. Тутъ ужъ не до тысячъ рѣчь, а триста рублей по деревенскому быту, охъ, много денегъ. Другой всю жизнь бьется, не то что триста рублей, а и сотни не добьется.

(Гимназистка шестого класса, **Нина,** *приходитъ въ буфетъ.)*

Нина. Наташа тутъ? Что же ты пропала, мама спрашиваетъ.

Наташа *(жуетъ черносливъ).* Я сейчасъ.

Нина *(къ буфетному мужику).* Что это ты говоришь, сто рублей?

Экономка. Да разсказывалъ Семенъ Николаевичъ *(указываетъ на лакея)*, какъ онъ нынче въ театрѣ пѣніе слушалъ, и что какъ много пѣвицамъ платятъ, такъ вотъ Павелъ дивится. Неужели и правда, Нина Михайловна, что пѣвица по пятидесяти тысячъ выручаетъ?

Нина. Еще больше. Одну пѣвицу пригласили въ Америку, полтораста тысячъ дали. Да не это одно. Вчера въ газетахъ было, что музыкантъ одинъ за ноготь двадцать пять тысячъ получилъ.

Павелъ. Мало ли что пишутъ! Развѣ это можно.

Нина *(съ видимымъ удовольствіемъ).* Вѣрно я тебѣ говорю.

Павелъ. За что же за ноготь двадцать пять тысячъ?

Наташа. За что же?

Нина. А за то, что онъ—музыкантъ на фортепьяно и застрахованъ. Такъ что если что-нибудь съ рукой случится, и нельзя играть, такъ ему выплачиваютъ.

Павелъ. Ну, дѣла!

Сенечка *(гимназистъ шестого класса; входитъ).* Вотъ у васъ какое засѣданіе здѣсь. О чемъ это?

Нина *(разсказываетъ).*

Сенечка *(еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ).* Мало того, что за ноготь. Въ Парижѣ танцовщица застраховала ногу за двѣсти тысячъ рублей,—значитъ, если свихнетъ и не можетъ работать.

Лакей. Это тѣ, что, съ позволенья сказать, безъ портокъ ногами работаютъ.

Павелъ. Ну, ужъ и работа. Какъ не платить деньги!

Сенечка. Да вѣдь не всякій можетъ, да и сколько лѣтъ училась.

Павелъ. Чему училась-то? Добру или какъ ногами вертѣть?

Сенечка. Ну, ты не понимаешь. Искусство — великое дѣло.

Павелъ. А я думаю,—пустяки одни, съ жиру дурашныя деньги платятъ. . . . . .

. . . . . А то имъ и вся цѣна-то—грошъ. Ну, да что...

Сенечка. Что значитъ необразованность! Для него и Бетховенъ, и Віардо, и Рафаэль,—все вздоръ.

Наташа. А я думаю, онъ правду говоритъ.

Нина. Пойдемъ, пойдемъ.

О НАУКѢ.

Два гимназиста: **реалистъ**—*15 лѣтъ и* **классикъ**—*16 лѣтъ, и два близнеца, братья классика:* **Володя** *и* **Петруша**—*8 лѣтъ.*

Реалистъ. Зачѣмъ же мнѣ и латинскій и греческій, когда все, что есть важнаго, хорошаго, все ужъ переведено на новые языки?

Классикъ. Никогда не поймешь Иліаду, если не будешь читать ее по-гречески.

Реалистъ. Да мнѣ и вовсе читать ее не нужно, да и не хочу.

Володя. А что такое Иліада?

Реалистъ. Сказка.

Классикъ. Да, но такая, какой другой нѣтъ въ мірѣ.

Петруша. Чѣмъ же она такъ хороша?

Реалистъ. Да ничѣмъ; сказка, какъ сказка.

Классикъ. Да, только настоящаго пониманія древности никогда не достигнешь, если не будешь знать этихъ сказокъ.

Реалистъ. А по-моему, это . . . . суевѣріе . . . . . .

Классикъ *(горячась)*. . . . . , это—исторія и мудрость.

Володя. Развѣ . . . . . .

Классикъ. И что вы тутъ сидите? Вѣдь вы ничего не понимаете.

Ова *(обиженно)*. Отчего жъ не понимаемъ?

Володя. Можетъ-быть, лучше вашего понимаемъ.

Классикъ. Ну, хорошо, хорошо, только не мѣшайтесь въ разговоры, сидите смирно. *(Къ реалисту.)* Ты говоришь, что нѣтъ

приложенія къ жизни древнихъ языковъ. Да вѣдь то же самое можно сказать и про бактеріологію, и про химію, и про физику, и про астрономію. На что тебѣ знать о разстояніи звѣздъ и ихъ объемѣ и всѣ эти никому ни на что ненужныя подробности?

Реалистъ. Почему ненужныя,—очень нужныя.

Классикъ. На что же?

Реалистъ. Какъ на что? На все! А мореплаваніе?

[Классикъ.] Это и безъ астрономіи.

Реалистъ. Но зато практическія приложенія къ земледѣлію, къ медицинѣ, къ промышленности...

Классикъ. Да что же, эти самыя данныя прилагаются и къ бомбамъ, и на войнахъ, и [у] революціонеровъ. Если бы эти знанія дѣлали бы то, чтобы люди лучше жили...

Реалистъ. А развѣ отъ вашей науки люди лучше дѣлаются?

Володя. А какія науки, отъ какихъ люди лучше дѣлаются?

Классикъ. Я говорилъ тебѣ: не мѣшайся въ разговоръ съ большими. Все и говоришь глупости.

Володя и Петруша *(въ одинъ голосъ)*. Ну, глупости, не глупости, а только какія науки, чтобъ жить хорошо?

Реалистъ. Такихъ нѣтъ. Это самъ всякій для себя дѣлаетъ.

Классикъ. Ну, что ты съ ними разговариваешь, ничего они не понимаютъ.

Реалистъ. Нѣтъ, отчего же. Этому, Володя, Петруша, въ гимназіяхъ не учатъ.

Володя. А этому не учатъ, такъ и не надо учиться.

Петруша. Мы вырастемъ большіе, не станемъ учиться тому, что̀ не нужно.

Володя. А будемъ сами жить лучше.

Классикъ *(смѣется)*. Вотъ такъ мудрецы, разсудили.

О СУДѢ ГРАЖДАНСКОМЪ.

Крестьянинъ, *его* **жена** *и* **кума, Федоръ** — *сынъ, 19 лѣтъ,* **Петька** — *другой* [*сынъ*], *9 лѣтъ.*

Крестьянинъ *(входитъ въ избу, раздѣвается).* Ну, и погодка, насилу добрался.

Жена. Рази ближній свѣтъ! Верстъ, я чай, пятнадцать будетъ?

Крестьянинъ. И всѣ двадцать. *(Къ сыну Федору.)* Убери поди мерина-то.

Жена. Ну, что же, на нашу руку присудили?

Крестьянинъ. Чорта съ два присудили. Ничего толковъ нѣтъ.

Кума. Да въ чемъ, куманекъ, дѣло-то, я не разберу.

Крестьянинъ. А въ томъ дѣло, что захватилъ Аверьянъ мой огородъ и владаетъ, а я концовъ не найду.

Жена. Ужъ второй годъ судимся.

Кума. Знаю, знаю. Какъ же, тогда постомъ-то въ волости судились, мой сказывалъ, тебѣ присудили?

Крестьянинъ. То-то и дѣло, а Аверьянъ земскому подалъ. А земскій возьми да и поверни опять все дѣло назадъ. Я къ судьямъ [1]), судьи мнѣ и присудили. Надо бы—конецъ, такъ нѣтъ, ему присудили. Тоже судьи!

Жена. Ну, какъ же теперь быть?

Крестьянинъ. А такъ, что не дамъ я ему своего, на вышній судъ подамъ. Я ужъ и аблаката подговорилъ.

Кума. А ну, какъ и въ вышнемъ судѣ на его руку потянутъ?

---

[1]) См. примѣчаніе 3-ье.

Крестьянинъ. Еще выше подамъ. Хоть послѣднюю корову просужу, а не поддамся толстопузому дьяволу. Будетъ меня знать!

Кума. Охъ, горе, горе—суды эти. А ну, какъ и эти ему присудятъ?

Крестьянинъ. Царю подамъ. Пойти сѣна мерину дать. *(Уходитъ.)*

Петька. А коли царь присудитъ, тогда кому подавать?

Жена. Да ужъ послѣ царя некому.

Петька. Отчего же они такъ судятъ, одни на Аверьяна, а другіе на тятьку?

Мать. Должно, оттого, что сами не знаютъ.

Петька. Такъ зачѣмъ ихъ и спрашивать, коли они не знаютъ?

Жена. А затѣмъ, что никому не хочется своего отдавать.

Петька. А я, когда выросту, такъ такъ буду дѣлать: если поспорю съ кѣмъ объ чемъ, такъ кинемъ жеребій, кому достанется. Кому выйдетъ—и конецъ. Мы такъ завсегда съ Акулькой дѣлаемъ.

Кума. А что же, кума, пожалуй, что сходнѣе такъ-то, пра! Безъ грѣха.

Жена. Какъ есть. Что изъ-за этого истратились—и огородъ того не стоитъ. Ой, грѣхи, грѣхи.

О СУДѢ УГОЛОВНОМЪ.

Ребята: **Гришка**—*12 лѣтъ*, **Семка**—*10 лѣтъ*, **Тишка**—*13 лѣтъ*.

Тишка. А затѣмъ, что не залѣзай въ чужой закромъ. Вотъ посадятъ въ тюрьму, другой разъ и побоится.

Семка. Да хорошо, какъ за дѣло, а то дѣдъ Микита сказывалъ, Митрофана вовсе понапрасну посадили.

Тишка. Какъ же понапрасну? Что же ему, кто присудилъ, такъ ничего не будетъ за это?

Гришка. Тоже по головкѣ не погладятъ, если не по закону судитъ. Тоже накажутъ.

Семка. А кто же накажетъ?

[Тишка.] А кто выше его.

Семка. А кто выше?

Тишка. Начальство.

Семка. А коли и начальство ошибется?

Гришка. На то и еще выше есть. И тѣхъ накажутъ. На то и царь есть.

Семка. А если царь ошибется, тогда кто его накажетъ?

Тишка. Кто накажетъ, кто накажетъ. Извѣстно...

Гришка. Богъ накажетъ.

Семка. Такъ Богъ вѣдь и того накажетъ, кто корову укралъ. Такъ пускай бы Богъ и наказывалъ одинъ всѣхъ, кто виноваты. Богъ ужъ не ошибется.

Тишка. Видно, нельзя такъ.

Семка. Отчего?

Тишка. Оттого...

О СОБСТВЕННОСТИ.

Старикъ **плотникъ** *чинитъ перила балкона. Семилѣтній* **барчукъ** *смотритъ, любуется на работу плотника.*

Барчукъ. Какъ вы хорошо работаете! Васъ какъ звать?

Плотникъ. Насъ какъ звать? Звали Хролкой, а нынче ужъ Хроломъ да еще Савичемъ величаютъ.

Барчукъ. Какъ вы хорошо работаете, Хролъ Савичъ!

Плотникъ. Работать, такъ ужъ хорошо. Зачѣмъ же плохо работать?

Барчукъ. А у васъ есть балконъ?

Плотникъ *(смѣется)*. У насъ? У насъ, паренекъ, такой балконъ, что этотъ вашъ никуда не годится. У насъ балконъ безъ оконъ, а войдешь, иди вонъ. Вотъ какой у насъ балконъ.

Барчукъ. Вы все шутите. Нѣтъ, точно. Есть у васъ такой балконъ? Я серьезно.

Плотникъ. Эхъ, паренекъ голубчикъ... Балконъ! Какой у нашего брата балконъ? Нашему брату дай Богъ крышу надъ головой. А то—балконъ. Съ весны затѣялъ строиться. Старую сломать—сломалъ, а новую все не доведу. И теперь безъ крыши стоитъ, прѣетъ.

Барчукъ *(удивленно)*. Отчего же?

Плотникъ. Вотъ и отчего же. А оттого, что силы не хватаетъ.

Барчукъ. Да какъ же силы не хватаетъ? Вѣдь вотъ вы у насъ работаете?

Плотникъ. Вамъ-то работаю, а себѣ не могу.

Барчукъ. Отчего? Я не понимаю, растолкуйте мнѣ.

Плотникъ. Вырастешь, молодчикъ, поймешь. На васъ работаю, а на себя нельзя.

Барчукъ. Отчего?

Плотникъ. А оттого, что лѣсу надо, а его нѣтъ, купить надо. А купила-то и нѣтъ. Вотъ у васъ поработаю, мамаша заплатитъ,—ты ей скажи, чтобъ побольше заплатила,—я въ рощу поѣду, осинъ пятокъ на верхъ возьму, тогда и крышу додѣлаю.

Барчукъ. А у васъ развѣ своего лѣса нѣтъ?

Плотникъ. У насъ лѣса такіе, что три дня иди, конца не найдешь. Одно горе — не наши.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Ну, съ вами разболтался и работу забылъ, а нашего брата не хвалятъ за это. *(Берется за работу.)*

Барчукъ. Я, когда вырасту, сдѣлаю такъ, чтобы у меня ровно со всѣми, всего ровно со всѣми было.

Плотникъ. Вырастай поскорѣе, а то я не дождусь. Только смотри, не забывай. И куда это я рубанокъ дѣлъ?

О ДѢТЯХЪ.

Барыня, *ея дѣти:* **мальчикъ-гимназистъ**—*14 лѣтъ*, **Танечка**—*5 лѣтъ, ходятъ въ саду. Къ нимъ подходитъ* **крестьянка-старуха.**

Барыня. Ты что, Матрена?

Старуха. Къ вашей милости.

Барыня. Да объ чемъ?

Старуха. Да что, матушка-барыня, и говорить совѣстно, да что подѣлаешь. Опять родила кумушка-то ваша[1]). Приказала просить, не приведете ли въ православную вѣру.

Барыня. Да вѣдь она недавно родила?

Старуха. Какъ сказать? Лѣтось постомъ годъ былъ.

Барыня. Сколько же у тебя внуковъ теперь?

Старуха. И, матушка, и не перечтешь, отдала бы половину. И всѣ малъ-мала меньше. Бѣда.

Барыня. У дочери сколько?

Старуха. Седьмой, матушка-барыня, и всѣ живы. Хоть бы прибралъ Богъ которыхъ.

Барыня. Что ты говоришь, какъ можно такъ говорить.

Старуха. Да что станешь дѣлать. И согрѣшишь, окаянная. Да ужъ нужды много. Что же, матушка, пожалѣйте насъ, окрестите. А то, вѣрите Богу, барыня, не то что попу заплатить, а и хлѣба вволю нѣтъ. Мелкота все. Зять въ людяхъ, а мы съ бабой однѣ. Я старая, а она—то съ брюхомъ, то съ ребенкомъ. Какая же отъ нея работа? Во всѣ дѣла все я одна. А орава эта то и знаетъ, что ѣсть просить.

Барыня. Неужели семеро?

---

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

Старуха. Однова дыхнуть, семеро. Старшенькая только-только стала подсоблять, а то все мелкота.

Барыня. Да отчего же это уже такъ много?

Старуха. Что станешь дѣлать, матушка-барыня. Придетъ на побывку али на праздникъ,—дѣло молодое. А живетъ въ городѣ, близко. Хоть бы куда занесло его вдаль

Барыня. Да, кто плачется, что дѣтей нѣтъ и что умираютъ, а вы плачетесь, что много слишкомъ.

Старуха. Много, много. Не подъ силу. Что же, матушка-барыня, обнадежить ее?

Барыня. Хорошо. Тѣхъ крестила и этого буду. Мальчикъ?

Старуха. Малый, да и здоровенный, не судомъ кричитъ... Когда же прикажете?

Барыня. Когда хотите.

(Старуха благодаритъ и уходитъ.)

Танечка. Мама, отчего у однихъ дѣти есть, а у другихъ нѣтъ? У тебя есть, у Матрены есть, а у Параши нѣтъ?

Барыня. Параша не замужемъ. Дѣти рожаются, когда женятся. Женятся, станутъ мужемъ съ женой, тогда рожаются.

Танечка. Всегда рожаются?

Барыня. Нѣтъ, не всегда. Вотъ у повара жена есть, а дѣтей у нихъ нѣтъ.

Танечка. А нельзя сдѣлать такъ, чтобъ кто хочетъ, чтобы у него были дѣти, чтобы они рожались, а кто не хочетъ, чтобъ они не рожались?

Мальчикъ. Какія ты глупости спрашиваешь!

Танечка. Совсѣмъ не глупости. Я думаю, что если матрениной дочери не хочется дѣтей, такъ сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не было. Мама, можно такъ сдѣлать?

Мальчикъ. Вотъ я и говорю, что ты глупости болтаешь, чего не знаешь.

Танечка. Мама, можно такъ сдѣлать?

Барыня. Какъ тебѣ сказать? Мы этого не знаемъ. Это отъ Бога.

Танечка. Да отчего дѣти рожаются?

Мальчикъ. Отъ козла. *(Смѣется.)*

Танечка *(обиженно)*. Ничего смѣшного нѣтъ. Я думаю, что если Матрена говоритъ, что имъ трудно отъ дѣтей, то надо

такъ сдѣлать, чтобъ они не рожались. Вотъ у няни нѣтъ и не было дѣтей.

Барыня. Да вѣдь она дѣвушка, не замужемъ.

Танечка. Такъ и всѣмъ, кто не любитъ дѣтей, надо такъ. А то какъ же,—дѣти родятся, а ихъ кормить нечѣмъ. *(Барыня переглядывается съ мальчикомъ и молчитъ.)* Когда вырасту большая, непремѣнно женюсь и сдѣлаю такъ, чтобы у меня была дѣвочка и мальчикъ, а больше чтобъ не было. А то развѣ хорошо: дѣти есть, а ихъ не любятъ. Я своихъ зато какъ любить буду! Правда, мама? Я пойду къ нянѣ, у ней спрошу. *(Уходитъ.)*

Барыня *(сыну)*. Да, какъ это говорится: изъ устъ младенцевъ... что-то—истина. Истинная правда, что она говоритъ. Если бы люди понимали, что женитьба—великое дѣло, а не забава, что жениться надо не для себя, а для дѣтей, не было бы этихъ ужасовъ, подкинутыхъ, заброшенныхъ дѣтей, не было бы того, что у матренинои дочери: что дѣти не радость, а горе.

О ВОСПИТАНІИ.

Дворникъ *чиститъ замки.* **Катя**—*7 лѣтъ, строитъ домики изъ кирпичиковъ.* **Николай**, *гимназистъ—15 лѣтъ, входитъ, швыряетъ книгу.*

Николай. Чортъ ихъ дери и съ гимназіей треклятой!

Дворникъ. А что?

Николай. Опять палку закатили. Опять исторія будетъ, Чортъ бы ихъ подралъ! Очень мнѣ нужна географія проклятая. Какія-то Клифорніи. На чорта мнѣ ихъ знать!

Дворникъ. Да что же они вамъ сдѣлаютъ?

Николай. Опять оставятъ.

Дворникъ. Да отчего же вы не учитесь?

Николай. Отчего? Оттого, что не могу глупости учить. Эхъ, пропадай все! *(Кидается на стулъ.)* Пойду, скажу мамашѣ: не могу, да и все тутъ. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ, а я не могу. А не возьметъ меня изъ гимназіи, уйду. Ей-Богу, уйду.

Дворникъ. Куда же уйдете-то?

Николай. Изъ дома уйду. Наймусь въ кучера, въ дворники,—все лучше этой чертовской глупости.

Дворникъ. Да вѣдь въ дворникахъ тоже трудно. Рано вставать, дрова колоть, носить, топить.

Николай. Фю! *(Свищетъ.)* Это праздникъ. Дрова колоть—любимое дѣло. Вотъ удивилъ! Да это самое любезное дѣло. Нѣтъ, ты [бы] попробовалъ географію учить.

Дворникъ. Это точно. Зачѣмъ же они васъ принуждаютъ?

Николай. А вотъ ты спроси, зачѣмъ. Зачѣмъ? Ни зачѣмъ. Такъ заведено. Они думаютъ, что безъ этого нельзя.

Дворникъ. А затѣмъ, чтобы потомъ служить, чины получать, жалованье, какъ вотъ папаша, дядюшка.

Николай. А коли я не хочу?

Катя. А коли онъ не хочетъ?

(Входитъ мать съ запиской въ рукѣ.)

Мать. А мнѣ директоръ пишетъ, у тебя опять единица. Этакъ нельзя, Николенька. Одно изъ двухъ: или учиться или не учиться.

Николай. Разумѣется, одно: не могу, не могу и не могу. Отпустите меня, ради Бога. Не могу я учиться.

Мать. Какъ не могу?

Николай. Такъ, не могу, не идетъ мнѣ это въ голову.

Мать. Не идетъ потому, что ты не о томъ думаешь. У тебя все глупости въ головѣ. Ты не думай о глупостяхъ, а думай о томъ, что тебѣ задаютъ.

Николай. Маменька, я серьезно говорю. Пустите меня. Мнѣ ничего не нужно, только избавьте меня отъ этого ужаснаго ученья, отъ этой каторги. Не могу.

Мать. Что жъ ты будешь дѣлать?

Николай. Это мое дѣло.

Мать. Нѣтъ, это не твое дѣло, а мое. Я дамъ Богу отвѣтъ за васъ, я должна воспитать васъ.

Николай. Да если я не могу?

Мать *(строго)*. Что за глупости—не могу. Я въ послѣдній разъ говорю съ тобой, какъ мать, прошу тебя перемѣниться и исполнить то, что отъ тебя требуютъ. Если же ты не послушаешь меня теперь, я должна буду принять мѣры.

Николай. Я вамъ сказалъ, что не могу и не хочу.

Мать. Николай, берегись!

Николай. Нечего беречься. За что вы меня мучаете? Это вы не понимаете.

Мать. Не смѣй говорить такъ! Какъ ты смѣешь говорить?.. Вонъ отсюда! Смотри!

Николай. И уйду. Ничего не боюсь. Ничего мнѣ отъ васъ не нужно. *(Убѣгаетъ, хлопая дверью.)*

Мать *(сама съ собой)*. Ахъ, измучилъ онъ меня. Вѣдь я знаю, отчего все это. А все оттого, что онъ думаетъ не о томъ, что должно, а объ своихъ глупостяхъ: объ собакахъ, объ курахъ.

Катя. Да какъ же, мама, помнишь, ты сама мнѣ разсказывала, какъ нельзя не думать объ бѣломъ медвѣдѣ?

Мать. Не про то я говорю, а про то, что надо учиться, когда велятъ.

Катя. Да онъ говоритъ, что не можетъ.

Мать. Онъ говоритъ пустяки.

Катя. Да вѣдь онъ не говоритъ, что не хочетъ ничего дѣлать; онъ только учиться географіи не хочетъ. А онъ хочетъ работать, хочетъ въ кучера, въ дворники.

Мать. Если бы онъ былъ дворниковъ сынъ, онъ бы и былъ дворникомъ, а [онъ]—сынъ твоего отца, [такъ] ему надо учиться.

Катя. А онъ [не] хочетъ учиться.

Мать. Мало ли чего онъ хочетъ или не хочетъ, надо слушаться.

Катя. А если не можетъ?

Мать. Смотри, и ты такъ же не дѣлай.

Катя. А я именно такъ и хочу. Ни за что не стану учиться, чему не хочу.

Мать. И будешь дура.

(Молчаніе).

Катя. Я, когда выросту большая, и у меня будутъ дѣти, ни за что не стану ихъ заставлять учиться. Хотятъ—пускай учатся, а не хотятъ—и не надо.

Мать. Вырастешь, не будешь такъ дѣлать.

Катя. Нѣтъ, непремѣнно буду.

Мать. Не будешь, когда вырастешь.

Катя. Нѣтъ, буду, буду, буду.

Мать. Ну и будешь дура.

Катя. Няня говоритъ, что и дураки и дуры Богу нужны.

1909.

НѢТЪ ВЪ МІРѢ ВИНОВАТЫХЪ [1].

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

I.

Порхуновъ, Иванъ Федоровичъ, предводитель дворянства большого, богатаго уѣзда одной изъ великорусскихъ губерній, вчера еще на ночь пріѣхалъ изъ деревни въ уѣздный городъ и, выспавшись на своей городской квартирѣ, въ одиннадцать часовъ утра пріѣхалъ въ присутствіе. Дѣлъ оказалось пропасть: и земское собраніе, и по опекѣ, и воинское присутствіе, и санитарный, и тюремный комитеты, и училищный совѣтъ.

Порхуновъ былъ потомкомъ стариннаго рода Порхуновыхъ, владѣвшихъ съ древнихъ временъ большимъ селомъ Никольскимъ-Порхуновымъ. Воспитывался онъ въ Пажескомъ корпусѣ, но не пошелъ въ военную службу, а поступилъ въ университетъ и кончилъ тамъ курсъ по словесному факультету. Потомъ служилъ недолго при генералъ-губернаторѣ въ Кіевѣ, женился тамъ по любви на дѣвушкѣ, стоявшей ниже его по общественному положенію и бѣдной, баронессѣ Клодъ, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ деревню, гдѣ его на первыхъ же выборахъ выбрали въ предводители,—должность, которую онъ исполнялъ третье трехлѣтіе.

Порхуновъ былъ человѣкъ и умный и образованный; онъ много читалъ и обладалъ большой памятью и умѣньемъ выражать мысли ясно и кратко. Главная же хорошая черта его, вызывавшая почти общую любовь къ нему, была его скромность. Мнѣніе его о своихъ внѣшнихъ качествахъ: образованіе, честность, доброта, правдивость, [было] [1]) очень низко именно потому, что [онъ] постоянно старался, не переставая, какъ можно больше образовать себя, старался быть какъ можно честнѣе, добрѣе, правдивѣе. Такъ что видимый знаменатель [2]) своего мнѣнія о себѣ былъ очень малъ

---

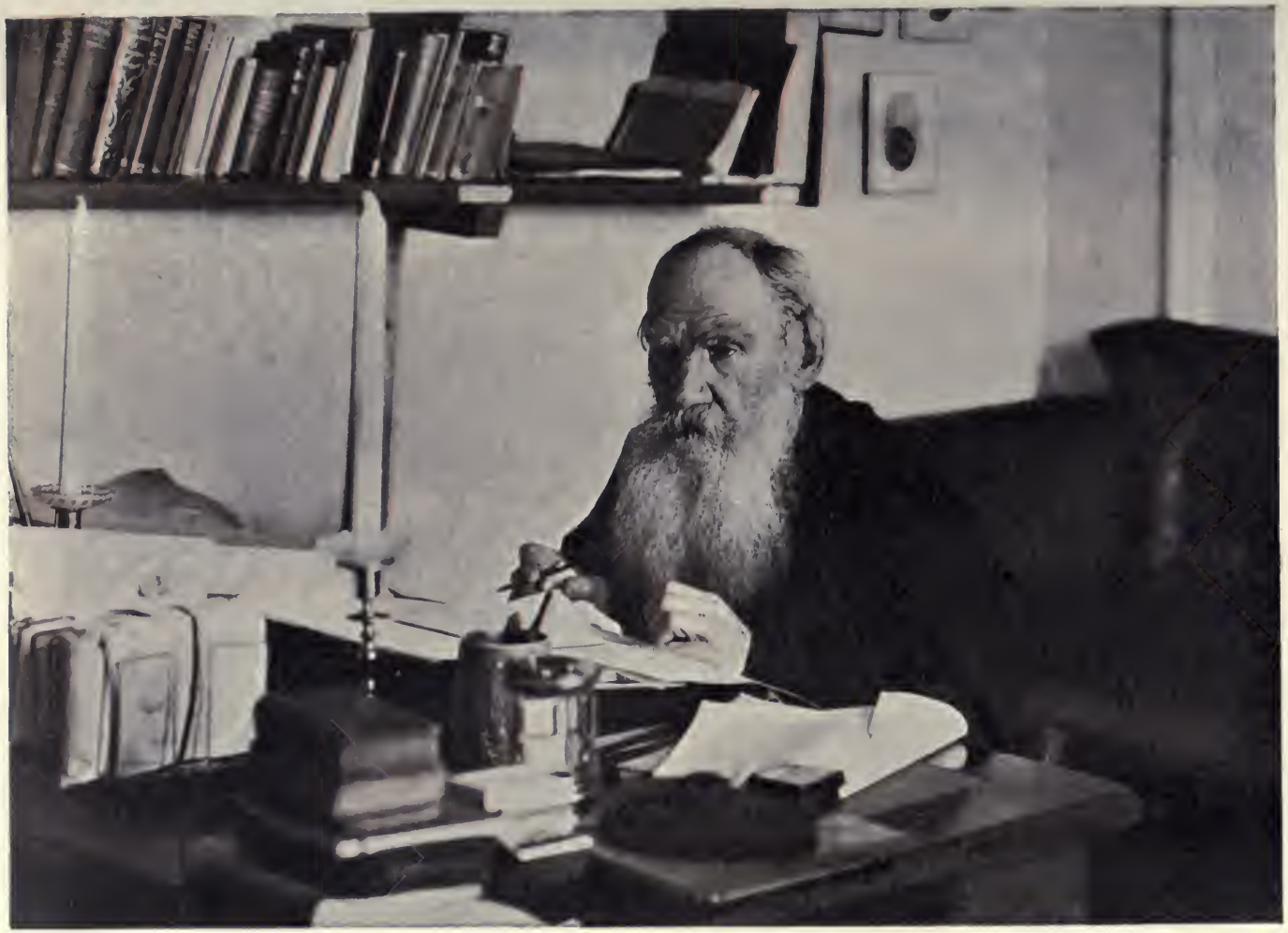
[1]) См. примѣчаніе 2-е.

[2]) См. примѣчаніе 3-ье.

въ Иванѣ Федоровичѣ, и людямъ, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, онъ представлялся именно такимъ, какимъ и долженъ и не можетъ быть инымъ—всегда пріятный, добрый, честный, правдивый Иванъ Федоровичъ. Жизнь велъ Иванъ Федоровичъ, по понятіямъ того круга, въ которомъ онъ жилъ, нравственную — не дѣлалъ невѣрности женѣ, не кутилъ (періодъ кутежей прошелъ для него очень быстро во время его жизни въ Кіевѣ до женитьбы), съ крестьянами своего имѣнія и вообще работниками былъ только настолько требователенъ, насколько это было необходимо для того, чтобы могло итти хозяйство. Въ политическихъ вопросахъ былъ просвѣщеннымъ консерваторомъ, считая, что лучше вносить свою долю просвѣщеннаго и либеральнаго вліянія въ существующій строй, чѣмъ желать того, чего нѣтъ, всѣхъ и все осуждать и самому не участвовать въ дѣлахъ правительства. Онъ долженъ былъ быть выбранъ въ Думу, если бы не появился болѣе привлекательный для избирателей кандидатъ, бывшій профессоръ, хорошій ораторъ, который и былъ выбранъ вмѣсто Ивана Федоровича.

Въ самомъ главномъ для каждаго человѣка, въ религіозномъ вопросѣ, Иванъ Федоровичъ былъ также просвѣщеннымъ консерваторомъ. Онъ не позволялъ себѣ и тѣни сомнѣнія, хотя въ догматахъ православной Церкви и допускалъ съ точки зрѣнія науки изслѣдованіе, въ особенности историческое, о вопросахъ вѣры, и былъ очень начитанъ въ этой области, но въ высшей степени былъ остороженъ по отношенію самыхъ догматовъ. Всякія разсужденія въ бесѣдахъ или въ книгахъ проходилъ молчаніемъ; въ жизни же регулярно и неуклонно исполнялъ всѣ церковныя правила, не говоря уже [о] совершеніи таинствъ, но и крестнаго знамени въ опредѣленныхъ случаяхъ и ежедневно утромъ и вечеромъ молитвы, которой онъ былъ наученъ еще матерью. Вообще онъ съ особенной осторожностью оберегалъ тотъ фундаментъ, на которомъ свойственно стоять человѣческой жизни, но самъ не становился на него, какъ бы сомнѣваясь въ его твердости.

Въ жизни, въ бесѣдахъ, въ разговорахъ былъ въ высшей степени пріятенъ, умѣлъ кстати вспомнить цитату, анекдотъ. Вообще былъ остроуменъ, умѣлъ шутить и разсказывать самое смѣшное съ спокойнымъ и серьезнымъ видомъ. Любилъ охоту и всякаго рода игры, шахматы, карты, и игралъ хорошо.



Фот. В. Черткова.

Левъ Николаевичъ за работой.
(Ясная Поляна 1909 г.).

II.

Въ серединѣ занятій съ секретаремъ вошелъ предсѣдатель земской управы, крайній реакціонеръ, но съ которымъ Порхуновъ былъ, несмотря на различіе взглядовъ, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Потомъ пришелъ докторъ,—совершенно противоположныхъ взглядовъ, демократъ, чуть не революціонеръ. Съ нимъ Порхуновъ былъ въ еще лучшихъ отношеніяхъ и, добродушно посмѣиваясь, спрашивалъ его иногда о томъ, скоро ли объявленіе россійской соціалистической республики, на что докторъ также отвѣчалъ шуткой.

— Ну что, Иванъ Ивановичъ (это былъ предсѣдатель управы), какъ поигрываете? не попадаетесь, какъ тотъ разъ, безъ шести? — обратился онъ къ предсѣдателю управы. — Но шутки шутками, а пора начинать. Дѣла пропасть.

— Да, пора.

— Только у меня къ вамъ обоимъ, любезные сотрудники, просьба; выскажу вамъ, а потомъ и въ присутствіе. — И на вопросъ доктора, о чемъ просьба, Порхуновъ разсказалъ, что бывшій у его дѣтей учитель-студентъ уходитъ, и ему нуженъ учитель. — Знаю,—къ предсѣдателю управы,—у васъ люди знакомые въ этой области, и у васъ также,—къ доктору.—Такъ не можете ли мнѣ рекомендовать?

— Да вѣдь мои знакомые слишкомъ, какъ сказать... прогрессивны для васъ.

— Ну, вотъ, вѣдь уживался же съ Неустроевымъ, а ужъ на что красенъ.

— А что же вашъ Неустроевъ?

— Уходитъ. Вы говорите, ваши знакомые слишкомъ красны для моего дома. Уже на что краснѣй Неустроева, а уживался же я. И даже искренно полюбилъ его. Славный юноша; разумѣется, какъ должно по нынѣшнимъ временамъ, въ головѣ каша, да еще сырая, не упрѣвшая, не съѣдобная, но онъ по душѣ хорошій малый, и мы съ нимъ дружили.

— Отчего же онъ уходитъ?

— Онъ мнѣ не говоритъ правды. Необходимость лгать входитъ вѣдь въ программу революціонеровъ. Но не въ томъ дѣло. Пріѣзжалъ къ нему какой-то его другъ. Останавливался на деревнѣ у Соловьева, видѣлся съ нимъ. Очевидно, его партія или фракція, гру*ппа* (Иванъ Федоровичъ особенно выставилъ два *п*), или какъ это у васъ называется?—потребовала его, и онъ заявилъ, что не можетъ больше оставаться. А хорошій былъ, добросовѣстный учитель и, повторяю, малый прекрасный, несмотря на то, что вашъ братъ революціонеръ и, очевидно, принадлежитъ къ гру*ппѣ*, — прибавилъ Порхуновъ, улыбаясь и похлопывая по колѣнкѣ доктора.

Докторъ, какъ и почти всѣ, подчинился ласковой улыбкѣ и самъ улыбнулся. «Баричъ, аристократъ, реакціонеръ въ душѣ, а не могу не любить его», подумалъ докторъ.

— Отчего бы не взять Соловьева? — сказалъ предсѣдатель управы.

Соловьевъ былъ сельскій учитель въ школѣ имѣнія Ивана Федоровича, человѣкъ очень образованный, бывшій семинаристъ и потомъ студентъ.

— Соловьева, — улыбаясь сказалъ Иванъ Федоровичъ, — я бы взялъ, да Александра Николаевна (жена Порхунова) не допускаетъ и мысли взять его.

— Отчего? Что пьетъ? Вѣдь это только рѣдко съ нимъ бываетъ.

— Пьетъ—это бы еще ничего. А за нимъ болѣе важныя нарушенія высшихъ законовъ, — сказалъ Порхуновъ, дѣлая то спокойное и серьезное лицо, при которомъ онъ высказывалъ свои шутки. — Для Александры Николаевны онъ невозможенъ; онъ, страшно сказать, съ ножа ѣстъ.

Собесѣдники засмѣялись.

— Есть у меня семинаристъ, просящій мѣста, да онъ вамъ не понравится. Слишкомъ ужъ онъ консерваторъ.

— Вотъ то-то и бѣда: мой—слишкомъ либеральный, а Ивана Ивановича—слишкомъ отсталый. Впрочемъ, у меня есть одинъ юноша. Я напишу ему.

— Ну, вотъ, это дѣло если не кончено, то начато, пойдемте начинать другое. Степанъ Степановичъ, — обратился онъ къ секретарю,—собрались?

— Собрался, пожалуйте.

Началось съ воинскаго присутствія. Одинъ за другимъ входили молодые парни; были холостые, но большинство были женатые. Задавались обычные вопросы, записывали и, не теряя времени, такъ какъ много было работы впереди, выпроваживали однихъ и призывали другихъ. Были такіе, которые не скрывали своего огорченія и насилу отвѣчали на вопросы, какъ бы не понимая ихъ,— такъ они были подавлены. Были и такіе, которые притворялись довольными и веселыми. Были и такіе, которые притворялись больными, и были и такіе, которые были точно больны. Былъ и одинъ такой, который, къ удивленію присутствующихъ, попросилъ позволенія сдѣлать, какъ онъ сказалъ, заявленіе.

— Какое заявленіе? Что тебѣ нужно?

Просившій сдѣлать заявленіе былъ бѣлокурый, курчавый человѣкъ съ маленькой бородкой, длиннымъ носомъ и нахмуреннымъ лбомъ, на которомъ во время рѣчи постоянно содрогались мускулы надъ бровями.

— Заявленіе о томъ, что я въ солдатахъ,—онъ поправился,—въ войскѣ служить не могу.—И сказавъ это, у него задрожали не только мускулы лба и лѣвая бровь, но и щеки, и онъ поблѣднѣлъ.

— Что же, ты нездоровъ чѣмъ? — сказалъ Порхуновъ.—Докторъ, пожалуйста...

— Я здоровъ, а не могу присягать, оружія брать не могу по своей убѣжденіи.

— Какое убѣжденіе?

. . . . . .

Иванъ Федоровичъ оглянулся на сотоварищей, помолчалъ, лицо его сдѣлалось серьезно.

— Такъ, — сказалъ онъ. — Я вамъ (онъ сказалъ уже вамъ, а не тебѣ) доказывать не могу и не считаю себя къ этому обязаннымъ, можете или не можете вы служить. Мое дѣло зачислить васъ какъ принятаго. А свое убѣжденіе вы выразите ужъ своему начальству. Слѣдующій!

Воинское присутствіе протянулось до двухъ часовъ. Позавтракавъ, опять взялись за дѣла: съѣздъ земскихъ начальниковъ, потомъ тюремное, и такъ дальше до пяти часовъ.

Вечеръ Иванъ Федоровичъ провелъ на своей квартирѣ, сначала подписывая бумаги, а потомъ за винтомъ съ предсѣдателемъ, докторомъ и воинскимъ начальникомъ. Поѣздъ шелъ рано утромъ. Не выспавшись, онъ всталъ рано утромъ, сѣлъ въ поѣздъ, вышелъ на своей станціи, гдѣ ждала его прекрасная, съ бубенчиками тройка караковыхъ своего полурысистаго завода и старый кучеръ Федотъ, другъ дома, и къ девяти часамъ утра подъѣзжалъ мимо парка къ большому двухъэтажному дому въ Порхуновѣ-Никольскомъ.

III.

Семья Егора Кузьмина состояла изъ отца, уже старѣющаго и пьющаго человѣка, и меньшого брата, и старухи-матери, и своей молодой жены, на которой его женили, когда ему было только восемнадцать лѣтъ. Работать ему приходилось много. Но работа не тяготила его, и онъ, какъ и всѣ люди, хотя и безсознательно, но любилъ земледѣльческій трудъ. Онъ былъ способный къ умственной дѣятельности человѣкъ и въ школѣ былъ хорошимъ ученикомъ и пользовался всякимъ часомъ досуга, особенно зимой, чтобы читать. Учитель любилъ его и давалъ ему книги—образовательныя, научныя—и по естественнымъ наукамъ, и по астрономіи. И когда ему еще было только семнадцать лѣтъ, въ душѣ его совершился измѣнившій все его отношеніе къ окружающему переворотъ. Ему вдругъ открылась совершенно новая для него вѣра, разрушившая все то, во что онъ прежде вѣрилъ,—открылся міръ здраваго смысла. Поражало его не то, что поражаетъ многихъ людей изъ народа, когда для нихъ открывается область науки, — величіе міра, разстояній, массы звѣздъ, не глубина изслѣдованій, остроумныхъ догадокъ,—но поразило, главное, больше всего здравый смыслъ, признаваемый обязательнымъ для всякаго познанія. Поразило то, что надо вѣрить не тому, что старики сказываютъ, ... , ни даже тому, что написано въ какихъ бы то ни было книгахъ, а тому, что говоритъ разумъ. Это было открытіе, измѣнившее все его міровоззрѣніе, а потому и всю его жизнь.

Скоро послѣ этого къ нимъ пріѣхавшіе на праздникъ изъ Москвы жившіе тамъ на заводѣ молодые люди ихъ деревни при-

везли революціонныя книги и свободныя рѣчи. . . . . .
. . . . . .
. . . . . И книги эти подѣйствовали на него теперь особенно сильно. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

IV.

На зиму Егоръ поѣхалъ въ Москву, товарищи обѣщали ему мѣсто на фабрикѣ. Онъ поѣхалъ, и мѣсто вышло, двадцать рублей въ мѣсяцъ, и обѣщали прибавку. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Но онъ не дожилъ въ Москвѣ и мѣсяца. Его арестовали въ собраніи рабочихъ, судили и присудили на три мѣсяца тюрьмы.

Въ тюрьмѣ, въ общей камерѣ, онъ сначала сошелся съ такими же соціалъ-революціонерами, какъ и онъ, но потомъ, чѣмъ ближе онъ узналъ ихъ, тѣмъ больше его отталкивало отъ нихъ ихъ самолюбіе, честолюбіе, тщеславіе, задоръ. Онъ еще серьезнѣе, строже къ себѣ сталъ думать. И тутъ случилось то, что въ ихъ камеру былъ посаженъ крестьянинъ за поруганіе святыни, т.-е. иконъ, и общеніе съ этимъ кроткимъ, всегда спокойнымъ и ко всѣмъ любовнымъ человѣкомъ открыло и еще болѣе простое и разумное пониманіе жизни. Человѣкъ этотъ, Митечка, какъ его прозвали всѣ уважавшіе его сожители, объяснилъ ему то, что все зло, всѣ грѣхи міра не оттого, что злые люди людей обижаютъ, отняли землю, труды отбираютъ, а оттого, что сами люди не по-божьи живутъ. Живи только по-божьи, и «никто табѣ ничего не сдѣлаетъ», что вѣра вся въ Евангеліи. . . . . .
. . . . . Надо жить по Евангелію, ...
. . . . . .

И Егоръ сталъ понимать все больше и больше и, когда вышелъ изъ тюрьмы, разошелся съ прежними товарищами и сталъ совсѣмъ по-иному жить. На мѣсто прежнее его не взяли, и Егоръ поѣхалъ къ отцу и женѣ и сталъ, какъ прежде, работать. И все бы было хорошо . . . . . .
. . . . . И, когда отецъ и мать укоряли

его, старался толковать имъ, но они не понимали. Отецъ даже разъ пьяный побилъ его. Егоръ сдержался, но отпросился опять въ Москву и уѣхалъ. Въ Москвѣ долго не было мѣста, и потому не могъ посылать денегъ, а отецъ сердился и писалъ ему такъ[1]):

«вопервихъ строкахъ моего писма дорогому моему сыну Егору Иванову отъ матушки вашей Авдотьи Ивановни посылаю я тибе свое родитилское благословения которое можеть служить погробъ вашей жизни навеки нирушимай и посылаю я тибе ниской поклонъ и желаю быт здоровымъ навсегда благополучнимъ дорогому нашему братцу Егору Ивановичу отъ сестрицив вашех варвари и Анни и Александри Ивановыхъ посылаем мы тибе понискому поклону и желаемъ быть здоровымъ дорогому моему супругу Егору Иванову отъ супруги вашей варвари михаиловни и здочкою нашей катеринои егоровни посылаю я тибе свое супружское почтения ниской поклонъ и желаю я тибе быт здоровымъ и навьсегда благо получнимъ милой мой сынъ Егоръ Иванычъ пополученіѣ моего писма Абирай свою жену и Ачищай мою квартеру чтобы ей небыло А я сней жить нимогу и она нажаловалась своем родним бывто я не учаю что ты деникъ нишлеш и Атымаю весноряд которой мы купили и Астрамили мою сестру навсю диревню смеху наделали Ая и ничево и низнаю Я ей слова ниговорила ни проденьги ни пронорядъ А если ты ее ни возмеш тоя своемъ судомъ ее выгоню вонъ чтобы небыло ей унась вдому наетои нидели Ачистит квортеру А еще повистку принесъ урядникъ тибе на ставку иттить».

Получивъ это письмо, Егоръ пріѣхалъ домой и, молча выслушавъ ругательства отца и жалобы жены, пѣшій пошелъ въ городъ на ставку.

V.

Въ тотъ самый поздній вечеръ, во время котораго Иванъ Федоровичъ Порхуновъ не могъ удержаться отъ охватившей его радости о томъ, что онъ такъ искусно передалъ доктору, бывшему его партнеромъ, семерку бубенъ съ тѣмъ, чтобы онъ, отыгравъ свои, передалъ ему въ руку, и большой шлемъ безъ козырей былъ бы выигранъ, и что все совершилось такъ, какъ онъ предвидѣлъ,—

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

въ это самое время въ большой гостиной его стариннаго дома въ Порхуновѣ-Никольскомъ жена Ивана Федоровича, Александра Николаевна Порхунова, бесѣдовала съ уѣзжавшимъ отъ нихъ, прожившимъ у нихъ десять мѣсяцевъ учителемъ, тѣмъ самымъ Неустроевымъ, о которомъ Иванъ Федоровичъ говорилъ въ городѣ съ своими сослуживцами.

Александра Николаевна, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ и шестерыхъ дѣтей, была еще красива той вечерней или осенней красотою сильной женщины передъ закатомъ женской жизни. Большіе сѣрые глаза, прямой носъ, густые, вьющіеся волосы, чувственный ротъ еще со всѣми, чужими или своими, но бѣлыми зубами, бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица и такія же прекрасныя, выхоленныя руки съ двумя перстнями. Нехорошо было въ ней только—излишняя полнота и чрезмѣрно развитая грудь. Одѣта она была въ простое, но модное шелковое платье съ бѣлымъ воротничкомъ. Она сидѣла на диванѣ и горячо, взволнованно говорила, внимательно и напряженно вглядываясь въ глаза молодому человѣку, сидѣвшему противъ нея.

Онъ былъ невысокій, худощавый, правильно сложенный человѣкъ, съ неразвитыми мускулами и добрымъ, умнымъ лицомъ, съ узко прорѣзанными глазами, густыми, коротко обстриженными волосами, рѣзкими черными бровями и такими же усами и бородкой. Невольно бросающейся въ глаза чертой его лица былъ его выдающійся подбородокъ съ ямочкой посерединѣ.

— То, что я говорю, я говорю вамъ не для себя, какъ мнѣ ни жалко лишиться васъ... для дѣтей,—сказала она и покраснѣла.— Но я для васъ, любя, принимая участіе въ васъ, совѣтую, очень совѣтую не уѣзжать... Ну, сдѣлайте это... для меня, — сказала она съ тѣмъ выраженіемъ женщины, вѣрящей въ свою силу.

Лицо его всегда было серьезно и строго, и потому улыбка на этомъ строгомъ лицѣ, особенно среди черноты волосъ и загорѣлаго лица выставлявшая яркіе бѣлые зубы, была прекрасная, притягивающая и заражающая. Онъ и сейчасъ улыбнулся этой улыбкой, не могъ удержаться не улыбнуться отъ удовольствія, которое доставили ему ея слова, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть того, что въ нихъ было нѣчто большее, чѣмъ простое участіе,—не могъ не видѣть того, чего онъ всегда боялся: вызова чувственности, противъ которой онъ зналъ, что не въ силахъ устоять. Но это

было совершенно безсознательное чувство. Онъ не только самъ себѣ, но никому бы не повѣрилъ въ то[мъ], что эта гордая женщина, аристократка, эта хозяйка большого дома, мать дѣтей, можетъ имѣть къ нему, къ врагу аристократовъ, буржуа,—она знаетъ это,—такое чувство. Онъ не вѣрилъ этому, но чувствовалъ то, во что не вѣрилъ.

— Не могу, Александра Николаевна. Не могу и не могу, какъ мнѣ ни дорого ваше доброе чувство ко мнѣ.

— Доброе... Не доброе, а гораздо больше и совсѣмъ дру... Ну, да все равно. Только не ѣздите.

Онъ опять улыбнулся.

— Хотите, я скажу правду, всю правду, игнорируя всю относительную разницу нашихъ положеній. Если бы я любилъ васъ, какъ любитъ мужчина женщину, я бы не отдался этой любви въ виду различія нашихъ міровоззрѣній.

— Да почему вы думаете, что я не всей душой съ вами? Я не могу не быть съ вами.—Она помолчала.—Прошедшаго не воротишь, но и чувство не удержишь. Послушайте, еще разъ прошу васъ: не уѣзжайте. Не уѣдете? Да?

И она протянула ему руку. Онъ взялъ [ее] за руку.

— Александра Николаевна, вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ узналъ васъ, понималъ васъ, любилъ (онъ съ трудомъ выговорилъ это слово), любилъ васъ.

Онъ самъ не зналъ, что онъ говорилъ. Онъ лгалъ, но все теперь казалось ему позволено для достиженія вдругъ представившейся и неудержимо манившей цѣли.

— Да?

— Да и да, всѣми силами души, какъ можетъ любить пролетарій, какъ я, снизу вверхъ.

— Не говорите, не говорите...

Они были одни, и случилось то, чего не ожидалъ ни онъ ни она, и что въ одинъ часъ погубило всю ея восемнадцатилѣтнюю замужнюю счастливую и чистую жизнь, и что для него осталось навсегда мучительнымъ воспоминаніемъ.

Было два часа ночи. Она все еще не спала и вспоминала то, что̀ было, съ ужасомъ и наслажденіемъ, и сознаніе ужаса своего положенія увеличивало наслажденіе воспоминанія объ его любви.

VI.

Михаилъ Неустроевъ былъ сынъ умершаго отъ пьянства ветеринарнаго фельдшера. Мать его, необразованная женщина, была жива и жила у его брата Степана, магистра государственнаго права, оставленнаго при университетѣ.

Самъ онъ былъ студентомъ университета уволенъ вмѣстѣ съ другими товарищами за революціонную дѣятельность.

Какъ и не могло быть [иначе] въ то время, въ которое онъ жилъ, Неустроевъ, особенно послѣ изгнанія изъ университета, какъ даровитый, нравственный и рѣшительный человѣкъ, попалъ въ кружокъ революціонеровъ. Кружокъ этотъ ставилъ своей задачей измѣненіе существующаго правительства . . . . . .

. . . . . .

. . . . . Въ самомъ началѣ участія Неустроева провокаторъ, шпіонъ, выдалъ членовъ кружка. Захватили нѣкоторыхъ, но самые важные скрылись. Неустроевъ же и вовсе не былъ привлеченъ къ суду. Оставшись на свободѣ, Неустроевъ рѣшилъ пожить въ деревнѣ среди народа и для этого согласился, по совѣту Соловьева, принять на время мѣсто учителя у Порхуновыхъ. Такъ онъ и прожилъ у нихъ десять мѣсяцевъ, но три дня тому назадъ пріѣзжалъ къ Соловьеву, гдѣ Неустроевъ видѣлся съ нимъ, его товарищъ по партіи и привезъ ему отъ исполнительнаго комитета требованіе пріѣхать въ Москву для важнаго дѣла, въ которомъ онъ былъ нуженъ. Дѣло это было завладѣніе деньгами казначейства для расходовъ партіи. Нужны были энергическіе люди, и приглашали Неустроева. Это-то и вызвало его отказъ отъ мѣста и то странное, случившееся съ нимъ въ этотъ вечеръ, неожиданное событіе, которое еще больше, чѣмъ все другое, поощряло его къ немедленному отъѣзду. Поѣздъ шелъ только на другой день утромъ, и онъ рѣшилъ зайти къ другу своему, сельскому учителю Соловьеву, переночевать у него, отъ него послать за своими вещами и, не возвращаясь въ домъ, уѣхать.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Соловьевъ жилъ въ самой школѣ, въ задней комнаткѣ съ однимъ окошкомъ. Неустроевъ никого, кромѣ сторожа, не встрѣтилъ на деревнѣ. Ночь была темная, и сторожъ строго окликнулъ его.

— Я, Неустроевъ.

— Кто я?

— Да съ барскаго двора.

— А! Куда же Богъ несетъ?

— Да къ Петру Федоровичу. Что онъ дома?

— А гдѣ же ему быть. Спитъ, я чай.

Неустроевъ подошелъ къ окнышку и началъ стучать. Долго никто не отзывался. Потомъ вдругъ совсѣмъ бодрый, энергичный, веселый голосъ прокричалъ:

— Кого Богъ даетъ? Говори, не то оболью.

И слышно было, какъ босыя ноги подошли по скрипучимъ доскамъ къ окну.

— А, Миша! Ты чего же по ночамъ бродишь? Иди, иди въ дверь, я отопру.

Соловьевъ впустилъ Неустроева, засвѣтилъ лампочку и, усѣвшись на примятую—лодкой—кровать, потирая одну босую ногу о другую, сталъ разспрашивать Неустроева о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ и что ему нужно. Въ комнатѣ, кромѣ кровати, былъ столъ въ красномъ углу, и въ углу иконы,—много иконъ,—лампадка, и у стола два стула; одинъ уголъ былъ занятъ книгами, другой—чемоданомъ съ бѣльемъ. Неустроевъ сѣлъ у стола и разсказалъ Соловьеву, что онъ простился со всѣми и уѣзжаетъ по тому дѣлу, о которомъ Соловьевъ знаетъ. Соловьевъ слушалъ, сгибая голову на сторону и кося глазами.

Соловьевъ былъ немного постарше Неустроева и совсѣмъ другого склада. Онъ былъ повыше ростомъ, немного сутуловатъ, съ длинными руками, которыми онъ, разговаривая, особенно часто и широко размахивалъ. Лицо же Соловьева было уже совсѣмъ другое, чѣмъ лицо Неустроева. Прежде всего останавливали на себѣ въ лицѣ Соловьева большіе, почти круглые, лазурно-голубые, добрые глаза подъ нависшимъ, широкимъ лбомъ. Волосъ у него было много, и всѣ они курчавились и на головѣ и на бородѣ; носъ скорѣе широкій, и ротъ большой. Улыбка очень частая открывала гнилые зубы.

— Ну, что жъ, — сказалъ Соловьевъ, когда Неустроевъ разсказалъ все, что хотѣлъ.—Ну, что жъ, пошлемъ. Только знаешь что...—началъ Соловьевъ, махая правой рукой, а лѣвой поддерживая сползающее одѣяло.

— Знаю, знаю, знаемъ твои теоріи, да только очень ужъ онѣ медлительны.

— Тише ѣдешь...

— И безъ Бога ни до порога? Такъ вѣдь это все мы знаемъ.

— Вотъ и не знаешь. Не знаешь, потому что Бога не знаешь. Не знаешь, что такое Богъ.

И Соловьевъ началъ излагать свое пониманіе Бога, точно какъ будто это было не въ два часа ночи, когда его разбудили среди перваго сна, и не одинъ на одинъ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ уже говорилъ объ этомъ же десятки разъ и про котораго зналъ, что онъ, какъ онъ самъ выражался, непромокаемъ для религіозной жидкости. Неустроевъ слушалъ и улыбался, а Соловьевъ говорилъ и говорилъ. Онъ зналъ, что вызываютъ Неустроева на какое-нибудь террористическое дѣло, и, хотя не отказывался быть посредникомъ между нимъ и его товарищами, считалъ своимъ долгомъ сдѣлать все, что можетъ, для того, чтобы отговорить его.

Неустроевъ слушалъ его, иногда улыбался и, когда Соловьевъ на минуту остановился, сказалъ:

— Все это хорошо тебѣ говорить, когда у тебя есть ожидаемая награда вотъ отъ нихъ (онъ указалъ на иконы), а нашему брату надо только дѣлать, что можешь, пока живешь, и дѣлать не для себя.

Соловьевъ въ это время вертѣлъ папиросу.

— Ты говоришь, — горячо заговорилъ Соловьевъ, — награда моя тамъ,—онъ указалъ на потолокъ.—Нѣтъ, братъ, награда моя вотъ гдѣ!—Онъ кулакомъ ударилъ себя въ грудь.—Тутъ она, и дѣлать, что я дѣлаю, я дѣлаю не для другихъ,—чортъ съ ними, съ другими,—а для Бога и для себя, для того себя, который заодно съ Богомъ.

И онъ закурилъ папиросу и жадно сталъ затягиваться.

— Ну, эта метафизика мнѣ не по силамъ. Такъ я засну.

— Ложись, ложись.

VII.

Неустроевъ, какъ рѣшилъ, рано утромъ послалъ сторожа за своими вещами и, получивъ ихъ, нанялъ телѣгу и уѣхалъ на станцію. Соловьевъ же спалъ и не слыхалъ, какъ онъ ушелъ.

Проснувшись же, онъ, какъ и всегда, всталъ передъ иконами и прочелъ всѣ съ дѣтства произносимыя молитвы: «Отче нашъ», «Вѣрую», помянулъ родителей (они уже умерли), «Богородицу» и послѣднюю «Царю Небесный», которую онъ особенно любилъ. «Пріиди, и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наши» онъ произнесъ нынче съ особеннымъ чувствомъ, вспоминая свой разговоръ съ Неустроевымъ.

На душѣ ему было очень хорошо. Спать уже не хотѣлось. Было воскресенье, школы не было, и онъ рѣшилъ самъ снести письма на почту. Почтовая контора была за двѣ версты. Онъ умылся, посображалъ, на сколько времени еще станетъ ему обмылокъ, начатый на праздникахъ. «Если дотянетъ до Пасхи, то все хорошо будетъ», думалъ онъ, не опредѣляя того, что будетъ хорошо. Потомъ надѣлъ сапоги большіе, потомъ пиджачокъ, очень требующій починки, такъ какъ правая рука попадала всегда въ дыру вмѣсто рукава. «Надо будетъ вдову Афанасьевну попросить», подумалъ онъ и тотчасъ же вспомнилъ о Натальѣ, дочери Афанасьевны, и за тѣ мысли, которыя пришли ему о Натальѣ, самъ на себя укоризненно помоталъ головой. Чудесный бѣлый снѣгъ, прикрывшій все, и свѣжій, холодный воздухъ еще болѣе радостно возбудили его. На станціи онъ отдалъ свое одно письмо и получилъ письмо очень нерадостное для него. Письмо было отъ его брата меньшого, несчастнаго 26-лѣтняго малаго, не кончившаго семинаріи (Соловьевъ былъ сынъ дьякона), поступившаго въ лавку къ купцу, уличеннаго тамъ въ кражѣ, поступившаго потомъ въ писцы къ становому и тамъ сдѣлавшаго что-то нечестное. Братъ описывалъ свое бѣдственное положеніе, что онъ по два дня не ѣстъ, и просилъ денегъ.

У Петра Федоровича денегъ было мало; онъ получалъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ и много раздавалъ и тратилъ на книги, такъ что теперь у него было всего семь рублей шестьдесятъ копеекъ,—онъ пересчиталъ ихъ тутъ же,—а надо было Афанасьевнѣ за харчи отдать. Нечего дѣлать, рѣшилъ трешницу послать, а съ Афанасьевной какъ-нибудь справлюсь. Но грустно было то, что Вася (такъ звали брата) пропадаетъ, и помочь нельзя. Не послать деньжонокъ нельзя, а послать—онъ повадится. Надо отказать не столько для себя, сколько для него; и отказать нельзя.

Такъ съ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ онъ пошелъ домой, разсуждая иногда вслухъ самъ съ собою. Ужъ и бѣлый снѣгъ не такъ радовалъ его. По пути нагналъ его мужичокъ изъ Никольскаго,—той деревни, въ которой училъ Соловьевъ, на санкахъ и, поздоровавшись, предложилъ подвезти. Петръ Федоровичъ сѣлъ, и они разговорились. Мужичокъ не безъ умысла предложилъ подвезти учителя. Мужикъ ѣздилъ къ земскому по судебному дѣлу. Его сестру, вдову, старую женщину, въ сосѣднемъ селѣ, земскій приговорилъ на три мѣсяца въ тюрьму за то, что она просила господъ отсрочить оброкъ, а они не отсрочили, и старшина пріѣхалъ къ вдовѣ, потребовалъ оброкъ. Сестра сказала:

— И рада бы отдать, да нечѣмъ, повремените, молъ, справлюсь, отдамъ.

Старшина слушать не сталъ.

— Давай сейчасъ!

— Да говорю, что нѣту.

— Нѣту, корову веди.

— Корову не поведу, у меня ребята, намъ безъ коровы нельзя.

— А я приказываю—веди.

— Не поведу, — говоритъ, — сама. Если, — говоритъ, — ваша власть, ведите, а я не поведу.

— Такъ вотъ [за] эти самыя слова земскій призвалъ, приговорилъ на высидку. А ей какъ дѣтей оставить? Такъ вотъ ѣздилъ просить за сестру.—Нельзя, говоритъ. Состоялся, значитъ, и крышка...—Нельзя ли, Петръ Федоровичъ, батюшка, похлопочите какъ...

Соловьевъ выслушалъ, еще ему грустнѣй стало.

— Надо, — говоритъ, — попытаться на съѣздъ подать. Я напишу.

— Батюшка, отецъ родной.

Слѣзъ въ деревнѣ Соловьевъ съ саней, пошелъ домой къ себѣ. Сторожъ ему самоваръ поставилъ. Только сѣлъ чай пить съ Федотомъ и закурилъ, какъ пришла баба отъ сосѣдей, вся въ крови. Избилъ ее мужъ за то, что холстовъ ему пропить не дала.

— Усовѣсти ты его, ради Христа, онъ, можетъ, тебя послушаетъ. Мнѣ и домой не велѣлъ приходить.

Пошелъ Петръ Федоровичъ, баба за нимъ, а мужикъ въ дверяхъ стоитъ. Началъ Петръ Федоровичъ говорить:

— Нехорошо ты, Парменъ, дѣлаешь, развѣ это можно?

Не далъ Парменъ ему и слова договорить.

— Ты свое дѣло помни, ребятъ учи, а [я] какъ знаю, такъ и учу, кого мнѣ надо.

— Побойся ты Бога!

— Бога-то я боюсь, тебя не боюсь. Ступай себѣ своей дорогой, а то поди, какъ намесь, набузуйся пьянъ, тогда и учи самого себя, а не людей. Такъ-то. Буде толковать. Иди домой, что ль!—крикнулъ мужикъ на жену, и оба вошли въ избу и захлопнули дверь.

Петръ Федоровичъ постоялъ, покачалъ головой и пошелъ не домой, а къ Аринѣ, торговавшей виномъ, взялъ полбутылки и началъ пить и курить, и когда напился и накурился, уже совсѣмъ пьяный пошелъ къ Афанасьевнѣ.

Афанасьевна покачала головой, увидавъ его.

— Что же ты сомнѣваешься, что я пьянъ? Не сомнѣвайся,— пьянъ, а пьянъ потому, что слабъ, а слабъ потому, что нѣтъ во мнѣ Бога. Нѣту. А Наталья гдѣ?

— Наташа на улицу пошла.

— Ахъ, Афанасьевна, хороша твоя дѣвушка, я люблю ее. Только бы поняла она жизнь настоящую, я бы посватался. Отдашь?

— Ну, будетъ болтать пустое. Ложись лучше, поспишь до обѣда.

— Можно.

И Петръ Федоровичъ залѣзъ на полати и довольно долго что-то внушалъ Афанасьевнѣ о праведной жизни, но, когда Афанасьевна вышла изъ избы, онъ заснулъ и проспалъ до обѣда.

VIII.

Петръ Федоровичъ Соловьевъ былъ сынъ дьякона Костромской губерніи, большого села Ильинскаго. Отецъ отдалъ его въ духовное училище. Изъ училища онъ первымъ ученикомъ поступилъ въ семинарію. И въ семинаріи все время шелъ и кон-

чилъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Какъ всѣмъ кончающимъ курсъ въ семинаріи, предстоитъ выборъ: монашество, съ возможностью высшихъ церковныхъ должностей, или священство, связанное съ обязательной женитьбой,—Соловьевъ, выйдя изъ семинаріи, выбралъ первое. Въ выборѣ этомъ руководило имъ никакъ не честолюбіе, а, напротивъ, желаніе жить для души, для Бога. Но еще до постриженія мысли его вдругъ измѣнились,—измѣнились преимущественно потому, что не только товарищи его, но и начальство прямо высказывали ему увѣренность въ томъ, что онъ достигнетъ высшихъ іерархическихъ степеней. Болѣе всего въ этомъ отношеніи подѣйствовало на него увѣщаніе архіерея, узнавшаго о томъ богословскомъ спорѣ, который велъ Соловьевъ съ преподавателемъ о значеніи вселенской Церкви,—спорѣ, въ которомъ владыка признавалъ правымъ Соловьева. Архіерей, призвавъ къ себѣ Соловьева, сказалъ ему слѣдующее:

— Знаю и слышалъ про тебя все похвальное, и, хотя въ преніи твоемъ съ отцомъ Макаріемъ истина на твоей сторонѣ, ты не долженъ былъ предаваться своей горячности и долженъ былъ сдерживать себя, дабы не оскорбить старшаго. Помни всегда, что въ томъ положеніи церковнаго первенства, къ которому ты стремишься и котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, достигнешь, нужна осторожность и мудрая сдержанность. Иди теперь.

И, выслушавъ эти слова, Соловьевъ вдругъ понялъ, что въ душѣ его рядомъ съ желаніемъ служить Богу и жить для души жило другое, гнусное чувство: желаніе чести и славы людской. И, понявъ это, онъ вдругъ сталъ самъ себѣ такъ противенъ, что рѣшилъ оставить путь монашескій. Но, оставляя путь монашескій, неизбѣжное условіе вступленія на путь священства было—женитьба. Отецъ, еще жившій тогда, приготовилъ ему уже невѣсту и приходъ. Но мысль женитьбы только для того, чтобы стать священникомъ, была такъ непріятна Петру Федоровичу, такъ казалась ему противна нравственности, что онъ не могъ рѣшиться на этотъ шагъ и отказался, къ великому огорченію родителей, и отъ священническаго мѣста.

Оставалось одно—народное учительство. И Соловьевъ поступилъ на мѣсто народнаго учителя въ село Никольское-Порхуново. Мѣсто, доставленное ему полюбившимъ его учителемъ—Со-

ловьевъ имѣлъ всегда счастье быть любимымъ очень многими— было очень выгодно, такъ какъ, кромѣ жалованья по школѣ, онъ получалъ хорошо оплачиваемые уроки дѣтямъ въ домѣ уѣзднаго предводителя Порхунова. Соловьевъ и поступилъ въ домъ Порхуновыхъ и жилъ тамъ, уча дѣтей, но очень скоро онъ не понравился Александрѣ Николаевнѣ и за то, что онъ былъ грязенъ, ѣлъ съ ножа и, главное, раза два напивался пьянъ съ крестьянами. Александра Николаевна какъ-то сказала ему, что, живя въ порядочномъ домѣ, нельзя позволять себѣ... Она не успѣла докончить, какъ онъ перебилъ ее.

— Очень благодарю васъ, Александра Николаевна, за вашу ко мнѣ снисходительность, что вы такъ долго терпѣли меня. Простите, я не буду больше срамить... нѣтъ, нѣтъ, просто утруждать васъ.

И, проживъ еще нѣсколько недѣль до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ новый учитель, Неустроевъ, онъ переѣхалъ въ школу, къ великому сожалѣнію дѣтей, особенно двухъ маленькихъ: восьмилѣтней Тани и десятилѣтняго тезки Пети.

Съ тѣхъ поръ уже болѣе года онъ жилъ въ деревнѣ и не заходилъ къ Порхуновымъ, а отвѣчалъ дружбой на выказываемую ему дружбу Неустроевымъ.

Неустроевъ никакъ не могъ понять и куда-нибудь причислить Соловьева. Онъ былъ ужъ никакъ не консерваторъ, не монархистъ, напротивъ, но не былъ и революціонеромъ, а между тѣмъ по убѣжденіямъ былъ народникъ и ни въ чемъ не расходился съ соціалистами. И вмѣстѣ съ тѣмъ былъ какъ-то странно православный, соблюдалъ посты, праздники, ходилъ въ церковь, причащался и любилъ Евангеліе и часто поминалъ его и зналъ наизусть. Въ деревнѣ тоже мало уважали его за его чудачество, а главное, за то, что онъ зашибалъ. Харчился онъ у Афанасьевны, и между нимъ и здоровой, круглолицей, веселой Наташкой установились какія-то странныя отношенія: онъ любилъ быть съ нею, говорить не столько съ ней,—потому что она мало говорила, больше смѣялась,—любилъ говорить ей о доброй жизни, разсказывать ей о святыхъ и, главное, о Христѣ, училъ ее грамотѣ. Грамота плохо давалась ей, но [она] старалась, желая угодить ему, старалась также и слушать то, что онъ разсказывалъ ей, дѣлая видъ, что это занимаетъ ее, и что она понимаетъ то, что онъ разсказываетъ.

То, что онъ сказалъ въ это воскресенье о томъ, что онъ посватался [бы] за нее, онъ сказалъ спьяна то, что у него было на умѣ. «Здоровая, простая женщина, будетъ добрая хозяйка, мать. Можетъ, когда-нибудь заведусь землицей, домомъ. А главное дѣло, одинъ не проживешь безъ грѣха. А ужъ этого грѣха нѣтъ хуже», думалъ онъ.

Такъ онъ думалъ и въ это воскресенье, обѣдая у Афанасьевны вмѣстѣ съ Натальей и ласково разговаривая съ ней.

IX.

Иванъ Федоровичъ Порхуновъ вернулся на другой день поднимъ утромъ. Александра Николаевна заснула только передъ утромъ, и дочь Александра, которую звали Лина, и англичанка-гувернантка съ тремя малышами,—два у няни,—встрѣтили его въ передней.

Перецѣловавъ дѣтей и, кромѣ поцѣлуя, ласково коснувшись курчавившагося затылка Лины, очень хорошенькой, съ открытымъ, веселымъ, здоровымъ лицомъ 16-лѣтней дѣвочки, онъ улыбнулся ей.

— Ну, что мама? — сказалъ онъ.

— Она, кажется, очень поздно легла. А то была здорова.

— А что Неустроевъ? не остался?

— Нѣтъ, нынче Петръ Васильевичъ (это былъ старый слуга дома) сказалъ, что совсѣмъ уѣхалъ и вещи взялъ.

— Жалко, хорошій былъ и учитель и человѣкъ хорошій, даромъ что революціонеръ. Я все надѣялся. Ну, и ты молодецъ, все такой же забіяка,—сказалъ онъ сынишкѣ Петѣ и прошелъ къ себѣ.

Возвращеніе домой, въ свою семью, къ привычной не только вещественной, но и духовной обстановкѣ, всегда было не то что радостно, а было что-то въ родѣ того, что снялъ узкій мундиръ, надѣлъ халатъ и туфли, пересталъ приглядываться, выбирать, а пустилъ поводья и спокойно, привычно подвигаешься, куда надо. Сильныя, какъ на подборъ, дѣти, хорошія, спокойныя отношенія съ крестьянами, прислугой, привычные часы принятія пищи, отдыхъ, диванъ, письменный столъ, всегда интересное чтеніе и, главное, та же добрая, съ своими недостатками, востор-

женностью, легкомысленностью, несмотря на годы, но хорошая, золотымъ сердцемъ, любимая и любящая жена, другъ, больше чѣмъ другъ, а именно alter ego [1]), которое разнообразило его одно-двое однообразное ego [2]).

Онъ самъ задремалъ у себя въ кабинетѣ. Разбудила его жена.

— Ахъ, прости, я не думала, что ты спишь.

— Что за бѣда; спасибо, что пришла. Дѣтей я видѣл. Ты какъ?

— Да я... я хорошо.

Они поцѣловались. Онъ замѣтилъ, что она была как бы взволнована чѣмъ-то, но это часто съ ней бывало, и потом онъ, какъ и всегда дѣлалъ, когда замѣчалъ, что она взволнована, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, и разсказалъ ей про свою поѣздку.

— Ну, а что нашъ Неустроевъ, уѣхалъ?

— Думаю, что уѣхалъ. Онъ...

— Такъ ты не удержала его?

— Что же я могла, — сказала она.

«Боже мой, какъ я отвратительна!» думала она про себя.

«И какъ я гадокъ,—думалъ про себя Иванъ Федоровичъ,— что позволялъ себѣ думать про нее, что она могла увлечься имъ. Да, очень мы гадкіе люди, не жившіе чисто въ своей молодости».

— Ну, что же дѣлать. Я напишу Мишѣ, онъ найдетъ намъ студента.

— Да, надо будетъ. Звонокъ къ завтраку, я пойду. Ты придешь?

— Только просмотрю письма и приду. Ты не можешь себѣ представить, какъ хорошо вернуться домой, къ тебѣ, къ дѣтямъ, къ дивану своему.

«Неужели я буду имѣть силу продолжать жить въ этой лжи, въ этой... гадости. Сказать нельзя. За что погубить его спокойствіе? А молчать тоже нельзя», думала она, выходя. Но тутъ же вспомнила «его», его восторженно-влюбленное лицо и почувствовала, что счастье «его» любви такъ велико, что можно страдать для него. «Только бы онъ не погубилъ себя, остался бы живъ. Это навѣрное

---

[1]) Второе «я».
[2]) Я.

како-нибудь отчаянное дѣло, и онъ возьмется за него. И тюрьма, смерть. Охъ, не могу думать!»

Стыдъ, раскаяніе ея были такъ велики, что она не могла бы перевести ихъ, если бы не вѣрила въ непреодолимость своей любви, и она невольно преувеличивала свою любовь. Это одно избавляло ее отъ муки стыда и раскаянія.

Она не то что воображала его человѣкомъ такимъ, подобныхъ которому она никогда не встрѣчала въ своей жизни, даже такимъ, лучше котораго не могло быть человѣка, но она дѣйствительно видѣла въ немъ всѣ высшія совершенства. А видѣла она ихъ оттого, что она любила его. Все не только нехорошее, что было въ немъ, исчезало для нея, а весь онъ былъ для нея составленъ изъ тѣхъ добрыхъ чертъ, которыя были въ немъ: и умъ, тонкость пониманія, художественное чутье, и доброта, и правдивость, и, главное, самоотверженіе,—то самое самоотверженіе, которое и погубитъ его.

Она вышла къ завтраку, и обычныя заботы поглотили ее и отвлекли на время — только отвлекли — и отъ ужаса раскаянія, и отъ любви къ нему, и страха за него.

Въ тѣмъ-то и страшна жизнь, что тѣлесныя пораненія, всякія ссадины не забываются и заставляютъ страдать и бороться; пораненія же нравственныя, духовныя сглаживаются для людей, не живущихъ духовной жизнью, сглаживаются просто обычнымъ теченіемъ жизни, мелкими интересами обихода, засыпаются мелкимъ соромъ обыденной жизни. Такъ это было для Александры Николаевны.

Прошло три мѣсяца. Жизнь шла обычнымъ обиходомъ, одно время усложнилась коклюшемъ дѣтей. Съ мужемъ были прежнія, обычныя, добрыя отношенія, съ дѣтьми — тоже; учитель новый, рекомендованный предсѣдателемъ управы, былъ смирный человѣкъ. Пріѣзжала семья брата мужа. Приходилось ѣздить въ городъ нѣсколько разъ и въ столицу, гдѣ видѣлась съ старыми друзьми. Про «него» ничего не было извѣстно. Она слѣдила внимательно за тѣмъ, что дѣлалось въ революціонномъ мірѣ. Шли экспропріаціи, террористическія дѣла, но про него не было слышно. Главное же, невидное, но самое ужасное для нея событіе было то, что она теперь безъ сомнѣнія узнала то, что она готовится быть матерью его ребенка.

X.

Въ бѣдномъ кварталѣ большого университетскаго города, въ домѣ вдовы Перепелкиной, уже второй годъ жилъ Матвѣй Семеновичъ Николаевъ, по мірскому званію своему—земскій статистикъ, по революціонному же положенію своему членъ исполнительнаго комитета народовольцевъ и глава кружка распространенія соціалистическихъ идей между рабочими. Ему было тридцать два года, и онъ уже восемь лѣтъ, съ четвертаго курса университета, изъ котораго онъ вышелъ, не окончивъ, весь отдался дѣлу революціи и занималъ среди революціонеровъ видное положеніе.....

1909.

НѢТЪ ВЪ МІРѢ ВИНОВАТЫХЪ.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

I.

Какая странная, удивительная моя судьба. Едва ли есть какой бы то ни было забитый, страдающій . . . . . бѣднякъ, который бы въ сотой долѣ чувствовалъ, какъ я чувствую теперь, всю ту несправедливость, жестокость, весь ужасъ . . . . . подавленности, униженности, бѣдственности положенія большинства людей. . . . . Чувствовалъ я это давно, и чувство это съ годами росло и росло и дошло въ послѣднее время до высшей степени. Мучительно чувствую теперь все это и, несмотря на то, живу въ этой развращенной, преступной средѣ . . . . и не могу, не умѣю, не имѣю силъ уйти изъ нея, не могу, не умѣю измѣнить свою жизнь такъ, чтобы удовлетвореніе потребностей тѣла: ѣда, сонъ, одежда, передвиженіе, не сопровождалось сознаніемъ грѣха и стыда за свое положеніе.

Было время, когда я пытался измѣнить это мое, несогласное съ требованіями души положеніе, но сложныя условія прошедшаго, семья и ея требованія не выпускали меня изъ своихъ тисковъ, или, скорѣе, я не умѣлъ и не имѣлъ силъ отъ нихъ освободиться. Теперь же, на девятомъ десяткѣ, ослабѣвшій тѣлесными силами, я уже и не пытаюсь освободиться и, странное дѣло, по мѣрѣ ослабленія тѣлесныхъ силъ, все сильнѣе и сильнѣе сознавая всю преступность своего положенія, я все болѣе и болѣе страдаю отъ этого положенія.

И вотъ мнѣ приходитъ мысль, что положеніе это мое не даромъ, что положеніе это требуетъ отъ меня того, чтобы я высказалъ правдиво то, что я испытываю, и этимъ высказываніемъ противодѣйствовалъ бы, можетъ-быть, тому, что такъ сильно мучаетъ меня, открылъ бы, можетъ-быть, глаза тѣмъ или хотя бы нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые не видятъ еще того, что я такъ ясно вижу, и облегчилъ бы, можетъ-быть, хотя отчасти положеніе того огромнаго большинства,

. . . . . которое страдаетъ и тѣлесно и духовно . . . .
. . . . . .
. . . . . И въ самомъ дѣлѣ, то положеніе, въ которомъ я нахожусь, для того, чтобы обличить всю ложь и преступность установившихся между людьми отношеній едва ли не самое лучшее и выгодное,—для того, чтобы сказать объ этомъ положеніи всю настоящую правду, не затемненную ни желаніемъ оправдать себя, ни завистью бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ богатыхъ и угнетателей. Я нахожусь именно въ этомъ положеніи: я не только не желаю оправдываться, но мнѣ нужно усиліе, чтобы не преувеличить обличеніе преступности . . . . . среди которыхъ я живу, общенія съ которыми стыжусь, положеніе которыхъ ненавижу всѣми силами души и отъ участія въ жизни которыхъ не могу освободиться. Точно такъ же я не могу впасть въ обычную ошибку людей угнетеннаго и порабощеннаго народа и демократовъ, его защитниковъ, которые не видятъ недостатковъ и ошибокъ этого народа, а также не хотятъ видѣть тѣ смягчающія вину обстоятельства, сложныя условія прошедшаго, которыя дѣлаютъ почти невмѣняемымъ большинство людей властвующихъ классовъ. Безъ желанія оправданія себя и страха передъ освобожденнымъ народомъ, а также безъ зависти и озлобленія народа . .
. . . . . я нахожусь въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ для того, чтобы видѣть истину и умѣть сказать ее. Можетъ-быть, для этого самаго я и былъ поставленъ судьбой въ это странное положеніе. Постараюсь, какъ умѣю, использовать его. Хоть это хотя отчасти облегчитъ мое положеніе.

II.

Въ богатомъ деревенскомъ домѣ владѣльца болѣе тысячи десятинъ земли гостилъ двоюродный братъ его жены, Александръ Ивановичъ Волгинъ, уважаемый въ своемъ мірѣ холостякъ, служащій въ московскомъ банкѣ съ жалованьемъ въ восемь тысячъ.

Съ вечера, уставъ отъ игры съ домашними по тысячной въ винтъ, Александръ Ивановичъ, войдя въ спальню, выложилъ на покрытый салфеточкой столикъ золотые часы, серебряный портсигаръ, порт-

фель, большой замшевый кошелекъ, щеточку и гребенку, потомъ снялъ пиджакъ, жилетъ, крахмальную рубашку, двое панталонъ, шелковые носки, англійской работы ботинки и, надѣвъ ночную рубашку и халатъ, вынесъ все это за дверь, а самъ легъ на чистую, нынче перестеленную пружинную кровать, съ двумя матрацами, тремя подушками и подшитымъ простыней одѣяломъ. Часы показывали двѣнадцать. Александръ Ивановичъ закурилъ папиросу, полежалъ навзничь минутъ пять, перебирая впечатлѣнія дня, потомъ задулъ свѣчу и повернулся на бокъ и, хотя и долго ворочался, все-таки заснулъ около часа.

Проснувшись утромъ въ восемь, онъ надѣлъ туфли, халатъ, позвонилъ. Старый, уже тридцать лѣтъ служащій въ домѣ, отецъ семейства, дѣдъ шести внуковъ, лакей Степанъ поспѣшно, на согнутыхъ ногахъ, вошелъ къ нему съ вычищенными до блеска вчера снятыми ботинками, выбитой и вычищенной парой и сложенной крахмальной рубашкой. Гость поблагодарилъ, спросилъ, какова погода,—шторы были задернуты, чтобы солнце не мѣшало спать хотя бы до одиннадцати, какъ спали нѣкоторые изъ хозяевъ. Александръ Ивановичъ взглянулъ на часы: еще не поздно, и началъ чиститься, умываться и одѣваться. Вода была приготовлена, приготовлены, т.-е. вымыты и вычищены, вчера запачканныя умывальныя и чесальныя принадлежности: мыло, щеточки—для зубовъ, для ногтей, для волосъ, для бороды, ножички и пилки для ногтей. Не торопясь умывши лицо, руки, вычистивъ старательно ногти и оттянувъ полотенцемъ кожу на ногтяхъ, потомъ обмывши губкой бѣлое, жирное тѣло и вымывъ ноги, Александръ Ивановичъ сталъ чесаться. Сначала двойной англійской щеткой расчесалъ передъ зеркаломъ курчавую, сѣдѣющую по сторонамъ бороду на обѣ стороны, потомъ пробралъ рѣдкимъ черепаховымъ гребнемъ, потомъ уже рѣдѣющіе волосы на головѣ. Потомъ частымъ гребнемъ вычесалъ голову, выкинулъ нечистую вату и задѣлалъ свѣжей. Надѣлъ нижнее бѣлье, носки, ботинки, штаны, поддерживаемые блестящими помочами, жилетъ и, не надѣвая пиджака, чтобы отдохнуть послѣ одѣванья, присѣлъ на мягкое кресло и, закуривъ папиросу, задумался о томъ, куда онъ направитъ сегодняшнюю прогулку. «Можно въ паркъ, а можно и въ Порточки (такое смѣшное названіе лѣсу). Должно бы въ Порточки. Да еще Семенъ Н. письмо нужно отвѣтить. Ну да это послѣ».

Онъ рѣшительно всталъ, взялъ часы,—было уже безъ пяти девять,—положилъ въ карманъ жилета, въ карманъ штановъ—кошелекъ съ деньгами,—то, что оставалось отъ ста восьмидесяти рублей, которые онъ взялъ для дороги и мелкихъ расходовъ у пріятеля во время тѣхъ двухъ недѣль, которыя онъ намѣренъ былъ прожить у него. Серебряный портсигаръ и электрическую машинку для зажиганія папиросъ и два платка положилъ въ пиджакъ, вышелъ, оставивъ, какъ это само собою разумѣлось, убирать весь безпорядокъ и всю нечистоту, произведенные имъ, Степану, пятидесятилѣтнему лакею, ожидавшему, какъ это всегда бывало, хорошій «гонораръ», какъ онъ называлъ это, отъ Александра Ивановича и до такой степени привыкшему къ этому дѣлу, что при исполненіи его не чувствовалъ уже ни малѣйшаго отвращенія.

Посмотрѣвшись въ зеркало и одобривъ свою наружность, Александръ Ивановичъ пошелъ въ столовую. Тамъ заботами другого лакея, экономки и буфетнаго мужика, успѣвшаго до зари уже сбѣгать къ себѣ на деревню, чтобы наладить малому косу, въ столовой на чистой, камчатно-бѣлой скатерти уже блестѣлъ и кипѣлъ серебряный или серебрянаго вида самоваръ, стоялъ кофейникъ, горячее молоко, сливки, масло и всякаго рода бѣлый хлѣбъ и печенье. За столомъ былъ только студентъ, учитель второго сына, и этотъ мальчикъ, и переписчица статей земскаго дѣятеля—хозяина дома и большого сельскаго хозяина. Онъ уже съ восьми часовъ ушелъ по хозяйству.

За кофеемъ Александръ Ивановичъ поговорилъ съ учителемъ и переписчицей о погодѣ, о вчерашнемъ винтѣ и о Феодоритѣ, о вчерашней его выходкѣ, что онъ безъ всякаго повода нагрубилъ отцу. Феодоритъ былъ взрослый, неудавшійся сынъ хозяевъ. Звали его Федоромъ, но кто-то какъ-то шутя или нарочно назвалъ его Феодоритомъ, и это показалось смѣшно, и такъ продолжали называть его и тогда, когда то, что онъ дѣлалъ, было уже совсѣмъ не смѣшно. Такъ это было теперь. Былъ онъ въ университетѣ, со второго курса бросилъ, потомъ пошелъ въ кавалергарды и тоже бросилъ и теперь жилъ въ деревнѣ, ничего не дѣлая и все осуждая, и всѣмъ былъ недоволенъ. Феодоритъ этотъ еще спалъ, и спали всѣ домашніе, а именно: сама хозяйка, Анна Михайловна, сестра хозяйки, вдова бывшаго губернатора, и пишущій пейзажи живописецъ, жившій въ домѣ.

Александръ Ивановичъ взялъ въ передней шляпу панама (она стоила двадцать рублей), трость съ слоновой кости рѣзнымъ набалдашникомъ (пятьдесятъ рублей) и пошелъ изъ дома. Выйдя черезъ обставленную цвѣтами террасу, мимо партера, въ которомъ въ серединѣ была конусообразная клумба, убранная правильными полосами бѣлыхъ, красныхъ, синихъ цвѣтовъ, и по бокамъ которой изъ цвѣтовъ же были сдѣланы вензеля,—иниціалы имени, отчества и фамиліи хозяйки,—мимо этихъ цвѣтовъ Александръ Ивановичъ вошелъ въ вѣковыя аллеи липъ. Аллеи эти чистили крестьянскія дѣвушки съ лопатами и метлами; садовникъ же что-то вымѣрялъ, а молодой малый везъ что-то на телѣгѣ. Пройдя ихъ, Александръ Ивановичъ вошелъ въ паркъ старыхъ деревъ, на разстояніи не менѣе пятидесяти десятинъ изрѣзанный прочищенными дорожками. Покуривая папиросу, Александръ Ивановичъ прошелъ по своимъ любимымъ дорожкамъ мимо бесѣдки и вышелъ въ поле.

Въ паркѣ было хорошо, а въ полѣ еще лучше. Направо такъ красиво красно-бѣлыми пятнами виднѣлись собирающія картофель женщины, налѣво—лугъ и жнивье и пасущееся стадо, а впереди, немного вправо, темно-темно-зеленые дубы Порточекъ. Александръ Ивановичъ дышалъ полной грудью и радовался на свою жизнь вообще и особенно теперь, здѣсь, у сестры, гдѣ онъ такъ пріятно отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ банкѣ.

«Счастливые люди, живутъ въ деревнѣ», думалъ онъ. «Правда, Николай Петровичъ и здѣсь, въ деревнѣ, не можетъ быть покоенъ съ своими агрономическими затѣями и земствомъ, да вольно же ему». И Александръ Ивановичъ, покачивая головой, закуривая новую папироску и бодро шагая сильными ногами въ твердой, толстой, англійской работы обуви, думалъ о томъ, какъ онъ по зимамъ трудится въ своемъ банкѣ. «Отъ десяти и до двухъ, а то и до пяти, иногда и каждый день. Вѣдь это легко сказать! А потомъ засѣданія, а потомъ частныя просьбы. А потомъ Дума. То ли дѣло здѣсь. Я такъ доволенъ. Положимъ, она скучаетъ, ну да это не надолго». И онъ улыбнулся.

Погулявъ въ Порточкахъ, онъ пошелъ назадъ прямикомъ, пошелъ по тому самому пару, который пахали. По пару ходила скотина крестьянская,—коровы, телята, овцы, свиньи. Прямой путь къ парку шелъ прямо черезъ стадо. Овцы испугались его, одна за другой кинулись бѣжать, свиньи—тоже, худыя, неболь-

шія двѣ коровы уставились на него. Пастушонокъ-мальчикъ крикнулъ на овецъ и хлопнулъ кнутомъ. «Какая отсталость, однако, у насъ въ сравненіи съ Европой», подумалъ онъ, вспоминая свои частыя поѣздки за границу. «Во всей Европѣ не найдешь ни одной такой коровы». И Александру Ивановичу захотѣлось спросить, куда ведетъ та дорога, которая подъ угломъ сходилась съ той, по которой онъ шелъ, и чье это стадо. Онъ подозвалъ мальчика.

— Чье это стадо?

Мальчикъ съ удивленіемъ, близкимъ къ ужасу, смотрѣлъ на шляпу, расчесанную бороду, а главное, на золотыя очки, и не могъ сразу отвѣтить. Когда Александръ Ивановичъ повторилъ вопросъ, мальчикъ опомнился и сказалъ:

— Наше.

— Да чье «наше»?—покачивая головой и улыбаясь, сказалъ Александръ Ивановичъ.

Мальчикъ былъ въ лаптяхъ и онучахъ, въ прорванной на плечѣ, грязной суровой рубашонкѣ и въ картузѣ съ оторваннымъ козырькомъ.

— Чье «наше»?

— А пироговское.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Не знаю.

— Грамотѣ знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Что жъ, развѣ нѣтъ училища?

— Я ходилъ.

— Что жъ, не выучился?

— Нѣтъ.

— А дорога эта куда?

Мальчикъ сказалъ, и Александръ Ивановичъ пошелъ къ дому, размышляя о томъ, какъ онъ подразнитъ Николая Петровича тѣмъ, какъ, все-таки, плохо, несмотря на всѣ его хлопоты, стоитъ дѣло народнаго образованія.

Подходя къ дому, Александръ Ивановичъ взглянулъ на часы и, къ досадѣ своей, увидалъ, что былъ уже двѣнадцатый часъ, а онъ вспомнилъ, что Николай Петровичъ ѣдетъ въ городъ, а онъ съ нимъ хотѣлъ отправить письмо въ Москву. а письмо еще не на-

писано. Письмо же было очень нужное — о томъ, чтобы пріятель и сотоварищъ его оставилъ бы за нимъ картину, Мадонну, продававшуюся съ аукціона. Подходя къ дому, онъ увидалъ, что четверня крупныхъ, сытыхъ, выхоленныхъ, породистыхъ лошадей, запряженныхъ въ блестящую на солнцѣ чернымъ лакомъ коляску, съ кучеромъ въ синемъ кафтанѣ съ серебрянымъ поясомъ, стояла уже у подъѣзда, изрѣдка побрякивая бубенцами.

Передъ входной дверью стоялъ крестьянинъ, босой, въ прорванномъ кафтанѣ и безъ шапки. Онъ поклонился. Александръ Ивановичъ спросилъ, что ему нужно.

— Къ Николай Петровичу.

— Объ чемъ?

— По нуждѣ своей: лошаденка пала.

Александръ Ивановичъ сталъ разспрашивать. Мужикъ сталъ разсказывать о своемъ положеніи, сказалъ, что пятеро дѣтей и лошаденка одна и была, и заплакалъ.

— Что же ты?

— Да милости просить.

И сталъ на колѣни, и прямо стоялъ и не поднялся, несмотря на уговоры Александра Ивановича.

— Какъ тебя звать?

— Митрій Судариковъ,— отвѣчалъ мужикъ, не вставая съ колѣнъ.

Александръ Ивановичъ досталъ три рубля и далъ мужику. Мужикъ сталъ кланяться въ ноги. Александръ Ивановичъ вошелъ въ домъ. Въ передней стоялъ хозяинъ, Николай Петровичъ.

— А письмо? — спросилъ хозяинъ, встрѣчая его въ передней.— Я сейчасъ ѣду.

— Виноватъ, виноватъ. Если можно, я сейчасъ напишу. Совсѣмъ изъ головы вонъ. Ужъ такъ хорошо у васъ,—все забудешь. Такъ хорошо.

— Можно-то можно, но только, пожалуйста, поскорѣе. Лошади и такъ ждутъ съ четверть часа. А мухи злыя.

— Можно подождать, Арсентій? — обратился Александръ Ивановичъ къ кучеру.

— Отчего же не подождать?—сказалъ кучеръ, а самъ думалъ: «И чего велятъ закладать, когда не ѣдутъ. Спѣшилъ съ ребятами не знаю какъ, а теперь корми мухъ».

— Сейчасъ, сейчасъ.

Александръ Ивановичъ пошелъ было къ себѣ, но вернулся и спросилъ у Николая Петровича про крестьянина, просившаго помочь:

— Ты видѣлъ его?

— Онъ — пьяница, но, правда, жалкій. Пожалуйста, поскорѣе.

Александръ Ивановичъ пошелъ къ себѣ, досталъ бюваръ со всѣми письменными принадлежностями и написалъ письмо, вырѣзалъ чекъ изъ книжки, надписалъ на сто восемьдесятъ рублей и, вложивъ въ конвертъ, вынесъ Николаю Петровичу.

— Ну, до свиданья.

До завтрака Александръ Ивановичъ занялся газетами. Онъ читалъ однѣ «Русскія Вѣдомости», «Рѣчь», иногда «Русское Слово», но «Новое Время», выписываемое хозяиномъ, не бралъ въ руки.

Переходя спокойно и привычно отъ политическихъ извѣстій— о поступкахъ царей, президентовъ, министровъ, рѣшеній парламентовъ—къ театрамъ, и научнымъ новостямъ, и самоубійствамъ, и холерѣ, и стишкамъ, Александръ Ивановичъ услыхалъ звонокъ къ завтраку. Трудами болѣе, чѣмъ десяти, занятыхъ исключительно только этимъ людей, считая всѣхъ — отъ прачекъ, огородниковъ, истопниковъ, поваровъ, помощниковъ, лакеевъ, экономокъ, судомоекъ,—столъ былъ накрытъ на восемь серебряныхъ приборовъ съ графинами, бутылками водъ, квасу, винъ, минеральныхъ водъ, съ блестящимъ хрусталемъ, скатертью, салфетками, и два лакея, не переставая, бѣгали туда, сюда, принося, подавая, убирая закуски, кушанья, холодныя и горячія.

Хозяйка не переставая говорила, разсказывая про все то, что она дѣлала, думала, говорила, и все то, что она дѣлала, думала и говорила—все это, какъ она явно думала, было прекрасно и всегда доставляло величайшее удовольствіе всѣмъ, кромѣ самыхъ глупыхъ людей. Александръ Ивановичъ чувствовалъ и зналъ, что все, что она говоритъ, глупо, но не могъ показать этого и поддерживалъ разговоръ. Феодоритъ мрачно молчалъ, учитель говорилъ изрѣдка съ вдовой. Иногда наступало молчаніе, и тогда Феодоритъ выступалъ на первый планъ, и становилось мучительно скучно. Тогда хозяйка требовала какого-нибудь новаго, не поданнаго

кушанья, и лакеи летали туда и назадъ, въ кухню и къ экономкѣ. Ни ѣсть ни говорить никому не хотѣлось, но всѣ, хотя и черезъ силу, ѣли и говорили. Такъ шло все время завтрака.

III.

Крестьянина, который приходилъ просить на падшую лошадь, звали Митрій Судариковъ. Наканунѣ того дня, когда онъ приходилъ къ барину, онъ весь день прохлопоталъ съ дохлымъ мериномъ. Первое дѣло — ходилъ къ Санину, драчу, въ Андреевку. Драча Семена не было дома. Пока дожидался, уговорился въ цѣнѣ за шкуру, дѣло было уже къ обѣду. Потомъ выпросилъ у сосѣда лошадь свезти мерина на погостъ, — не велятъ закапывать, гдѣ сдохъ. Андреянъ не далъ лошади: самъ картошки возилъ; насилу у Степана выпросилъ. Степанъ пожалѣлъ, подсобилъ и взвалить на телѣгу мерина. Отодралъ Митрій подковы съ переднихъ ногъ, отдалъ бабѣ. Одна — половинка только была, другая — хорошая. Пока вырылъ могилу,—заступъ тупой былъ,—и Санинъ пришелъ. Ободралъ мерина, свалили въ яму, засыпали. Уморился Митрій, съ горя зашелъ къ Матренѣ, выпилъ съ Санинымъ полбутылки, поругался съ женой и легъ спать въ сѣняхъ. Спалъ онъ не раздѣваясь, въ порткахъ, покрывшись рваным кафтаномъ. Жена была въ избѣ съ дѣвками. Ихъ было четыре, меньшая у груди, пяти недѣль.

Проснулся Митрій, по привычкѣ, до зари и такъ и ахнулъ, вспомнивъ про вчерашнее: какъ бился меринъ, вскакивалъ, падалъ, и какъ нѣтъ лошади, осталось только четыре рубля восемь гривенъ за шкуру. Онъ поднялся, оправилъ портки, вышелъ сначала на дворъ, а потомъ вошелъ въ избу. Изба, вся кривая, грязная, черная, уже топилась. Баба одной рукой подкладывала солому въ печь, другой держала дѣвку у выставленной изъ грязной рубахи отвислой груди.

Митрій перекрестился три раза на уголъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Что жъ воды нѣтъ?

— Пошла дѣвка. Я чай, принесла. Что жъ, пойдешь въ Угрюмую, къ барину?

— Да, надо итти.

Онъ закашлялся отъ дыма и, захвативъ съ лавки тряпку, вышелъ въ сѣни. Дѣвка только что принесла воду. Митрій досталъ воды изъ ведра, забралъ въ ротъ и полилъ руки, еще забралъ въ ротъ и лицо обмылъ, обтерся тряпкой и пальцами разодралъ и пригладилъ волосы на головѣ и курчавую бороду и вышелъ въ дверь. По улицѣ шла къ нему дѣвчонка лѣтъ десяти, въ одной грязной рубашонкѣ.

— Здорово, дядя Митрій. Велѣли приходить молотить.

— Ладно, приду, — сказалъ Митрій.

Онъ понялъ, что Калушкины, такіе же, почитай, бѣдняки, какъ и онъ самъ, звали отмолачивать за то, что на прошлой недѣлѣ у него работали на наемной конной молотилкѣ.

— Ладно, приду, скажи, въ завтракъ приду. Надо въ Угрюмую сходить.

И Митрій вошелъ въ избу, досталъ онучи, лапти, обулся и пошелъ къ барину.

Получивъ три рубля отъ Александра Ивановича и столько же отъ Николая Петровича, онъ вернулся домой, отдалъ деньги бабѣ и, захвативъ лопату и грабли, пошелъ къ [Калушкинымъ].

У Калушкиныхъ молотилка уже давно равномѣрно гудѣла, только изрѣдка заминаясь отъ застревавшей соломы. Кругомъ погоняльщика ходили худыя лошади, натягивая постромки. Погоняльщикъ однимъ и тѣмъ же голосомъ покрикивалъ на нихъ: «Ну, вы, миленькія!» Одни бабы развязывали снопы, другія сгребали солому и колосъ, третьи бабы и мужики собирали большія охапки соломы и подавали ихъ мужику на ометъ. Работа кипѣла. На огородѣ, мимо котораго проходилъ Митрій, босая, въ одной рубашонкѣ дѣвочка руками выкапывала и собирала въ плетушку картошку.

— А дѣдъ гдѣ?—спросилъ Митрій.

— На гумнѣ дѣдъ.

Митрій прошелъ на гумно и тотчасъ же вступилъ въ работу. Восьмидесяти[лѣтній] старикъ-хозяинъ зналъ горе Митрія. Онъ поздоровался съ нимъ и указалъ куда становиться — къ омету, подавать солому.

Митрій раздѣлся, свернулъ и положилъ къ сторонкѣ свой прорванный кафтанъ подъ плетень, а самъ особенно усердно взялся за работу, набирая вилами солому и вскидывая ее на ометъ.

Фот. В. Черткова.

Левъ Николаевичъ на утренней прогулкѣ.
(Ясная Поляна. Лѣто 1908 г.).

Работа безъ перерыва шла такъ до обѣда. Пѣтухи уже раза три перекликнулись, но имъ не то что не вѣрили, но не слышали ихъ за работой и переговорами о работѣ. Но вотъ съ барскаго гумна за три версты послышался свистокъ паровой молотилки, и тутъ же подошелъ къ гумну хозяинъ, высокій восьмидесятилѣтній, прямой старикъ Масей.

— Что же, шабашъ, — сказалъ онъ, подходя къ погонялыщику. — Обѣдать.

Еще живѣй пошла работа. Въ мигъ убрали солому того, что было вымолочено, на ометъ и очистили зерно съ мякиной на току отъ колоса, и пошли въ избу.

Изба топилась тоже по-черному, но была ужъ прибрана, и вокругъ стола стояли лавки, такъ что весь народъ, помолившись на иконы, — всѣхъ было безъ хозяевъ девять человѣкъ, — [сѣлъ за столъ]. Похлебка съ хлѣбомъ, картошка вареная съ квасомъ.

Во время обѣда въ избу вошелъ нищій безрукій, съ мѣшкомъ за плечами и съ большимъ костылемъ.

— Миръ дому сему. Хлѣбъ да соль, подайте, Христа ради.

— Богъ подастъ, — сказала хозяйка, уже старуха, невѣстка старикова, — не взыщи.

Старикъ стоялъ у двери въ чуланъ.

— Отрѣжь, Марфа, нехорошо.

— Я только гадаю, какъ бы хватило.

— Охъ, нехорошо, Марфа. Богъ велитъ пополамъ дѣлить. Отрѣжь.

Марфа послушалась. Нищій ушелъ. Молотильщики встали, помолились, поблагодарили хозяевъ и пошли отдохнуть.

Митрій не ложился, а сбѣгалъ къ лавочнику купить табаку. Страсть курить хотѣлось. И покуда покалякалъ съ деменскимъ мужикомъ, разспросилъ о цѣнахъ на скотъ,—не миновать было продавать корову,—и когда вернулся, уже люди становились опять на работу. Такъ шла работа до вечера.

И вотъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

живутъ спокойно люди, считающіе себя одни—христіанами, дру-

гіе—настолько просвѣщенными, что имъ не нужно уже христіанство или какая бы то ни было другая религія,—настолько выше ея они считаютъ себя. И живутъ среди этихъ ужасовъ, видя и не видя ихъ, спокойно доживающіе свой вѣкъ, часто добрые по сердцу старики, старухи, молодые люди, матери, дѣти,—несчастныя, развращаемыя, приготавливаемыя къ нравственной слѣпотѣ дѣти.

Вотъ старикъ, владѣтель тысячъ десятинъ, холостякъ, всю жизнь прожившій въ праздности, обжорствѣ и блудѣ, который, читая статьи «Новаго Времени», удивляется на неразумность правительства, допускающаго евреевъ въ университеты. Вотъ гость его, бывшій губернаторъ съ оставленнымъ окладомъ, сенаторъ, который читаетъ съ одобреніемъ свѣдѣнія о собраніи юристовъ, признавшихъ необходимость смертной казни. Вотъ противникъ ихъ Н. П., читающій «Русскія Вѣдомости», удивляющійся на слѣпоту правительства, допускающаго Союзъ Русскаго Народа, и... [1]). Вотъ милая, добрая мать дѣвочки, читающая ей исторію собаки Фукса, пожалѣвшаго кроликовъ, и вотъ эта милая дѣвочка, которая видитъ на гуляньѣ босыхъ, голодныхъ, грызущихъ зеленую падальяблоки [дѣтей] и привыкающая видѣть въ этихъ дѣтяхъ не себя, а что-то въ родѣ обстановки, пейзажа.

Отчего это?....

Августъ—сентябрь 1910.
Кочеты.

---

[1]) Многоточіе въ оригиналѣ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

Ѣхали въ колескѣ дѣвочка и мальчикъ изъ одной деревни въ другую. Дѣвочкѣ было пять лѣтъ, мальчику—шесть. Они были не родные, а двоюродные, и ихъ матери были родныя сестры. Матери остались въ гостяхъ, а дѣтей съ няней послали домой. Проѣзжая деревню, въ колескѣ сломалось колесо, и кучеръ сказалъ, что дальше ѣхать нельзя, что нужно починить, и онъ скоро починитъ.

— Оно и кстати,—сказала няня,—мы такъ долго ѣхали, и у меня дѣтки проголодались, напою ихъ молокомъ съ хлѣбомъ, благо съ нами отпустили.

Дѣло было осенью, на дворѣ было холодно, и пошелъ дождь. Няня съ дѣтьми вошла въ первую попавшуюся избу. Изба была черная, топилась безъ трубы. Въ такихъ избахъ, когда ихъ топятъ зимой, отворяютъ дверь, и дымъ идетъ въ дверь до тѣхъ поръ, пока печь совсѣмъ не истопится. Такая была эта изба: грязная, старая; въ полу свѣтились щели. Въ одномъ углу былъ образокъ и подъ образкомъ—лавки и столъ и противъ него—большая печка.

Дѣти прежде всего увидали въ избѣ своихъ ровесниковъ: босоногую дѣвочку въ одной грязной рубашонкѣ и толстопузаго мальчика, почти голаго. Еще третій ребенокъ—годовалая дѣвочка лежала на конникѣ и заливалась плакала. Хозяйка утѣшала ее, но бросила, когда вошла няня съ дѣтьми, и стала прибирать для нихъ мѣсто въ переднемъ углу на лавкахъ и столѣ. Няня принесла изъ коляски мѣшокъ съ блестящимъ замкомъ; крестьянскія дѣти дивились на этотъ замокъ и показывали его другъ другу. Няня достала бутылку термосъ съ теплымъ молокомъ и хлѣбъ и чистую салфетку и разложила на столъ:

— Ну, дѣтки, идите, вы, чай, проголодались.

Но дѣтки не шли. Соня, дѣвочка, уставилась на полуголыхъ крестьянскихъ дѣтокъ и, не отрывая отъ нихъ глазъ, смотрѣла то на того, то на другого. Она никогда не видывала такихъ грязныхъ

рубахъ и такихъ голыхъ дѣтей и дивилась на нихъ. А Петя смотрѣлъ то на нее, то на крестьянскихъ дѣтей и не зналъ, что нужно: смѣяться или удивляться. Особенно пристально смотрѣла Соня на ту дѣвочку на конникѣ, которая громко кричала.

— Отчего она кричитъ? — спросила она.

— Ѣсть хочетъ, — сказала мать.

— Такъ дайте же ей.

— И дала бы, да нѣту.

— Ну, ну, идите же, — говорила няня, занятая раскладкой хлѣба на столѣ. — Идите, идите, — сердито повторила няня.

Дѣти послушались ея и подошли. Няня налила имъ молоко въ стаканчики и подала съ ломтемъ хлѣба, но Соня не стала ѣсть, отодвинула отъ себя стаканъ. То же, посмотрѣвъ на нее, сдѣлалъ и Петя.

— Развѣ это правда? — сказала Соня, указывая на женщину

— Что̀ правда? — спросила няня.

— Что у нея молока нѣтъ, — сказала Соня.

— Кто ее знаетъ, не наше это съ вами дѣло, а вы кушайте.

— Не стану, — сказала Соня.

— Не стану и я, — сказалъ Петя.

— Ей отдай, — сказала Соня, не спуская глазъ съ дѣвочки.

— Ну, будетъ вамъ пустое говорить, — сказала няня, — кушайте, а то простынетъ.

— Не буду кушать, не буду, — вдругъ закричала Соня, — и дома не буду, если ей не дашь.

— Кушайте вы сначала, а останется — и ей дамъ.

— Не стану, пока ей не дашь.

— И я тоже, и я тоже, — повторилъ Петя. — Ни за что не буду!

— Пустое это вы затѣяли и пустое говорите, — сказала няня. — Развѣ можно всѣхъ уравнять? Кому Богъ далъ... Вамъ, вашему папашѣ Богъ далъ.

— Отчего Онъ имъ не далъ? — сказала Соня.

— Не намъ это судить, такъ Богу угодно, — сказала няня и отлила въ чашку молока и подала бабѣ, чтобы она дала ребенку. Ребенокъ сталъ пить и затихъ, но дѣти не угомонились, и Соня все не хотѣла ни пить ни ѣсть.

— Богу угодно, — повторила она. — Зачѣмъ же Ему такъ угодно? . . . . . .

— И нехорошо вы говорите, — качая головой, сказала няня, — такъ нехорошо. Вотъ я папашѣ скажу.

— И скажи, — сказала Соня, — я теперь рѣшила, все рѣшила: не нужно и не нужно.

— Чего не нужно? — спросила няня.

— А того, чтобы у однихъ было много, а у другихъ ничего.

— А можетъ-быть, онъ нарочно, — сказалъ Петя.

— Нѣтъ. . . . . Не буду ни пить ни ѣсть. . . . . .

Вдругъ съ печи заговорилъ хриплый голосъ и закашлялся:

— Эхъ, ребятки, ребятки, хорошіе вы ребятки, да неладно говорите.

И опять закашлялся. Дѣти уставились на печку и увидали, что съ нея свѣшивалась сморщенная, въ сѣдыхъ волосахъ, голова и, покачиваясь, говорила:

— Богъ не злой, ребята. Богъ добрый, ребята. Онъ, ребята, всѣхъ любитъ. А что одни калачи ѣдятъ, а у другихъ хлѣба нѣтъ, это не Онъ установилъ, а люди сдѣлали. А потому сдѣлали, что Его-то забыли. — И опять закашлялся. — Забыли, оттого такъ и сдѣлали. Забыли, что одни живутъ, а другіе маются. А жили бы по-божьи, у всѣхъ бы всего было.

— А какъ же сдѣлать, чтобы у всѣхъ всего было? — спросила Соня.

— Какъ сдѣлать? — прошамкалъ старикъ. — Сдѣлать, какъ Богъ велитъ. А Богъ велитъ пополамъ дѣлить.

— Какъ, какъ? — спросилъ Петя.

— Богъ велитъ пополамъ дѣлить.

— Велитъ пополамъ дѣлить, — повторилъ Петя. — Вырасту большой, такъ и сдѣлаю.

— И я сдѣлаю, — подтвердила Соня.

— Я прежде тебя сказалъ, что сдѣлаю, — сказалъ Петя, — такъ сдѣлаю, чтобы никого бѣдныхъ не было.

— Ну, будетъ, будетъ пустое болтать, — сказала няня, — кушайте послѣднее молоко.

— Не будемъ, не будемъ и не будемъ, — въ одинъ голосъ заговорили дѣти, — а вырастемъ большіе, непремѣнно сдѣлаемъ.

— Ну, молодцы, дѣтки, — сказалъ старикъ и улыбнулся такъ, что только два нижніе зуба были видны. — Ужъ мнѣ не видать, какъ сдѣлаете. Хорошо задумали, помогай Богъ.

— Что хотятъ, пусть съ нами дѣлаютъ, — сказала Соня,— а мы сдѣлаемъ.

— Сдѣлаемъ, — подтвердилъ Петя.

— Вотъ и ладно, ладно, — проговорилъ старикъ и засмѣялся и закашлялся. — Видно, ужъ я оттелева на васъ полюбуюсь,—проговорилъ онъ, когда кашель угомонился. — Смотрите же, не забывайте.

— Не забудемъ, — сказали дѣти.

— То-то. Чтобъ вѣрно было.

Кучеръ пришелъ сказать, что колесо сладили, и дѣти уѣхали. А что будетъ дальше, мы всѣ увидимъ.

28 августа 1910 г.
Кочеты.

I.

ТИХОНЪ и МАЛАНЬЯ.

II.

ИДИЛЛІЯ[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

ТИХОНЪ и МАЛАНЬЯ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО БЫТА).

I.

Въ деревнѣ было пусто и празднично. Народъ былъ весь въ церкви. Только малые ребята, бабы и кое-какіе мужики, полѣнившіеся итти къ обѣднѣ, оставались дома. Бабы вынимали изъ печей, ребята ползали около пороговъ, мужики кое-что осматривали по дворамъ. На улицѣ было пусто. Былъ Петровъ день. Въ концѣ улицы послышался ямской колокольчикъ и показалась тройка, запряженная въ почтовую телѣгу.

Одинъ изъ мужиковъ, остававшихся дома, Анисимъ Жидковъ, услыхавъ колокольчикъ, бросилъ телѣжный ящикъ, который онъ переворачивалъ, и, скрипя воротами, вышелъ на улицу посмотрѣть, кто ѣдетъ. У пристяжныхъ были гривы заплетены съ оборочками; коренная, знакомая ему чалая, была высоко подтянута головой подъ дугу. Она, чуть пошатываясь головой, быстро раскачиваясь, тронулась на изволокъ, когда ямщикъ, приподнявшись на колѣно въ ящикѣ, крикнулъ на нее.

Лошади были гладки и не потны, несмотря на то, что солнце уже сильно пекло съ совершенно яснаго неба. Ямщикъ былъ красивый, въ новомъ кафтанѣ и шляпѣ.

— Ермилинъ, Тихонъ,—проговорилъ про себя Анисимъ, узнавая ямщика и выступая въ своихъ новыхъ лаптяхъ на середину улицы.

Тихонъ, проѣзжая мимо Анисима, молча приподнялъ шляпу, и въ выраженіи его лица было видно, что онъ очень счастливъ и знаетъ еще, что всѣ не могутъ не завидовать ему и его тройкѣ, которую онъ самъ собралъ и привелъ въ такое положеніе; и что онъ только старается не слишкомъ оскорбить другихъ довольствомъ, которое онъ испытывалъ.

Онъ не крикнулъ на лошадей, снимая новую шляпу, надѣлъ ее не на бокъ, а прямо, только шевельнулъ вожжей пристяжную и, недалеко отъ Анисима заворотивъ, сталъ сдерживать тройку, старательно и излишне продолжительно отпрукивая лошадей, которыя и безъ того весьма скромно подходили шагомъ къ знакомымъ воротамъ. Анисимъ, котораго дѣла шли не слишкомъ хорошо это лѣто, съ завистью, но съ уваженіемъ подошелъ къ Тихону, чтобы покалякать съ нимъ.

Старуха-мать, одна остававшаяся дома, вышла на крыльцо.

— Слышу, колоколъ, думаю: кто изъ ямщиковъ? — сказала она радостно. — Стала опять пироги катать, мнѣ и не слыхать. Послушала, а онъ вовсе близко.

— Здорово, матушка! — сказалъ сынъ, соскакивая тяжелыми сапогами подлѣ передка.

— Здорово, Тишенька, живъ ли, здоровъ ли?

И она продолжала говорить, какъ и всегда, говорила обо всемъ, какъ о воспоминаніи чего-то грустнаго и давно прошедшаго.

— Думаю, вотъ коли нашъ Тихонъ, старика-то нѣтъ, и бабъ нѣтъ, къ обѣднѣ ушли...

Тихонъ не дослушалъ ее, вынулъ узелокъ изъ передка, вошелъ въ избу, поклонился образамъ и, пройдя черезъ сѣни, отворилъ ворота.

Онъ заткнулъ рукавицы и кнутъ за поясъ, приперъ ворота, чтобъ не зацѣпить, провелъ подъ уздцы пристяжныхъ, скинулъ петли постромокъ, захлеснулъ, развожжалъ, разсупонилъ, вывелъ, нигдѣ не стукнулъ, не дернулъ и, какъ только бросалъ одно, такъ, не торопясь, но ни секунду не медля, брался за другое. Ничто не цѣплялось, не валялось, не соскакивало у него подъ руками, а все спорилось и ладилось, точно все было намаслено.

Когда въ рукахъ у него ничего не было, большіе пальцы его рукъ очень далеко оттопыривались отъ кистей, какъ будто все хотѣли схватить еще что-нибудь и сработать.

Распрягая, онъ не переставалъ говорить съ подошедшимъ Анисимомъ. Анисимъ подошелъ, лѣниво выкидывая свои ноги въ лаптяхъ и почесывая пояскомъ животъ подъ бѣлой чистой рубахой. Онъ опять приподнялъ шапку и надѣлъ. Тихонъ тоже приподнялъ и надѣлъ.

— Ай по молодой женѣ соскучился? — сказалъ посмѣиваясь Анисимъ, желавшій разспросить совсѣмъ другое.

— Нельзя! — отвѣчалъ Тихонъ.

— Что наши, какъ живутъ? Митрошины? — серьезно уже заговорилъ Анисимъ, почесывая голову.

— Какъ кто. Кто хорошо, а кто и худо. То же и на станціи. Какъ себя поведешь, дядя Анисимъ, — разсудительно и не безъ гордости думая о себѣ, сказалъ Тихонъ.

— Каряго-то промѣнялъ, что ль? — теперь уже могъ спросить то, что хотѣлъ, Анисимъ.—Саврасую-то тоже купилъ, что ль?

— Что Карій, только батюшка вздорилъ. Его бы давно отдать. Того и стоилъ.

И Тихонъ не безъ удовольствія разсказалъ, какъ онъ промѣнялъ, купилъ, сколько выработалъ, и сколько другіе меньше его выработали. Анисимъ предложилъ, шутя и серьезно, поставить ему водки. Тихонъ тихо, но рѣшительно отказался.

Между разговоромъ онъ все дѣлалъ свое дѣло. Лошади были отпряжены, онъ повелъ ихъ подъ навѣсъ.

Анисимъ, узнавъ все, что ему нужно было, сталъ молча чесаться обѣими руками и, почесавшись, ушелъ.

Кинувъ лошадямъ сѣнца изъ ящика, Тихонъ сдвинулъ шляпу на лобъ и, оттопыривъ еще больше пальцы, пошелъ въ избу. Но дѣлать было нечего, и пальцы такъ и остались. Онъ только повѣсилъ, встряхнувъ, шляпу на гвоздь, смахнулъ мѣсто, гдѣ лежать армяку, сложилъ его и въ одной новой александринской рубахѣ, которую не видала еще на немъ мать, сѣлъ на лавку. Портки на немъ были домашніе, материниной работы, но еще новые, сапоги были ямскіе, съ гвоздями. Онъ на дворѣ отеръ ихъ сѣнцомъ и помазалъ дегтемъ. Дѣлать было рѣшительно нечего; онъ расправилъ рукава, смявшіеся подъ кафтаномъ, и сталъ разбирать изъ узелка гостинцы. Для жены былъ ситецъ большими цвѣтами, для матери платокъ бѣлый съ каемочкой, баранокъ была связка для всѣхъ домашнихъ.

— Спасибо, Тишенька; мнѣ-то бы и даромъ, —говорила старуха, раскладывая на столѣ свой платокъ и поводя на немъ ногтемъ. — Немного не засталъ. Старикъ еще съ заутрени на Поповкѣ остался, а я вотъ домой пошла; молодыя бабы охотились къ поздней итти, подсобили мнѣ горшки поставить и пошли, а я вотъ осталась.

И старуха, уложивъ платокъ въ сундучокъ, опять принялась за работу у печи и, работая, все говорила.

— Все слава те Господи, — говорила она, — старикъ только мой все отъ ногъ умираетъ; какъ ненастье, такъ крикомъ кричитъ; на барщину все больше Гришутка за него ходитъ. (Гришутка былъ меньшой, не женатый братъ Тихона). Спасибо, начальники не ссылаютъ. Все Михеичъ старостой ходитъ. Что жъ, жаловаться нечего, порядки настоящіе ведетъ. Только, говоритъ, въ косьбу Гришку не посылайте, не вынесетъ, еще младъ. Намеднись барскіе сады косили, такъ старикъ Гришутку послалъ, самъ косу ему наладилъ и Герасима, свата, просилъ отбивать; такъ какъ измучился, сердечный. «Я, матушка, — говоритъ, — не снесу, всѣ рученьки, ноженьки заломило». Да и гдѣ ему? Тѣло мягкое, дробное, молодое. Такъ вотъ и не знаемъ, какъ быть: ты ли на покосъ останешься, работника ль наймать.

— Ну, а про господъ что слыхать? — спросилъ Тихонъ, видимо, не желая даже и говорить о такомъ важномъ дѣлѣ съ бабой, хотя бы она и была его мать.

— Сказывали намеднись, что всѣ будутъ, а то опять замолчали. Молодой тутъ живетъ, да его и не слыхать. Все Андрей Ильичъ завѣдуетъ. Мужики говорятъ—ничего, что-то только изъ-за покосовъ съ нимъ вышло; старикъ знаетъ, онъ на сходкѣ былъ, все разскажетъ. Навозъ свозили, слава те Господи, запахали всю почесть землю. Осьминникъ, два ли осталось. Старикъ знаетъ. Барщина тоже ничего была. Мужикамъ все дни давали. Вотъ бабамъ такъ дюже тяжело было: все всѣми да всѣми. Замучили полоньемъ совсѣмъ. Какую-то (какъ ее?) свекловичу, что ли, все полютъ. Дома все я да я одна бьюсь. Твоя баба съ солдаткой что ни день, то на барщину. Хлѣбушки ставить, коровъ доить, холсты и то я стелю. Покуда ноги служатъ, не знаю, что дальше Богъ дастъ. Баба-то твоя молодая, день-денской замучается, а домой идетъ,—хороводъ ведетъ, пѣсенница такая стала. Гдѣ и спра-

шивать съ нея: человѣкъ молодой, куражный; а народъ хвалитъ: очень къ работѣ ловка, и худого сказать нечего. Ну, съ солдаткой другой разъ повздорятъ, нельзя. Старикъ покричитъ, ну и ничего. То-то рада будетъ, сердечная! Не чаяли мы тебя дождаться. Вчера пирогъ ставила, думала: кто мой пирогъ кушать будетъ... Кабы знала, пѣтушка бы зарѣзала для сынка дорогого. Слава Богу, насѣдка вывела, трехъ продали...

Старуха говорила все это и много еще другого разсказала сыну: про холсты, про гумно, про стадо, про сосѣдей, про прохожихъ солдатъ, и все дѣлала свои дѣла и въ печи, и на столѣ, и въ клѣти.

А Тихонъ сидѣлъ на лавкѣ, кое-что спрашивая, кое-что самъ разсказывая, и, взявъ на знакомомъ мѣстѣ гребешокъ, расчесывалъ свои кудрявые, густые волосы и небольшую рыжеватую бороду. Онъ съ удовольствіемъ посматривалъ въ избѣ то на паневу хозяйки, которая лежала на полатяхъ, то на кошку, которая сидѣла на печи и умывалась для праздника, то на веретено, которое сломанное лежало въ углу, то на курицу, которая безъ него занеслась и съ большими цыплятами зашла въ избу, то на кнутъ, съ которымъ онъ самъ ѣзжалъ въ ночное и который Гришка бросилъ въ углу. Не одни его оттопыренные пальцы, но и внимательные, поглядывающіе на все глаза просили работы; ему неловко было сидѣть, ничего не дѣлая. Онъ бы взялъ косу, отбилъ бы, починилъ бы завалившуюся доску на полатяхъ или другое что, но во время обѣдни нельзя работать. Наговорившись съ старухой, онъ поднялъ охлопавшійся кнутъ, досталъ пеньки, вышелъ на крыльцо и на гвоздѣ у порога сталъ свивать хлопокъ своими здоровыми ручищами, сдѣланными только для того, чтобы пудовиками ворочать, и все поглядывалъ по улицѣ, откуда долженъ былъ итти народъ изъ церкви. Но еще никого не было, только мальчишки въ вымытыхъ рубахахъ бѣгали около пороговъ. Мальчишка лѣтъ пяти, еще въ грязной рубахѣ, подошелъ къ порогу и уставился на Тихона. Это былъ солдаткинъ сынъ, племянникъ Тихона.

— Семка, а Семка, ты чей? — сказалъ Тихонъ, улыбаясь на самого себя, что онъ съ такимъ мальчишкой занимается.

— Солдатовъ, — сказалъ мальчикъ.

— А мать гдѣ?

— Въ кобѣднѣ, и дѣдушка въ кобѣднѣ, — щеголяя своимъ мастерствомъ говорить, сказалъ мальчикъ.

— Аль ты меня не призналъ? — Онъ досталъ изъ кармана бубликъ и далъ ему.

— Вонъ она, кобѣдня, — сказалъ мальчикъ нараспѣвъ, указывая вдоль по улицѣ и безсознательно вцѣпляясь въ бубликъ.

— А кто я? — спросилъ Тихонъ.

— Ты?.. Дядя.

— Чей дядя?

— Тетки Маланьи.

— А тетку Маланьку знаешь?

— Семка, — закричала старуха изъ избы, заслышавшая голосъ парнишки, — гдѣ пропадалъ? Иди, чортовъ парнишка, иди, обмою, рубаху чистую надѣну.

Парнишка полѣзъ черезъ порогъ къ бабкѣ, а Тихонъ всталъ, хлопнулъ раза два навитымъ кнутомъ, чтобъ увидать, хорошо ли. Кнутъ хлопалъ славно.

Парнишку раздѣли голаго и обливали водой. Онъ кричалъ на всю избу. Тихонъ стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на улицу.

День былъ красный, жаворонки вились надъ ржами. Ржи лоснились. Въ рощѣ сохла роса съ солнечной стороны и пѣли птицы. Народъ шелъ изъ церкви. Шли старики большими, широкими шагами (шагами рабочаго человѣка) въ бѣлыхъ, заново вымытыхъ онучахъ и новыхъ лаптяхъ, которые съ палочками, которые такъ, по одному и попарно; шли мужики молодые, въ сапогахъ; староста Михеичъ шелъ въ черномъ, фабричнаго сукна кафтанѣ; шелъ длинный, худой и слабый, какъ плетень, Рѣзунъ, Фоканычъ хромой, Осипъ Наумычъ бородастый. Шли дворовые, мастеровые въ свиткахъ, лакеи въ нѣмецкихъ платьяхъ, дворовскія бабы и дѣвки въ платьяхъ «съ подзонтиками», какъ говорили мужики. На нихъ только лаяли крестьянскія собаки. Шли дѣвочки табунками, въ желтыхъ и красныхъ сарафанахъ, ребята въ подпоясанныхъ армякахъ, согнутыя старушки въ бѣлыхъ чистыхъ платкахъ, съ палочками и безъ палочекъ, ребятницы съ бѣлыми пеленками и холостыя пестрыя бабы въ красныхъ платкахъ, синихъ поддевкахъ съ золотыми галунами на юбкахъ. Шли весело, говорили, догоняли другъ друга, здоровкались, осматривали новые платки, бусы, коты прошивные [1]). Всѣ они были знакомы Тихону; по мѣрѣ того, какъ они подходили, онъ узналъ ихъ.

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

«Вотъ Илюшины бабы идутъ. Какъ разрядились, — думалъ Тихонъ,—и къ другимъ не пристаютъ».

Вонъ мальчишки идутъ за Илюшей, смѣются надъ нимъ. Вонъ идетъ худая, разряженная баба, убрана, какъ богачка, а Тихонъ знаетъ, что это самая послѣдняя, завалящая баба, которую мужъ ужъ давно бить пересталъ. Идетъ приказчица съ зонтикомъ, расфрантилась, и работница ихъ, Василиса, въ красной занавѣскѣ.

«А вотъ Матрешкинъ, дворовый, красную кумачевую рубаху вчера купилъ въ городѣ, надѣлъ да и самъ не радъ, какъ народъ на него дивится. Вотъ Фоканычева дѣвка съ дворовыми идетъ, съ Маврой Андреевной разговариваетъ, оттого что она грамотница, въ монастырь хочетъ итти. Вотъ Минаевы идутъ сзади, и баба все воетъ, должно, хоронила кого. А вонъ Рѣзунова молодайка идетъ, все въ пеленки лицо прячетъ. Видно, родила, причащать носила.

«Вонъ Болхина старуха, съ клюкой, шла, устала, сѣла. Все жива старуха. А ужъ лѣтъ сто будетъ. А вотъ и мои: старикъ большими шагами шагаетъ, и все горбъ у него такой же, — думалъ Тихонъ, — вотъ и она»...

Тихонъ съ другого конца улицы узналъ свою бабу. Маланья шла съ солдаткой и еще съ двумя бабами. Съ ними же шелъ замчной солдатъ въ новой шинели, казалось, ужъ пьяный, и что-то разсказывалъ, махая руками. Цвѣта на Маланьѣ всѣхъ ярче показались Тихону.

А Маланька шла точно такъ же, какъ и другія бабы, не нарядѣе, не чуднѣе, не веселѣе другихъ. На ней была панева клѣтчатая, обшитая золотымъ галуномъ, бѣлая, шитая краснымъ, рубаха, такая же занавѣска, красный шелковый платокъ на головѣ и новые коты на шерстяныхъ чулкахъ. Другія были и въ сарафанахъ, и въ поддевкахъ, и въ цвѣтныхъ рубахахъ, и въ вышивныхъ котахъ. Такъ же, какъ и другія, она шла, плавно и крѣпко ступая съ ноги на ногу, помахивая руками, подрагивая грудью и поглядывая по сторонамъ своими бойкими глазами. Она шла, смѣялась съ солдатомъ и про мужа вовсе не думала.

— Ей-Богу, наймусь въ выборные, — говорилъ солдатъ, — потому, значитъ, что въ эвтомъ дѣлѣ оченно исправно могу командовать надъ бабами. Меня Андрей Ильичъ знаетъ. Я тебя, Маланья, замучаю тогда.

— Да, замучаешь, — отвѣчала Маланья. — Такъ-то мы лѣтось земскаго въ ригѣ, ленъ молотили, завалили, портки стащили да такъ-то замучили, что побѣжалъ, портки не собралъ, запутался. То-то смѣху было!

И бабы покатились со смѣху, даже остановились отъ хохота, а солдатка, хохотунья, присѣла, ударила себя по колѣнкамъ ладонями и завизжала хохотомъ.

— Ну васъ совсѣмъ, — сказала Маланья, локтемъ толкая товарку и понемногу затихая отъ смѣха.

— Ей-Богу, приходи, — сказалъ солдатъ, повторяя то, что онъ уже говорилъ прежде, — сладкой водки куплю, угощу.

— Ей мужъ слаще водки твоей, — сказала солдатка, — нынче пріѣхать хотѣлъ.

— Слаще, да какъ нѣтъ его, такъ надо чѣмъ позабавиться для праздника, — сказалъ солдатъ.

— Что ты мое счастье отбиваешь, — сказала Маланья. — Больше водки покупай, Барчевъ, всебезпремѣнно придемъ.

И вдругъ Маланьѣ вспомнилось, что мужъ второй праздникъ обѣщалъ пріѣхать и не пріѣзжаетъ, и по лицу ея пробѣжало облако. Но это было только на одно мгновенье, и она опять начала смѣяться съ солдатомъ. Солдатъ шопотомъ сказалъ ей, чтобы она одна приходила.

— Приду, Барчевъ, приду, — громко сказала Маланья и опять залилась хохотомъ [1]).

Солдатъ обидѣлся и замолчалъ.

Анисимъ Жидковъ, который видѣлъ, какъ Тихонъ въѣхалъ въ деревню, стоялъ у порога своей избы; мимо самаго него проходили бабы. Когда Маланья поровнялась съ нимъ, онъ вдругъ ткнулъ ее въ бокъ пальцемъ и сдѣлалъ губами: крр..., какъ кричатъ лягушки. Маланья засмѣялась и наотмашь ударила его.

— Что, хороводница, лясы точить съ солдатомъ, мужъ глаза проглядѣлъ, — сказалъ Анисимъ смѣючись, и, замѣтивъ, какъ Маланья вся вспыхнула, покраснѣла, услыхавъ о мужѣ, онъ прибавилъ степенно, такъ, чтобы она не приняла за шутку: — Ей-Богу. Въ самыя обѣдни на тройкѣ пріѣхалъ. Могарычъ за тобой.

Маланья тотчасъ же отдѣлилась отъ другихъ бабъ и скорымъ шагомъ пошла черезъ улицу. Пройдя черезъ улицу, она оглянулась на солдата.

[1]) См. примѣчаніе 3-ье.

— Мотри, больше сладкой водки покупай, я и Тихона приведу, онъ любитъ.

Солдатка и другія бабы засмѣялись; солдатъ нахмурился.

— Погоди же ты, чортова баба! — сказалъ онъ.

Маланья, шурша новой паневой и постукивая котами, побѣжала до дома. Сосѣдка посмѣялась ей еще, что мужъ гостинца—плетку привезъ, но Маланья, не отвѣчая, побѣжала въ избу.

Тихонъ стоялъ на крыльцѣ, смотрѣлъ на свою бабу, улыбался и похлопывалъ кнутомъ. Маланья стала совсѣмъ другая, какъ только узнала о мужѣ и особенно увидала его. Краснѣй стали щеки, глаза и движенья стали веселѣе и голосъ звончѣе.

— И то, видно, плетку въ гостинецъ привезъ, — сказала она смѣясь.

— Ай плоха плетка-то? — сказалъ мужъ.

— Ничего, хороша, — отвѣчала она, и они вошли въ избу.

Вслѣдъ за бабой пришелъ старикъ и пошелъ съ Тихономъ смотрѣть лошадей. Маланья скинула занавѣску и принялась помогать матери собирать обѣдать, все поглядывая на дверь. Старикъ вошелъ въ избу, старуха стала разувать его. Маланья побѣжала на дворъ къ Тихону, схватила его обѣими руками за поясъ и такъ прижала къ себѣ, что онъ крякнулъ и засмѣялся, цѣлуя ее въ ротъ и щеки.

— Право, хотѣла къ тебѣ итти,—сказала Маланья,—такъ привыкла, такъ привыкла, скучно, да и шабашъ, ни на что бы не смотрѣла.

И она еще прижалась къ нему, даже приподняла его и укусила.

— Дай срокъ, я тебя на станцію возьму, — сказалъ Тихонъ,—тоже тоска безъ тебя.

Гришутка вышелъ изъ избы и, посмѣиваясь, позвалъ обѣдать. Старикъ, старуха, Тихонъ, Гришутка и солдатенокъ, помолившись, сѣли за столъ; бабы подавали и ѣли стоючи.

Тихонъ ни гостинцевъ не роздалъ, ни денегъ не отдалъ отцу. Все это онъ хотѣлъ сдѣлать послѣ обѣда. Отецъ, хотя былъ доволенъ всѣми вѣстями, которыя привезъ Тихонъ, все былъ сердитъ. Онъ всегда бывалъ сердитъ дома, особенно въ праздникъ, покуда не пьянъ. Тихонъ досталъ денегъ и послалъ солдатку за водкой. Старикъ ничего не сказалъ и молча хлебалъ щи, только глянулъ черезъ чашку на солдатку и указалъ, гдѣ взять штофчикъ. Тройка

была хороша, денегъ привезъ довольно. Но старику досадно было, что сынъ каряго мерина промѣнялъ. Каряго мерина, опоеннаго, самъ старикъ прошлымъ лѣтомъ купилъ у барышника и никакъ не хотѣлъ согласиться, что его обманули, и теперь сердился, что сынъ промѣнялъ такую, по его мнѣнію, хорошую лошадь. Онъ молча ѣлъ, и всѣ молчали, только Маланья, подавая, смѣялась съ мужемъ и деверемъ. Старикъ прежде самъ ѣзжалъ на станціи, но не зналъ этого дѣла и прогонялъ двѣ тройки лошадей, такъ что съ однимъ кнутомъ пришелъ домой. Онъ былъ мужикъ трудолюбивый и не глупый, только любилъ выпить и потому разстроилъ свое хозяйство, когда велъ его самъ. Теперь ему и весело и досадно было не за одного каряго мерина, но и за то, что сынъ хорошо выстоялъ на станціи, а самъ онъ разорился, когда ѣздилъ ямщикомъ.

— Напрасно коня промѣнялъ, добрый конь былъ, — пробормоталъ онъ.

Сынъ не отвѣчалъ. Понялъ ли онъ или случайно, но Тихонъ ничего не сказалъ, а началъ разсказывать про своихъ мужиковъ, стоявшихъ на станціи, особенно про Пашку Шинтяка, который всѣхъ трехъ лошадей продалъ и даже хомуты сбылъ.

Пашка Шинтякъ былъ сынъ мужика, съ которымъ старикъ вмѣстѣ гонялъ и который обсчиталъ во время оно старика. Это была старая вражда. Старикъ вдругъ засмѣялся такъ чудно, что бабы уставились на него.

— Вишь, лобастый чортъ, въ отца пошелъ; неправдой не наживешься, небось.

И вслѣдъ за тѣмъ старикъ, поѣвши каши, утеръ бороду и усы и весело сталъ разспрашивать сына о томъ, какъ онъ выстоялъ эти два мѣсяца, какъ бѣгаютъ лошади, по чемъ платятъ, съ видимой гордостью и удовольствіемъ.

Сынъ охотно разсказывалъ, и разговоръ еще болѣе оживился, когда запыхавшаяся солдатка принесла зеленый штофчикъ; старуха вытерла тряпкой толстый, съ донышкомъ въ два пальца вышины, стаканчикъ, и отецъ съ сыномъ выпили по порціи. Особенно понравился старику разсказъ сына о царскомъ проѣздѣ.

— И сейчасъ подскакалъ фельдъегерь, соскочилъ, «ѣдутъ», говоритъ, «черезъ десять минутъ будутъ». По часамъ, значитъ. Сейчасъ глянулъ Михаилъ Никанорычъ на часы. — Тихонъ,—гово-

ритъ,—мотри, все ли справно.—Моя, значитъ, четверка заплетена, выведена. Готово, молъ, не ты повезешь, а мы поѣдемъ.

И Тихонъ, засунувъ свои большіе, оттопыренные пальцы за поясокъ, тряхнулъ волосами и оглянулся на бабъ. Онѣ всѣ слушали и смотрѣли на него. Маланья съ чашкой присѣла на краю лавки и тоже встряхнула головой точно такъ же, какъ мужъ, какъ будто она разсказывала, и улыбнулась, какъ будто говоря: «Каковы мы молодцы съ Тихономъ!» Старикъ положилъ свои обѣ руки на столъ и, нахмурившись, нагнулъ голову на бокъ. Онъ, видимо, понималъ всю важность дѣла. Солдатка, размахивая руками отъ самыхъ плечъ впередъ себя и вмѣстѣ, какъ маятникомъ, прошла изъ двери, но, подойдя къ печкѣ, сѣла, услыхавъ, о чемъ рѣчь, и начала складывать занавѣску вдвое, потомъ вчетверо и потомъ опять вдвое и потомъ опять вчетверо. Старуха же, имѣвшая только одну манеру слушать всякій разсказъ, веселый ли онъ былъ или грустный, приняла эту манеру, состоящую въ томъ, чтобы слегка покачивать головой, вздыхать и шептать какія-то слова, похожія на молитвы. Гришка же, напротивъ, всякій разсказъ слушалъ такъ, какъ будто только ждалъ случая, чтобъ покатиться со смѣху. Теперь онъ это и сдѣлалъ: какъ только Тихонъ сказалъ свой отвѣтъ становому: «не ты повезешь, а мы», онъ такъ и фыркнулъ. Тихонъ не оглянулся на него, но ему показалось нисколько не удивительно, что Гришка смѣется, — напротивъ, онъ даже повѣрилъ, что разсказъ его очень забавенъ.

— Только, сейчасъ осмотрѣлъ я еще, значитъ, лошадей съ фонаремъ, ночь темная была, — слышимъ, гремятъ съ горы, съ фонарями, два шестерика, пять четверней и шесть троекъ. Сейчасъ всѣ по номерамъ. Сейчасъ передомъ Васька Скоморохинскій нашъ съ исправникомъ прогремѣлъ. Тройку въ лоскъ укаталъ, ужъ коренной волочится, колокольчикъ оборвалъ. Ужъ исправникъ не вышелъ изъ телѣги, а котомъ выкатился на брюхѣ. Сейчасъ: «Самовары готовы?» — Готовы. — Пару на мостъ живо послать! — Перила тамъ сгнивши были. Шинтяка живо снарядили съ какимъ-то дорожнымъ. Сейчасъ самъ съ фонарями подкатилъ прямо къ крыльцу. Володька везъ. Ему говорили, чтобы не заѣзжалъ по мосту, вишь, лошадей не сдержалъ. Живо подвели нашихъ. Все справно было. Гляжу, Митька постромку закинулъ промежъ ногъ, такъ бы и оставилъ.

— Что жъ, говорилъ что? — спросилъ старикъ.

— Сейчасъ говоритъ: «Какая станція?» — Сейчасъ исправникъ: «Селюковка,— говоритъ,—Ваше Высокое Царское Величество».— А?—представилъ Тихонъ,—а?—И притомъ такъ чудно выставилъ величественно грудь, что старуха такъ и залилась, какъ будто услыхала самую грустную новость.

Гришка засмѣялся, а солдатенокъ маленькій съ полатей уставился на старуху-бабку, ожидая, что будетъ дальше.

— Заложили шестерикъ, сѣлъ фолеторомъ нашъ Сенька...

— То-то бы Гришутку посадить, — вставилъ старикъ, — обмеръ бы.

— Такъ бы отзвонилъ, — отвѣчалъ Гришка, показывая всѣ зубы, съ такимъ выраженіемъ, что видно было, что онъ не побоялся бы ни съ царемъ ѣхать, ни съ отцомъ, ни съ старшимъ братомъ разговаривать.

— Сенька сѣлъ, — продолжалъ Тихонъ, пошевеливая пальцами, — свѣтло было, какъ днемъ, фонаревъ двадцать было; а какъ тронули — ничего не видать.

— Что жъ, сказалъ что-нибудь? — спросилъ старикъ.

— Только слышалъ: сейчасъ говоритъ, «хорошо», говоритъ, «прощай». Тутъ смотритель, исправникъ: «Смотри,—говорятъ,—Тихонъ!» Чего, думаю, не ваше смотрѣнье. Помолился Богу. — Вытягивай, Сенька! — Только сначала жутко было. Оглядѣлся маломальски — ничего, все равно, что съ работой ѣхать.—Пошелъ!— Думаю, какъ еще ѣхать? А подъ самую гору приходитъ, а тутъ еще захлеснули, сукины дѣти, постромку, какъ есть соскочила, такъ на вожжѣ всю дорогу лѣвая бѣжала. Подъ горой исправника было задавилъ было совсѣмъ. Онъ слѣзалъ зачѣмъ-то. — Пошелъ! — покрикиваетъ. Ужъ и ѣхалъ же, противъ часовъ четыре минуты выгадалъ.

Старикъ нѣсколько разъ, послѣ каждаго стаканчика, требовалъ повторенія этого разсказа.

Помолившись, встали отъ стола. Тихонъ отдалъ двадцать пять рублей денегъ и гостинцы.

— Ты меня, батюшка, отпусти, теперь работа самая нужная на станціи, и безпремѣнно велѣли пріѣзжать, — сказалъ онъ.

— А какъ же покосъ? — сказалъ старикъ.

— Что жъ, работнику хоть пятнадцать рублей до Покрова заплатить. Развѣ я съ тройкой того стою. Я до Покрова постою, такъ, Богъ дастъ, еще тройку соберу, Гришутку возьму.

Старикъ ничего не сказалъ и влѣзъ на полати. Повозившись немного, онъ позвалъ Тихона.

— То-то бы прежде сказалъ. Телятенскій важный малый въ работники назывался,—Андрюшка Аксюткинъ. Смирный малый, не бывалый. И какъ просила Аксинья. «Чужому,—говоритъ,—не отдала бы, а ты, кумъ, возьми, Христа ради». Коли ужъ нанялся, такъ не знаю, какъ и быть, не двадцать же рублевъ заплатить, — сказалъ старикъ, какъ будто это невозможно было, какъ ни выгодна бы была гоньба на станціи.

Солдатка, слышавшая разговоръ, вмѣшалась.

— Андрюха еще не нанялся, Аксинья на деревнѣ.

— О! — сказалъ старикъ, — поди, покличь.

И тотчасъ же, махая руками, солдатка пошла за нею. Маланька вышла на дворъ, подставила лѣстницу и влѣзла на сарай; скоро за ней вышелъ и скрылся Тихонъ.

Старуха убирала горшки, старикъ лежалъ на печкѣ, перебирая деньги, привезенныя Тихономъ. Гришка поѣхалъ въ денное и взялъ съ собой маленькаго Семку, солдатенка.

— Аксинья къ Илюхинымъ съ сыномъ наниматься ходила. Она у кума Степана, я ей велѣла приттить,—сказала солдатка,— да старики на проулкѣ собрались луга дѣлить.

— А Тихонъ гдѣ?

— Нѣтъ его, и Маланьки нѣтъ.

Старикъ помурчалъ немного, но дѣлать было нечего; всталъ, обулся и пошелъ на дворъ. Съ амбара послышался ему говоръ Маланьи и Тихона, но какъ только онъ подошелъ, говоръ затихъ.

«Богъ съ ними,—подумалъ онъ,—дѣло молодое, пойду самъ» [1]).

Потолковавъ съ мужиками о лугахъ, старикъ зашелъ къ куму, поладилъ съ Аксиньей за семнадцать рублей и привелъ къ себѣ работника. Къ вечеру старикъ былъ совсѣмъ пьянъ. Тихона тоже цѣлый день не было дома. Народъ гулялъ до поздней ночи на улицѣ. Одна старуха и новый работникъ, Андрюшка, оставались въ избѣ. Работникъ понравился старухѣ; онъ былъ тихій, худощавый парень.

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

— Ужъ ты его пожалѣй когда, Афремовна, — говорила его мать, уходя. — Одинъ и есть. Онъ малый смирный и работать не лѣнивъ. Бѣдность только наша...

Афремовна обѣщала пожалѣть и за ужиномъ два раза подложила ему каши. Андрюшка ѣлъ много и все молчалъ. Когда поужинали, и мать ушла, онъ долго молча сидѣлъ на лавкѣ и все смотрѣлъ на бабъ, особенно на Маланью.

Маланья два раза согнала его съ мѣста подъ предлогомъ, что ей нужно было достать что-то, и что-то засмѣялась съ солдаткой, глядя на него. Андрей покраснѣлъ и все молчалъ. Когда вернулся старикъ - хозяинъ, пьяный, онъ засуетился, не зная, куда итти спать. Старуха посовѣтовала ему итти на гумно. Онъ взялъ армякъ и ушелъ. Ввечеру того же дня поставили двухъ прохожихъ солдатъ къ Ермилинымъ [1])...

Раньѣ 1862 г.

---

[1]) См. примѣчаніе 5-е.

ИДИЛЛІЯ.

НЕ ИГРАЙ ОГНЕМЪ — ОБОЖЖЕШЬСЯ.

(ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО БЫТА).

I.

Петръ Евстратьевичъ теперь большой человѣкъ—управляющій. Легко сказать: надъ двумя деревнями начальникъ, какъ баринъ повелѣваетъ. Одинъ сынъ въ купцахъ, другой чиновникъ; за дочерью, сказываютъ, пять тысячъ приданаго далъ да и самъ живетъ въ холѣ, какъ баринъ, каждый годъ деньги въ Москву посылаетъ.

А такой же нашъ братъ, изъ мужиковъ взялся, Евстрата Трегубова сынъ. Да и не Евстрата сынъ, онъ вѣдь только по сказкамъ числится Евстратовымъ сыномъ, а настоящее дѣло вотъ какъ было. Извѣстно, чей бы бычокъ ни скакалъ, а теля-то наше.

И мудреное дѣло, какъ этотъ грѣхъ случился. Немало въ ту пору народъ дивовался. Тогда народъ проще жилъ, и такія дѣла за чудо были.

Бабушка Маланья, Петра Евстратьевича мать, и теперь жива, съ братомъ Ромашей живетъ. Сынъ къ себѣ сколько звалъ—не хочетъ. Я, говоритъ, мужичкой родилась, мужичкой и помру,—грѣха меньше. Покуда силишка есть—брату подсобляю, внучатъ покачаю, кое-что по домашнему приберу; а Петруша сильный сталъ, съ сильными грѣха больше.

Такъ и живетъ, отъ сына гостинцы получаетъ, благословенье ему въ письмѣ посылаетъ, и радость ея вся, что въ праздникъ

бѣленькимъ платочкомъ повяжется, чистенько приберется, костыликъ возьметъ, къ ранней обѣднѣ сходитъ, а послѣ полдней—кого грамотнаго зазоветъ къ себѣ, велитъ бумажку почитать. На бумажкѣ Сонъ Пресвятой Дѣвы Богородицы списанъ, ей богомолочка прохожая пожертвовала; а ужъ пуще всего любитъ, кто ей Псалтырь почитаетъ. Въ милостынѣ тоже у ней отказа нѣтъ, и переночевать всякаго человѣка пуститъ, и къ усопшему сама, безъ зова, идетъ. За то-то бабушку Маланью—не за сына, а за добродѣтель ея—и старый и малый въ деревнѣ теперь всѣ почитаютъ.

Что молодость-то значитъ! Теперь бы бабушка Маланья сама себя не узнала, какой она была лѣтъ сорокъ тому назадъ. Тогда ее и не бабушкой звали, а Маланька Дунаиха,—за то что она первая хороводница, плясунья, игрица первая на деревнѣ была. Худого за ней и тогда, до этого случая, ничего не было, только веселая, бой-баба была. Изъ деревни она была не изъ нашей, а изъ Маевки, сосваталъ ее Евстратовъ отецъ за сына по знакомству ли, или что невѣстъ своихъ не было, только чужая она. Старикъ еще въ порѣ былъ и на сына другую землю принялъ и жилъ исправно: лошадей головъ восемь было съ жеребцами, двѣ коровы, пчелки были (и теперь у нихъ ведется та же порода); барщина была по-Божьему, мýки не было; свекровь хозяйка настоящая была, одна за троихъ работала; кромѣ того, солдатка, ихняя сестра, съ ними жила, подсобляла. Такъ что молодайка нужды не видала.

По старинному порядку, выдали ее замужъ пятнадцати лѣтъ. Она была вовсе дѣвочка. Въ первое время, когда она, бывало, несла съ солдаткой ушатъ воды, то качается, какъ лозинка. И мужа своего совсѣмъ не любила, только боялась. Когда онъ подходилъ къ ней, она начинала плакать, щипать и даже кусать его. Такъ что первое время всѣ плечи, всѣ руки у него были въ синякахъ. Такъ она не любила его два года. Но такъ какъ баба она была красивая и смирная и изъ дому хорошаго, то ее не принуждали къ тяжелой работѣ, и она понемножку, года черезъ три или четыре, стала выравниваться, повыросла, раздобрѣла, разрумянилась, перестала бояться, стала привыкать, привыкать и такъ, наконецъ, привыкла, что плакала, когда отецъ его въ городъ усылывалъ.

Вошелъ къ нимъ въ избу разъ шутникъ Пётра и говоритъ:

— Вишь, по комъ вое, конопатаго-то чорта какъ жалѣя.

И хотѣлъ онъ съ ней поиграть.

— Конопатый, да лучше тебя, что ты чистый. А вотъ тебѣ что будетъ, — сказала она и ткнула его пальцемъ подъ носъ.

Бывало, пройти ей нельзя: всякій поиграть хочетъ; старики, и тѣ приставали. Со всѣми она смѣялась, а мужу вѣрна была, несмотря на то, что мужа часто дома не бывало. Въ работѣ первая баба была: въ покосъ ли, въ жнитво ли ухватку себѣ имѣла, что впереди всѣхъ, бывало, всѣхъ замучаетъ и домой идетъ—пѣсни поетъ, передъ хороводомъ пляшетъ.

— Что не рожаешь, буде гулять-то, — скажетъ, бывало, старуха. — Порадовалась бы, хоть внучку бы покачала, право.

— А развѣ я бы не рада,—скажетъ,—ужъ и то людей стыдно. Намеднись и то ребятницы изъ церкви пришли, молитву принимали, всего второй годъ замужемъ, и уже дѣти. Такъ у тѣхъ, небось, мужья дома живутъ.

Какъ вспомнитъ про мужа, опять завоетъ, начнетъ причитать. Извѣстно, годъ-другой погулять бабѣ не порокъ, ну, а какъ баба-то ражая, а дѣтей не рожаетъ, и народъ смѣяться станетъ.

Отъ этого-то Маланькѣ пуще тошно было, какъ свекоръ мужа услалъ. Старикъ старинный мастеръ былъ по колесной части и хорошихъ людей зналъ. Какъ Евстратка понялъ, его отецъ и сталъ посылать на заработки. А въ это самое лѣто, какъ грѣхъ-то случился, и вовсе его отдалъ за сто верстъ до самаго Покрова, а себѣ работничка нанялъ. Сына-то за сто двадцать рублей отдалъ, а работнику всего тридцать два рубля да рукавицы далъ,—такъ, извѣстно, расчетъ.

Скучно ей бывало безъ мужа. Дѣло молодое, рабочее, баба въ самой порѣ, жили же исправно и мясо ѣли; тотъ пристаетъ, другой пристаетъ, а мужа почти полгода не видать.

Придетъ ввечеру домой, поужинаетъ, схватитъ постель да къ солдаткѣ въ чуланъ.—«Страшно,— говоритъ,—Настасьюшка, одной».—Да еще все просится къ стѣнкѣ, «а то все,—говоритъ,—чудится, что вотъ-вотъ схватитъ кто меня за мои ноженьки».

II.

Петра и Павла отпраздновали; платки, сарафаны, рубахи дорогія попрятали бабы по сундучкамъ, а то пошли опять на пруду вальками стучать; гости разъѣхались, цѣловальникъ одинъ въ кабакѣ остался; мужики похмелились, у кого было; кто съ вечера, кто поутру косы поотбили, подвязали брусницы на обрывочки и, какъ пчелы изъ улья, посыпали на покосы. Повсюду по лощинамъ, по дорогамъ заблестѣло солнышко на косахъ. Погода стояла важная. До праздника дня за три мѣсяцъ народился погожій— серпъ крутой. Обмылся мѣсяцъ, и пошли красные дни. Покосы— время веселое, и теперь весело, а въ старину еще лучше того было. Разрядятся бабы, съ пѣснями на работу, съ пѣснями домой. Другой разъ, ночи короткія, винца возьмутъ, всю ночь прогуляютъ.

Пришелъ сейчасъ послѣ Тихона староста повѣщать. Старостой тогда Михеичъ ходилъ, молодой былъ, и своя хозяйка первая еще жива была, только ёрникъ насчетъ бабъ былъ. И мужчина бѣлый, окладистый, брюхо наѣлъ, въ сапогахъ, въ шляпахъ щеголяетъ. Приходитъ въ избу,— одна Маланька не одѣмши, босикомъ, дома была, въ печи убиралась; старикъ на дворѣ съ работниками на пахоту убирался, старуха скотину погнала, а солдатка на прудъ ушла. Сталъ къ ней приставать.

— Я тебя и на работу посылать не стану.

— А мнѣ что работа? Я, — говоритъ, — люблю на барщину ходить. На народѣ веселѣй. А дома все одно старикъ велитъ работать.

— Я, — говоритъ, — тебѣ платокъ куплю.

— Мнѣ мужъ привезетъ.

— Я мужа твоего на оброкъ выхлопочу; вѣдь ужъ я доложу приказчику, такъ все сдѣлаю.

— Не нужно мнѣ на оброкъ. Съ оброка-то голые приходятъ.

— Что жъ, — говоритъ, — это такое будетъ; долго мнѣ съ тобой мучиться?..

Оглянулся, что никого въ избѣ нѣтъ, да къ ней.

— Мотри, Михеичъ, не замай!

Какъ схватитъ ухватъ да какъ огрѣетъ его, а сама смѣется.

— Развѣ можно теперь. Вотъ хозяинъ придетъ, развѣ хорошо?

— Такъ когда же—съ работы?

— Ну, извѣстно, съ работы; какъ пойдетъ народъ, а мы съ тобой въ кусты схоронимся, чтобы твоя хозяйка не видала.

А сама на всю избу заливается, хохочетъ.

— А то, молъ, разсерчаетъ твоя Марфа-то, старостиха.

Такъ что и самъ не знаетъ староста, шутитъ ли, смѣется.

А тутъ старикъ вошелъ обуваться, а она все свое, и свекра не стыдится. Нечего дѣлать, повѣстилъ, какъ будто затѣмъ только приходилъ: бабамъ сѣно грести въ заклахъ, мужикамъ возить,—и пошелъ съ палочкой по другимъ избамъ. Кого и не слѣдуетъ, всѣхъ пошлетъ, кто и винца поставитъ, и то мало спуска даетъ, а Маланьку безо всего или вовсе отпуститъ или выбираетъ, гдѣ полегче. Только она за это ничего ему не покорялась, а все смѣется. «Приду», говоритъ. То же и съ другими. Мало ли ей въ это лѣто случаевъ было. Да и сама она говаривала: «Никогда такого лѣта не было». Сильная, здоровая, устали не знала, и все ей весело. Уберется, выйдетъ на покосъ—ужъ солнышко повзойдетъ изъ-за лѣсу, около завтрака; пойдетъ съ солдаткой, пѣсни заиграетъ.

Идетъ разъ такимъ манеромъ черезъ рощу,—покосъ на Калиновомъ лугу былъ. Солнышко вышло, день красный, а въ лѣсу еще холодокъ стоитъ, роса каплетъ. Птицы заливаются, а она пуще ихъ. Идетъ, платокъ красный, рубаха шитая, босикомъ, коты на веревочкѣ,—только бѣлыя ноги блестятъ да плечи подрагиваютъ. Вышла на поле, мужики господскую пашутъ. Много мужиковъ, сохъ двадцать на десяти десятинахъ. Гришка Болхинъ ближе къ дорогѣ былъ,—шутникъ мужикъ,—завидѣлъ Маланью, завернулъ вожжу, подошелъ поиграть; другіе побросали,—со всѣми смѣется. Такъ до завтрака пробалясничали бы, кабы не приказчикъ верхомъ.

— Что вы, сукины дѣти, такіе, сякіе, хороводы водить!

Рысью на нихъ запустилъ, такъ пашня подъ копытами давится,—грузный человѣкъ былъ.

— Вишь, дрянь, въ завтракъ на покосъ идетъ, я васъ!

Да какъ Маланьку призналъ, такъ и сердце прошло, самъ съ ней посмѣялся.

— Вотъ я, — говоритъ, — тебя мужицкіе уроки допахать заставлю.

— Что жъ, давай соху, я вышашу противъ мужика.

— Ну, буде, буде. Идите, вонъ еще бабы идутъ. Пора, пора гресть. Ну, бабы, ну!

Совсѣмъ другой сталъ.

Такъ какъ пришла на лугъ, стали всѣ порядкомъ, какъ пошла Маланька передомъ ряды раскидывать, такъ рысью, ажно смѣется приказчикъ, а бабы ругаются, что, чортъ, замучила. Зато, какъ пора обѣдать ли, домой, ужъ всегда ее къ приказчику посылаютъ; другіе ворчатъ, а она прямо къ начальнику, что, молъ, пора шабашить, бабы запотѣли, али какую штуку отмочитъ, и ничего.

Разъ какая съ ней съ приказчикомъ штука приключилась. Убирались съ покосами, стогъ кидали, а погода необстоятельная была, надо было до вечера кончить. За полдень безъ отдыха работали, и дворовые тутъ же были. Приказчикъ не отходилъ, за обѣдомъ домой посылалъ. Тутъ же, подъ березками, съ бабами сѣлъ. Только пообѣдалъ и говоритъ:

— Что, — говоритъ, — ты, кума Маланья (онъ съ ней крестилъ), спать не будешь?

— Нѣтъ, зачѣмъ спать.

— Поди-ка сюда, поищи мнѣ въ головѣ, Маланьюшка.

Легъ къ ней, она смѣется. Только бабы позаснули, и Маланьято задремала. Глядѣла, глядѣла на него, — красный, потный лежитъ, — и задремала. Только глядь, а онъ поднялся, глаза красные выкатилъ, самъ какой-то нескладный.

— Ты меня, — говоритъ, — приворотила, чортова баба!

Здоровый, толстый, схватилъ ее въ охапку, волочитъ въ чащу.

— Что ты, — говоритъ, — Андрей Ильичъ, нельзя теперь, народъ проснется, срамъ! Приходи,—говоритъ,—лучше послѣ. Отпусти раньше народъ, а я останусь.

Такъ и уговорила. А какъ отпустилъ народъ, она впередъ всѣхъ дома была. Сказывалъ парнишка, Андрей Ильичъ долго все за стогомъ ходилъ.

И это ея первая охота была, чтобы всякаго обнадежить, а потомъ посмѣяться.

Такъ-то, какъ пріѣхалъ баринъ въ самыя Петровки, былъ съ нимъ камердинъ, такая бестія продувная, что бѣда! Самъ, бывало, разсказываетъ, какъ онъ у барина деньги таскаетъ, какъ онъ барина обманываетъ. Да это бы все ничего, только насчетъ бабъ ужъ такой подлый, что страхъ! Сбирались его тогда мужики побить да и побили бы, да, спасибо, скоро уѣхалъ. А изъ нашего же брата. Полюбилась ему Маланья, сталъ тоже подъѣзжать, рубль серебра давалъ, синенькую давалъ, красненькую давалъ.

— Ничего, — говоритъ, — не хочу.

Такъ на хитрости поднялся. Старосту угостилъ, что ли, стакнулся съ нимъ. Весной еще было, молотили, темно начинали.

— Я, — говоритъ, — полѣзу на скирдъ, а ты и пошли складывать одну. Тамъ моя будетъ.

— Ладно.

Только влѣзла она на скирдъ, онъ къ ней.

— Постой, — говоритъ, — тутъ неловко.

Взяла снопы, раскидала, яму сдѣлала и его туда и столкни, а сама долой; лѣстницу сняла да на другой скирдъ; раскрыла, подаетъ. Разсвѣло уже, такъ сказала; то-то смѣху было! Бабы сбѣжались, портки съ него стащили, напихали хоботья и опять надѣли. Такъ все не пронялся, все старосту просилъ ее въ садъ посылать дорожки чистить. Тутъ-то на нее баринъ наткнулся. И не слыхать за нимъ этого прежде было. Видно, ужъ баба-то хороша была.

— Только, — разсказывала сама, — смотрю, идетъ баринъ, дурной, худой такой, чудно какъ-то все на немъ. Прошелъ, я за работу, скребу, только хотѣла отдохнуть, смотрю — опять по дорожкѣ идетъ. Дорожки тамъ густыя, крытыя. Ну, думаю, по своему дѣлу гуляетъ. Только покосилась на него, такъ и впился въ меня глазами. Такъ до обѣда покою не давалъ, все ходитъ, смотритъ. Такъ измучилась, что бѣда! На покосѣ легче. А не подходитъ.

Баринъ-то, видно, такъ на нее глядитъ, извѣстно—господинъ, дѣлать нечего, а она думаетъ — за работой смотритъ, такъ старается, что одна всю дорожку выскребла.

Только хорошо, идетъ этотъ камердинъ опять къ ней.

— Барину ты, — говоритъ, — больно полюбилась, велѣлъ притти вечеромъ въ ранжерею.

«Ладно,—думаетъ,—это все твои штуки, приду, дожидайся!»

— Мотри же!

— Сказано, приду.

Вечеромъ взяла скребку, пошла домой; только думаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ баринъ, пожалуй, звалъ. Зазвала солдатку, задами полетѣли къ ранжереѣ, смотрятъ — ходитъ. Солдатка какъ закричитъ по-мужицки,—такой голосъ она умѣла дѣлать:

— Кто тамъ?

Баринъ бѣжать. Бабы смѣялись, смѣялись, пришли домой, покатываются, всѣмъ разсказали.

На другой день опять въ садъ посылаютъ. Только поваръ пришелъ, говоритъ: такъ и такъ, ты, вѣрно, камердину не вѣришь, такъ онъ меня прислалъ, что взаправду онъ тебя хочетъ и непремѣнно велѣлъ приходить.

— Ладно, я, — говоритъ, — думала, что камердинъ, такъ пошутила, испугать хотѣла, а теперь приду.

Какъ работу кончила, такъ прямо въ домъ да на дѣвичье крыльцо.

— Что, молъ, тебѣ?

— Баринъ велѣлъ.

Вышла барыня.

— Чья ты?—говоритъ.—Какая ты,—говоритъ,—хорошенькая. Зачѣмъ тебя баринъ звалъ?

— Не могу знать.

Вызвали барина, красный весь пришелъ.

— Приди,—говоритъ,—послѣ съ отцомъ, а мнѣ теперь некогда.

А то разъ днемъ къ ней подошелъ, такое началъ говорить, что она не поняла ничего. Только хотѣлъ ее за руку взять, она какъ пустится бѣжать, и ушла отъ него.

Такъ-то она гдѣ хитростью, гдѣ обманомъ, а гдѣ силой.

Разъ поставили солдатъ къ нимъ въ избу. Извѣстно, всѣ вмѣстѣ спать легли. Почти рядомъ. Съ вечера юнкеръ, изъ господъ, что ли, свекра напоилъ. Какъ потушили свѣчу, полѣзъ къ ней. Такъ она его такъ огрѣла, что хотѣлъ жаловаться, чуть глазъ не выбила ему.

А то другой разъ офицеръ стоялъ, такъ тоже обѣщала, да замѣсто себя ночью солдатку подсунула.

III.

Такъ-то она никому спуску не давала. Мало того: кто къ ней не пристаетъ, такъ она сама пристанетъ, раздразнитъ да и посмѣется.

— Не сдобровать тебѣ, повѣса, наскочишь, — бывало, скажешь ей.

— А что жъ,—скажетъ,—коли они меня любятъ, развѣ я виновата. Что жъ, плакать, что ль? Отчего жъ не посмѣяться.

Былъ у нихъ въ это лѣто работникъ, Андреемъ звали, изъ Телятенокъ онъ былъ, Матрюшки Караваихи сынъ. Теперь онъ большимъ человѣкомъ сталъ, а тогда бѣднѣе ихъ двора по всей окружности не было. Отъ бѣдности отдали малаго, а сами Богъ знаетъ какъ перебивались.

Андрюшка тогда былъ вовсе мальчишка, годовъ шестнадцати-семнадцати. Длинный, худой, вытянулся, какъ шалашъ; куда хочешь шатни, силишки вовсе не было. И какъ онъ работалъ, Богъ его знаетъ, изъ послѣднихъ силъ выбивался. Малый же старательный, смирный. Хозяина пуще станового боялся. Да и всякаго старшаго мужика уважалъ. Бывало, въ праздникъ чужой за виномъ пошлетъ, — бѣжитъ, старается.

А ужъ съ бабами или съ дѣвками,—ну да дѣвки у насъ какія,— поиграть — этого отъ него никогда не видно было. Какъ красная дѣвушка, зарумянится и сказать въ отвѣтъ ничего не умѣетъ, коли съ нимъ баба пошутитъ. Лицомъ, правда, чистый, аккуратный былъ, глаза свѣтлые, волосы русые, ну да все какой красавецъ; такъ — работникъ, мальчишка, армячишка платаный, рубашонка посконная, въ дырьяхъ, шляпенку какую-то у ямщиковъ старую вымѣнялъ, босикомъ али въ лаптишкахъ, и тѣ самъ сплелъ, вся и обувь была.

Такъ вѣдь и работнику лядащему покоя не дала, совсѣмъ одурила малаго. Онъ самъ сказывалъ.

— Пришелъ я,—говоритъ,—въ домъ, боюсь, страхъ! Хозяинъ ничего, указалъ все, велѣлъ, что работать; когда на барщину пошлетъ, когда съ собой возьметъ; косить или что не принуждаетъ, пожалѣетъ; что самъ ѣстъ, то и мнѣ даетъ; старуха тоже молочка

другой разъ дастъ. Попривыкъ къ нимъ, только молодайки пуще всѣхъ боялся. Богъ ее знаетъ, что ей отъ меня нужно было. Запрягать ли начну или за соломой скотинѣ на гумно пойду, подскочитъ, вырветъ изъ рукъ.—Вишь,—говоритъ,—телятенскій увалень, коли поворотится, коли что!—И сама начнетъ, да такъ-то живо, скоро все сдѣлаетъ, засмѣется, уйдетъ. А то за обѣдъ или за ужинъ сядемъ, боюсь все чего-то, глазъ не поднимаю; гляну на нее, а она все на меня косится, подмигнетъ другой разъ, смѣется. А то пройдетъ, ущипнетъ, а сама какъ ни въ чемъ не бывало. Пойдутъ съ солдаткой на амбаръ спать.

— Андрюшка, а Андрюшка! — слышу, зовутъ. Подойду.

— Чего?

— Кто тебя звалъ?

И заливаются, смѣются.

Проснулся разъ, въ саняхъ на дворѣ спалъ; что бабы помираютъ, смѣются, на меня глядя?

— Заспался,—говорятъ,—поди, хозяинъ зоветъ.

Пришелъ.

— Что ты, — говоритъ, — измазался, хоть помылся бы, табунъ шарахнется, настоящій чортъ; на, поглядись въ зеркальце.

Всего сажей испачкали.

Поѣхали разъ за сѣномъ въ Кочакъ, хозяинъ послалъ, съ бабами. Только сгребли въ валы, копнить стали. Баба такъ и кипитъ, подпрыгиваетъ съ вилками, пуда по три на граблю захватитъ, и Андрюха съ ними. Только скопнили послѣднюю, жарко, мочи нѣтъ, запотѣли. Андрюха навилину послѣднюю наложилъ, влѣзъ на копну, топчетъ.

— Что ты, — говоритъ, — никогда съ бабами не играешь?

— Нѣтъ, чего играть, копнить надо.

— И не знаешь, какъ?

— Не знаю.

— Хочешь, я поучу?

Онъ молчитъ. Схватила его, повалила его подъ себя и ну мять, а солдатка на нихъ сѣна навалила да и сама навалилась.

— Мала куча! — кричитъ.

Андрюха вывернулся изъ-подъ нея, ухватилъ за голову и ну цѣловать, такъ осмѣлился. Такъ разсерчала.

— Вишь, сволочь, работничишка, цѣловаться лѣзетъ губищами своими погаными.

Вскочила, такъ засрамила, что бѣда! Малый совсѣмъ ошалѣлъ. Пришелъ домой, ничего не понимаетъ, что хозяинъ велитъ. Хозяинъ любилъ его, такой малый смирный, усердный, что поискать.

— Что, молъ, съ Андрюхой сдѣлалось, ужъ не умираетъ ли?

— Какъ же, умираетъ, онъ все съ бабами играетъ. Пора умирать гладуху такому самую рабочую пору. Вотъ и я умирать стану.

Пуще малаго засрамила, что хоть бѣжать, мочи ему не стало. Приворожила его совсѣмъ послѣ этого раза. Что какъ бы только посмотрѣть на нее, а самъ боится пуще начальника какого. Боится, а ночи не спитъ, днемъ не спитъ, все за ней ходитъ.

Разъ на покосѣ, у Воронки, вмѣстѣ мужики и бабы были, косили заклы, а бабы гребли на Калиновомъ лугу. Пошли бабы купаться въ обѣдъ и мужики тоже; мужики съ одной стороны, бабы съ другой—рѣки. Тишка шестипалый, даромъ что женатый, шутникъ былъ, подплылъ къ бабамъ, началъ топить.

— Платокъ замочу,—кричитъ,—брось, чортъ, чуть не захлебнулась.

Откуда ни вывернулся Андрюшка да къ Тишкѣ:

— Что ты ее топишь.

Подрались было.

Какъ завидитъ, Маланья купаться пойдетъ, залѣзетъ въ камыши, смотритъ. Разъ его бабы застали, повыскочили изъ воды, такъ въ рубахѣ въ воду втащили. Совсѣмъ одурѣлъ малый, только пища-то не очень сытная, чаемъ не поили, да и работа день-денской, а какъ вечеръ, такъ въ ночное съ старикомъ, такъ некогда о пустякахъ-то думать было. Особенно съ того раза, послѣ покоса-то, она его осрамила, ничего ужъ онъ съ ней не говорилъ. «Что бы ни дѣлала, не буду говорить, виду показывать». Хорошо.

Погода всѣ покосы въ этотъ годъ стояла важнѣйшая. Не сѣно, а чай убирали; наканунѣ скосятъ, а на другой день въ валы гребли. Барское все убрали, и свое мужички посвозили,—тогда угодій много было,—возовъ по шести на брата привезли, и еще дальній покосъ въ рощѣ оставался, воза по два, да еще подрядилъ дворникъ нашу барщину исполу убрать, казенные луга,—онъ ихъ нанималъ.

Барщина у насъ большая была, и затяглыхъ много. Взялись такіе, у которыхъ лишній народъ былъ. У старика Евстратова работникъ былъ да солдатка, такъ самъ съ старухой на барщину ходилъ; а Андрюху съ Маланьей послалъ къ дворнику.

Верстъ за девять отъ деревни дворниковъ покосъ былъ. Наканунѣ еще мужики пошли, скосили, на другой день бабы пріѣхали. Собралось косъ двадцать, заложили телѣги, забрали хлѣба, квасу, огурцовъ, котелочки, крупъ и поѣхали на недѣлю. Всю дорогу пѣсни, смѣхи; бабы, мужики человѣкъ по десяти въ телѣгу насѣли. Андрюха своего хозяйскаго пѣгаго меринка заложилъ,—первая лошадь въ деревнѣ была (и теперь заводъ этотъ у нихъ ведется),—уложилъ косы, у другихъ ребятъ взялъ, бабы—грабли, котелки, сѣлъ съ бабами, какъ князь съ княгиней ѣдутъ. Даже народъ смѣется. Выѣхали на большую дорогу. Сталъ народъ перегоняться. Маланья говоритъ:

— Пошелъ!

— Хозяинъ не велѣлъ.

— Вишь попъ какой! Валяй!

— Смотри, я отвѣчать буду, а не ты.

— Ну, пошелъ!

Вырвала у него вожжи.

— Ну, сама дѣлай!

Взялъ слѣзъ, пошелъ пѣшкомъ. Такое сердитое лицо сдѣлалъ. Какъ пріѣхали мужики, изъ себя же старосту выбрали, показалъ мѣсто, живо лошадей поотпрягли, поспутали, ящики посняли, загородили, деревья понаололи, шалашики подѣлали, сѣнцомъ покидали, пошла работа. Андрей приходитъ.

— Гдѣ,—говоритъ,—меринъ?

— А я почемъ знаю? Развѣ я работница? Ты бы ломался.

— Что съ бабами говорить.

Махнулъ рукой, пошелъ у мужиковъ спрашивать. Обидѣлась Маланья, ничего не сказала. «Постой, я те вымещу», думаетъ. Пошла работа: бабы въ валы гребутъ, пѣсни поютъ; мужики за ними копнятъ вилами. Старикъ-дворникъ пріѣхалъ, шутитъ съ народомъ.

— Пожалуйста, братцы, постарайтесь,—говоритъ,—погода не устоитъ, вамъ же хуже.

— Винца полведра поставь.

— Ладно,—говоритъ.

Такъ любо - дорого смотрѣть, какъ работа пошла. Въ обѣдъ полчаса вздохнули, опять за дѣло. На барщинѣ того бы въ три дня не сработали. Весело, дружно. Одному только Андрюхѣ пуще другихъ дней тошно. «Расчетъ возьму,—думаетъ,—пойду къ матушкѣ, скажу—на дорогѣ наймусь».

А самъ все на Маланью смотритъ. Подъ горой, видать, она передомъ по косогору идетъ, и ногой и граблей подкидываетъ сѣно, въ два аршина загребаетъ, сама пѣсню поетъ, а не то—гогочетъ, на всю рощу заливается. На него и не посмотритъ ни разу. Еще ему тошнѣе того. «Нѣтъ, бросить надо,—думаетъ себѣ,—не тотъ я человѣкъ».

Пришли къ телѣгамъ, ужъ темно, поужинали, винца выпили. Маланья Андрюшкѣ слова не сказала. Которые старики спать полегли. Бабы по стаканчику выпили, такъ-то раскуражились, что и спать не хотятъ. Стали хороводы водить. Старикъ-дворникъ съ ними; еще за виномъ послали. Андрюхѣ грустно еще пуще того: все народъ богатый да и свой, а онъ чужой, работникъ; вина же онъ не пилъ и привыкать не хотѣлъ. Взялъ армячишко, ломоть хлѣба отложилъ, пошелъ въ сторону на копну, у березы стояла. Сѣно не готово еще было, сгребли только отъ росы, завтра разваливать опять хотѣли, на погоду глядя. Сѣно сырое, зеленое еще, пахучее.

Поскидалъ верхъ сырой, крупный, лѣсное сѣно, постелилъ армякъ, легъ; такъ-то ему грустно, грустно стало. Тамъ, изъ-за лѣсу, бабы кричатъ, смѣются, ребята за ними гоняются, Маланькинъ голосъ слышно, дымокъ до него доноситъ вѣтеркомъ, а на небѣ чисто, чисто, звѣздочки дрожатъ. Легъ навзничь, какъ ни усталъ, сталъ на звѣзды смотрѣть. И лѣскомъ затихло все, а ему все не спится. Со скуки сталъ пѣсню пѣть. Только, что такое копна шевелится?

— Кто тутъ?

Глядь, бабы.

— Кто ты, чего?

Узналъ — солдатка съ парнемъ прошла въ кусты, другая. Баба и есть, Маланья. Взяла, ничего не говоримши, подошла къ нему, сѣла на копну.

— Это я. Что пересталъ? Пой, Андрюша.

Андрюшка заробѣлъ, хочетъ пѣть — какъ будто голосъ пропалъ.

— Что жъ ты, пой. — Взяла, за рукавъ дергаетъ. — Я люблю эту пѣсню. Наскучили мнѣ мужики, я отъ нихъ ушла. Пой же.

— Ну... Оставь.

— Что тебѣ, скучно?

Молчитъ.

— Чего тебѣ скучать? Вотъ мнѣ безъ мужа такъ скучно, а тебѣ что? Сытъ, сухъ, чего тебѣ еще?

— Что тебѣ въ мужѣ, у тебя и безъ мужа много.

— Не милъ мнѣ никто, Андрюша. Тошно, скучно мнѣ, мочи моей нѣтъ. Не милъ мнѣ никто, окромѣ мужа. А что же ты съ бабами не играешь?

— Что жъ, я чужой, у васъ своихъ ребятъ много.

— Ты серчаешь на меня?

— Нѣтъ, за что жъ.

— Экой ты горькій, право, посмотрю я на тебя, нелюбимый ты, право. А за мерина разсерчалъ?

— Нѣтъ, Маланьюшка, я тебѣ всю правду скажу... Ты меня оставь, что я тебѣ?.. Я работникъ... А то совсѣмъ глупъ сталъ... Вѣдь самъ себѣ не властенъ... Я на тебя и не смотрѣлъ прежде... Мало ли, кажется, другихъ бабъ на деревнѣ... Право, ты оставь... А что скучно, такъ дома давно не былъ...

— А что жъ, женить скоро?

— А Богъ знаетъ.

— Я бы за тебя пошла.

Андрюшка помолчалъ. Въ кустахъ зашумѣло и свистнулъ кто-то. Андрюха засмѣялся.

— Вишь, Настасья хозяина нашла

— Я бы пошла за тебя.

Маланья встала и сѣла на колѣни къ Андрюхѣ, обѣими руками взяла его за щеки и поцѣловала.

— Никто мнѣ не милъ, никто мнѣ не милъ.

Изъ кустовъ зашевелилось, она вскочила и побѣжала къ солдаткѣ.

— Что ты со мной дѣлаешь, что ты со мной сдѣлала?—сказалъ Андрюха и ухватилъ ее за руку. Но она вырвалась.

— Брось, вишь народъ идетъ, увидитъ.

Андрюха не спалъ ночь, а она съ солдаткой пришла къ телѣгамъ и завалилась спать посередь бабъ и заснула, какъ мертвая, ничего не слыхала, не видала.

Андрей долго сидѣлъ на копнѣ, слушалъ, рыскалъ около телѣгъ, но Маланья не встала. Слышалъ онъ только, какъ собака лаяла на станціи, какъ пѣтухи закричали, птицы проснулись, мужики пришли, смѣнились изъ ночного, какъ роса холодная покрыла землю и сѣно. Онъ самъ не помнилъ, какъ заснулъ.

На восходѣ его разбудили.

Маланька была такая же, какъ всегда, какъ будто ничего не было.

IV.

Какъ роса посошла, позавтракали, принялся народъ опять за работу. Самая веселая работа подошла — возить, въ стогъ метать; кто поѣхалъ хворосту на падрину рубить, кто телѣги запрягалъ, кто копны разваливалъ, кто жребій кидаетъ.

День былъ красный, и старики говорили, что, по примѣтамъ, не устоять: росы мало было, табакъ у дворника въ тавлинкѣ къ крышкѣ прилипъ, ласточки низомъ летали, и мгла въ воздухѣ была, издали все синѣло, такъ-то парило, что силъ не было.

До обѣда ужъ порядочный стогъ скидали, съ телѣгъ подавать стали и за большими вилами послали — не доставало. На скирду трое подавальщиковъ, двое съ каждой стороны, одинъ очесываетъ. Дворнику сначала клали. Онъ самъ распустилъ поясокъ, тоже подаетъ, брюхо толстое, такъ и льетъ съ него.

Бабъ возить заставили. Маланька съ солдаткой возятъ. Только привезетъ, на возу сидитъ, мужики закрутятъ, валятъ, чтобъ ее свалить, только успѣвай соскакивать, а то вывалятъ съ сѣномъ,— то-то смѣху! Разъ не поспѣла — вывалили. Андрюха въ подавальщикахъ былъ со мной. Хоть наша сторона полегче была, въ тѣни, а замаялся мой малый безъ привычки, такъ что стыдъ. Ну, извѣстно, передъ народомъ старается не отстать, навилитъ, навилитъ,—особо, какъ бабы смотрятъ,—перегнется, перехватитъ другой разъ не подъ силу, ну, подымешь. Пойдетъ, ноги подламываются, навилина надъ головой, сверху на потное лицо сухія травки сыплются,

липнутъ. Тутъ зависть, чьи скорѣе подаютъ. «У насъ больше!» И шумъ, и смѣхъ, и работа-то, и запахъ,—какъ одурѣлый сдѣлаешься. А дворникъ все подгоняетъ: тучки собираются. Что подгонять,—дѣло свое; стараются изъ послѣдней моченьки. Къ обѣду скидали одинъ стогъ, вывершали, веревку перекинули, спустились. Андрюха пошелъ и рукъ не чуетъ. Чуть вздремнули,—другой кидать стали. Охапками сначала живо идетъ по зеленому листу падрины, потомъ выше, выше наши бабы зароются,—бѣда! Тучки же заходятъ.

— Братцы, кидай пупомъ, живо ведро поставлю!

То-то закипѣло! А тучка ближе, ближе, вѣтеръ поднялся. Залѣзъ наверхъ дворникъ, на него кидать пошли; борода развѣвается, не успѣетъ огребать, завалили совсѣмъ; вылѣзетъ, опять завалятъ.

— Давай еще!

— Принимай!

— Вали съ бабой! Круче вывершивай, отопчи, одергивай сверху! Еще осталось много ли?

— Двѣ копны за кустами.

Бабамъ ѣхать пришлось,—не знаютъ, говорятъ. Андрюха мой, вижу, ослабѣлъ вовсе, бьется да ужъ какъ листъ дрожитъ.

— Ступай, ты знаешь.

А вѣтеръ сильнѣй, сильнѣй, тучка такъ и надвигаетъ, борода и рубаха у дворника треплются, какъ на скворешницѣ. Обтеръ потъ Андрюха, полѣзъ въ телѣгу.

— Давай бабу еще наверхъ!—кричитъ.

— Намъ давай!

Послали солдатку. Одернули съ колесъ сѣно. Маланька встала, ухватилась за вожжи, только ноги да груди подрагиваютъ. Андрей, какъ кулекъ какой, черезъ кочки треплется. За кусты поѣхали. Подъѣхали, слѣзъ навивать Андрюха; баба на возу принимать осталась, только посмѣивается, глядя на него, ничего не говоритъ, охапками укладываетъ по грядкамъ, на него поглядываетъ. Хотѣлъ онъ навилину подать, подкосились ноги, упалъ на сѣно, моченьки не стало, заработался, пересталъ навивать.

— Что жъ ты? Али спать?

— А вотъ убью себя. Душегубка ты, вотъ что,—злодѣйка. Да, убью тебя и себѣ конецъ сдѣлаю.

Баба смѣется... только глядь, онъ — какъ полотенце бѣлое. Соскочила къ нему.

— Что ты, Андрей, аль одурѣлъ, али испортили?

Схватилъ се за рученьки.

— Не мучай ты меня, Маланьюшка, мочи моей не стало. Али прогони ты меня съ глазъ своихъ ясныхъ, не вели ты мнѣ жить на бѣломъ свѣту, али пожалѣй ты меня сколько-нибудь. Знаю я, что не мнѣ чета за тобой ходятъ, и хозяинъ у тебя—мужикъ хорошій... Не властенъ я надъ собою. Умираю люблю тебя, свѣтъ ты мой ясный!

А самъ ухватилъ ее за руки, заливается плачетъ.

— Вишь, силы нѣтъ навивать, а влипъ, какъ репейникъ; брось, ишь, что выдумалъ. Брось, говорятъ, вотъ я хозяину скажу.

— Да вѣдь ты сама... Зачѣмъ ты вчера меня цѣловала?

— Вчера хотѣлось, а нынче работать нужно. Ну, вставай, брось. Нынче ночь наша будетъ.

— Правда, Маланьюшка?

— А то развѣ лгать буду. Правда, что ночь будетъ. Вишь, дождикъ, ну!

Нечего дѣлать, очнулся кое-какъ, навилъ возъ, перекинулъ веревку, поѣхали. Идетъ подлѣ.

— Не обманешь?

— Вѣрно.

А сама смѣется.

Скидали возъ, только успѣли, а дождикъ краплетъ. Живо подъ телѣги забился народъ, шабашъ! Дворниково сѣно убрали, свое осталось. Дѣлать нечего, пошелъ народъ по домамъ. Вѣдь догадалась же, шельма, Андрея оставила съ телѣгой, сама съ солдаткой домой пошла. Только вышла, Никифоръ, что съ солдаткой жилъ, къ нимъ. Отстала солдатка, Маланька одна домой пошла.

Дождичекъ прошелъ, солнышко проглянуло, итти лѣсомъ. Маланька разулась, подобрала паневу на голову, идетъ, ноги бѣлыя, стройныя, лицо румяное; ну, какъ ни приберется, все красавица, красавица и есть.

Тутъ ее, видно, Богъ и наказалъ за всѣ шутки и за Андрюху.

Дворникъ сѣно гуртовщику запродалъ, а гуртовщика-то въ этотъ самый день звалъ на покосъ сѣно посмотрѣть. Идетъ Ма-

ланька черезъ поляну, о чемъ думаетъ, Богъ ее знаетъ: и солдатка тутъ съ Никифоромъ въ головѣ и Андрюха. Сама ушла, и жалко ей крѣпко Андрюху, и все идетъ. Видитъ — ей навстрѣчу человѣкъ на конѣ верхомъ ѣдетъ. Кафтанъ купеческій, картузъ, изъ кафтана рубаха александринская, сапоги козловые, конь низовой, молодецкій, и на конѣ сѣдокъ, изъ себя молодчина, орелъ, одно слово сказать; толстый, румяный, чернобровый, волоса черные, кудрявые, бородка, усы чуть пробиваются. Ѣдетъ, трубочку, мѣдью выложенную, покуриваетъ, плеткой ременной помахиваетъ. Изъ себя, сказать, что красавецъ, кто его ни зналъ. Маланька не видывала его въ жизни, а мы такъ коротко знали Матвѣя Романовича, гуртовщика. Такой шельмы другой, даромъ что молодой, по всей губерніи не было. Насчетъ ли бабъ, дѣвокъ—обмануть, скотину чумную спустить, лошадьми барышничать, рощицу гдѣ набить, отступного взять, — дошлый былъ, даромъ что годовъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, и отецъ такая же каналья.

— Здравствуй, тетушка, куда Богъ несетъ?

А самъ поперекъ дороги сталъ.

— Домой идемъ, что дорогу загородилъ? Я и обойду.

Повернулъ лошадь, за ней поѣхалъ. Посмотритъ на него баба,—«орелъ,—думаетъ,—это не Андрюхѣ чета».

— Какъ тебя зовутъ, молодайка?

— А тебѣ на что?

— А на то, чтобы знать, чья такая красавица-бабочка.

— Какая ни есть, да не про тебя. Нечего смѣяться-то.

— Да я для такой бабочки и ничего не пожалѣю. Какъ звать?

— Маланьей. Чего еще нужно?

Онъ опять дорогу загородилъ, слѣзать сталъ.

— Мотри! — да граблями на него.

— А по отчеству какъ?

— Родивоновна.

Слѣзъ, пошелъ съ ней рядомъ.

— Ахъ, Маланья Родивоновна, хоть бы поотдохнула минуточку, ужъ такъ ты мнѣ полюбилась.

А Маланька какъ чуетъ чего недобраго, и лестно ей, и любо, и жутко, все скорѣе шагу прибавляетъ.

— Ты своей дорогой ступай, а я своей. Вотъ мужики сзади ѣдутъ. Тебѣ дорога сюда, а мнѣ туда.

— Маланья Родивоновна, мнѣ, — говоритъ, — за тобой не въ тягость итти.

Взялъ изъ кармана платокъ красный досталъ, ей подаетъ.

— Не нужно мнѣ отъ тебя ничего, брось!

— Матушка, красавица, Машенька, — говоритъ, — что велишь, то и сдѣлаю, полюби только меня! Увидалъ тебя, не знаю, что надо мной сдѣлалось. Красавица ласковая, полюби ты меня!

И Богъ знаетъ, что съ нею сдѣлалось, такая бой - баба съ другими. Только потупилась, молчитъ и сказать ничего не умѣетъ. Схватилъ онъ ее за руки.

— Негаданная, незнатая ты моя красавица, Марья Родивоновна, полюбилъ я тебя, что силы моей нѣту. Десять мѣсяцевъ дома не бывалъ.—Самъ блѣдный, какъ полотенце, сталъ, глазами блеститъ.— Мочи моей нѣтъ. — Сложилъ руки такъ-то. — Богомъ прошу тебя, — голосъ дрожитъ, — постой на часъ, сверни ты съ дороги. Марья Родивоновна! утѣшь ты мои тѣлеса! Я чужой, и стыдъ съ собой увезу.

Растерялась, только и сказала:

— Ты чужой, я тебя не знаю.

Да какъ схватитъ ее на руки,—мужикъ здоровый,—понесъ ее сердешную . . . . . .

Разузналъ все объ ней, гдѣ дворъ и гдѣ ночуетъ, вынулъ кошелекъ изъ пазухи, досталъ цѣлковый-рубль, далъ ей. Взвыла баба:

— Пожалѣй ты меня, не срами.

— Вотъ тебѣ,—говоритъ,—моя память, а завтра какъ темно, такъ я засвищу на задворкахъ.

Проводилъ ее до выхода изъ лѣсу, сѣлъ на коня и былъ таковъ.

V.

Пришла домой,—старикъ, старуха ничего не знаютъ, не вѣдаютъ, а видятъ — баба другая стала. Ни къ чему не возьмется, все куда-то бѣгаетъ. А Андрюхѣ еще тошнѣе стало. Пришелъ онъ разъ къ ней на гумно, сталъ говорить, такъ какъ на злодѣя напустилась, остервенилась вовсе, заплакала даже.

— И не смѣй ты говорить мнѣ ничего, навязался, чортъ, пошутить нельзя,—заплакала даже, — отъ тебя мнѣ горе все.

Ничего не понялъ, еще тошнѣе стало Андрею, а все уйти силы нѣтъ. Хотѣлъ отецъ его на другое мѣсто поставить, много лишковъ давали, такъ нѣтъ,—говоритъ,—я даромъ здѣсь жить стану, а въ чужіе люди не пойду.

Тутъ, съ этого покоса, и погода перемѣнилась, дожди пошли безпрестанные; которая мужицкая часть осталась, такъ и сопрѣла въ лугахъ, кое-что высушили по рогамъ. Съ утра и до вечера шло, грязь; ни пахать — изъ рукъ соха вырывается, лужи размокаютъ,— ни сѣно убирать, ничего.

Идетъ разъ Андрюха въ ригу на барщину, по лужамъ поскользается, шлепаетъ; видитъ, баба, накрымшись платочкомъ, съ хворостиной, голыми ногами по грязи ступаетъ — корову Маланька искала. Дождь такъ и льетъ, какъ изъ ведра, цѣлый день, скотину въ полѣ не удержать пастухи. Смотритъ,—гуртовщикъ идетъ, поровнялся съ ней.—Нынче,—говоритъ. Маланька голову нагнула. «Такъ вотъ кто!» думаетъ Андрей.

Андрей пришелъ домой, спать не могъ, все слушалъ. Слышитъ, свистнулъ кто-то за гумнами, Маланька выскочила, побѣжала. Пришелъ Андрей къ овину, видитъ—мужикъ чужой.

— Ты кто?

— Работникъ.

— Не сказывай, на двугривенный, что дѣлать.

Только не Андрей одинъ узналъ; стали замѣчать по деревнѣ: часто наѣзжаетъ гуртовщикъ Матвѣй,—съ солдаткой бѣгаетъ. Ну, да мало ли что говорятъ, вѣрнаго никто не зналъ.

Пріѣзжаетъ разъ Евстратъ ночью. Слышалъ ли онъ или такъ, — бабы нѣтъ. — Она, — говорятъ, — на гумно пошла.—Пошелъ въ овинъ. Голоса... Задрожалъ даже весь. Въ сарай — глядь: сапоги.

— Эй, кто тамъ?—да дубиной какъ треснетъ. Гуртовщикъ въ ворота да бѣжать.

Маланька выскочила въ рубахѣ одной да въ ноги.

— Чьи сапоги?

— Виновата.

— Ладно жъ, ступай въ избу.

А самъ сапоги взялъ, понесъ. Легъ спать одинъ. Утромъ взялъ чрезсѣдельню, свилъ, видитъ Андрей, зазвалъ бабу въ

чуланъ, ну жучить; что больше бьетъ, то больше сердце расходится.—Не гуляй, не гуляй!—За волоса да объ земь, глазъ подбилъ. А она думаетъ: «Въ брюхѣ-то что сидитъ, не выбьешь».

Мать стала просить. Какъ крикнетъ: «Кто меня учить съ женой будетъ!» что мать застыдилась, прощенья просить стала.

Запрягъ лошадь, поѣхалъ съ Андреемъ пахать. Сталъ допрашивать. — Ничего не знаю. — Пріѣхалъ домой, отпрягъ, баба ужинать собираетъ,—летаетъ, не ходитъ; умылась, убралась, синякъ видно, и не смѣетъ взглянуть. Поужинали. Старики пошли въ чуланъ. Легъ Евстратъ на полати, къ краю, ничего не говоритъ.

— Туши лучину.

Потушила. «Что будетъ дѣлать?» думаетъ. Слышитъ, разувается. Ладно. Видитъ, прошла мимо окна.

Вѣдь шесть мѣсяцевъ дома не былъ, да и побилъ. Такъ-то мила она ему. Подлѣ него зашевелилась молча. Приподняла армякъ, какъ прыгнетъ къ нему, какъ козочка, въ одной рубахѣ, обняла, чуть не задушила.

— Не будешь?

— Не поминай!

Съ тѣхъ поръ и забыла думать о гуртовщикѣ. А Евстратъ сапоги продалъ за пять рублей и смѣялся часто:

— Не попался онъ, я бы съ него и армякъ снялъ.

А Андрюха дожилъ до Покрова и пошелъ домой и долго все не забывалъ, а тутъ на него землю приняли, женили. Черезъ девять мѣсяцевъ Маланья родила, выпечатала въ гуртовщика, и любимый ея былъ сынъ старшій этотъ самый Петрушка [1]).

Ранѣе 1862 г.

[1]) См. примѣчаніе 6-е.

„И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“.

ДРАМА ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ [1].

[1] См. примѣчаніе 1-е.

Фот. В. Черткова.

Левъ Николаевичъ въ Кочетахъ.
(Май 1910 г.).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Николай Ивановичъ Сарынцовъ.
Марья Ивановна Сарынцова, его жена.
Люба, ихъ дочь.
Степа, Ваня } сыновья ихъ.
Мисси, ихъ дочь.
Маленькія дѣти Сарынцовыхъ.
Александръ Михайловичъ Старковскій, женихъ Любы.
Митрофанъ Ермилычъ, учитель Вани.
Гувернантка Сарынцовыхъ.
Анна Ивановна Коховцева, сестра Марьи Ивановны.
Петръ Семеновичъ Коховцевъ, ея мужъ.
Лизанька, ихъ дочь.
Няня Сарынцовыхъ.
Лакеи Сарынцовыхъ.
Княгиня Черемшанова.
Борисъ, ея сынъ.
Тоня, ея дочь.
Дѣвочка, ея дочь.
Молодой священникъ.
Иванъ Зябревъ, мужикъ.
Малашка, его дочь, съ малымъ.
Баба, его жена.
Петръ, мужикъ.
Сотскій.
Отецъ Герасимъ, священникъ.
Нотаріусъ.
Столяръ.
Генералъ.
Адъютантъ генерала.
Полковникъ.
Писарь полковой канцеляріи.

Часовой.
Двое конвойныхъ.
Жандармскій офицеръ.
Писарь жандармскаго офицера.
Полковой священникъ.
Старшій докторъ отдѣленія для душевно-больныхъ въ военномъ госпиталѣ.
Младшій докторъ того же отдѣленія.
Сторожа того же отдѣленія.
Больной офицеръ.
Таперъ.
Графиня.
Александръ Петровичъ.
Мужики, бабы.
Студенты дамы. Танцующія пары.

ДѢЙСТВІЕ I.

Сцена представляетъ крытую террасу въ деревнѣ въ богатомъ домѣ. Передъ террасой — цвѣтникъ, lawn - tennis и крокетъ - граундъ. На крокетѣ играютъ **дѣти** съ **гувернанткой**. На террасѣ сидятъ: **Марья Ивановна Сарынцова**, 40 лѣтъ, красивая, элегантная; ея сестра, **Александра Ивановна Коховцева**, 45 лѣтъ, толстая, рѣшительная и глупая, и ея мужъ, **Петръ Семеновичъ Коховцевъ**, въ лѣтнемъ платьѣ, толстый, обрюзгшій, въ pince-nez. Сидятъ за накрытымъ столомъ. Самоваръ и кофе. Пьютъ кофе, и **Петръ Семеновичъ** куритъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна, Александра Ивановна *и* **Петръ Семеновичъ.**

Алекс. Иван. Если бы ты мнѣ была не сестра, а чужая, и Николай Ивановичъ не твой мужъ, а знакомый, я бы находила, что это оригинально и очень мило, и можетъ-быть, сама бы поддакивала ему. J'aurais trouvé tout ça très gentil [1]). Но, когда я вижу, что твой мужъ дуритъ, прямо дуритъ, то я не могу не сказать тебѣ, что думаю. И ему скажу, твоему мужу. Je lui dirai son fait, au cher [2]) Николаю Ивановичу. Я никого не боюсь.

Марья Иван. Да я нисколько не обижаюсь, развѣ я не вижу сама. Но только я не думаю, чтобы это было такъ важно.

Алекс. Иван. Да ты не думаешь, а я тебѣ скажу, что если ты оставишь все такъ, то вы останетесь нищими, du train que cela va [3]).

Петръ Семен. Ну ужъ нищими, съ ихъ состояніемъ.

Алекс. Иван. Да, нищими. Ты, мой милый, пожалуйста, не перебивай меня. Для тебя, что̀ мужчины дѣлаютъ, то всегда хорошо...

---

[1]) Я бы находила это очень милымъ.

[2]) Я ему скажу всю правду, дорогому.

[3]) Судя по тому, какъ идетъ дѣло.

Петръ Семен. Да я не знаю, я говорю...

Алекс. Иван. Да ты всегда не знаешь, что ты говоришь, потому что если ваша братья, мужчины, начнутъ дурить, il n'y a pas de raison que ça finisse [1]). Я только говорю, что я на твоемъ мѣстѣ не позволила бы этого. J'aurais mis bon ordre à toutes ces lubies [2]). Что же это такое? Мужъ, глава семейства, и ничѣмъ не занимается, все бросилъ и все раздаетъ et fait le généreux à droite et à gauche [3]). Я знаю, чѣмъ это кончается. Nous en savons quelque chose [4]).

Петръ Семен. *(къ Марьѣ Иван.)*. Да растолкуйте мнѣ, Marie, что такое это новое направленіе? Ну—либералы: земство, конституція, школы, читальни и tout ce qui s'en suit [5]),—это я понимаю. Ну, соціалисты: les grèves [6]), восьмичасовой день, — я тоже понимаю. Ну, а это что же? Растолкуйте мнѣ.

Марья Иван. Да вѣдь онъ вамъ вчера говорилъ.

Петръ Семен. Я, признаюсь, не понялъ. Евангеліе, нагорная проповѣдь . . . . . Да какъ же молиться и все?..

Марья Иван. Вотъ это-то и главное, что онъ все разрушаетъ и ничего не ставитъ на мѣсто.

Петръ Семен. Какъ же это началось?

Марья Иван. Началось это прошлаго года, со смерти его сестры. Онъ очень любилъ ее, и смерть эта очень повліяла на него. Онъ тогда сталъ очень мраченъ, все говорилъ о смерти и самъ заболѣлъ, какъ вы знаете. И вотъ тутъ, послѣ тифа, онъ уже совсѣмъ перемѣнился.

Алекс. Иван. Ну, все-таки онъ весной еще пріѣзжалъ въ Москву къ намъ и былъ милъ и въ винтъ игралъ. Il était très gentil et comme tout le monde [7]).

Марья Иван. Да, но ужъ онъ былъ совсѣмъ другой.

Петръ Семен. То-есть, что же именно?

---

[1]) Нѣтъ причины, чтобы это кончилось.
[2]) Я бы положила конецъ всѣмъ этимъ выдумкамъ.
[3]) И великодушничаетъ направо и налѣво.
[4]) Мы знаемъ объ этомъ немножко.
[5]) Все то, что изъ этого слѣдуетъ.
[6]) Стачки.
[7]) Онъ былъ очень милъ и какъ всѣ.

Марья Иван. А совершенное равнодушіе къ семьѣ и прямо idée fixe [1])—Евангеліе. Онъ читалъ цѣлыми днями, по ночамъ не спалъ, вставалъ, читалъ, дѣлалъ замѣтки, выписки, потомъ сталъ ѣздить къ архіереямъ, къ старцамъ, все совѣтоваться объ религіи.

Алекс. Иван. И что же, онъ говѣлъ?

Марья Иван. Передъ этимъ онъ со времени женитьбы, стало-быть двадцать пять лѣтъ, не говѣлъ. А тутъ одинъ разъ говѣлъ въ монастырѣ . . . . . .

Алекс. Иван. Я и говорю, что нѣтъ никакой послѣдовательности.

Марья Иван. Да, мѣсяцъ тому назадъ онъ ни одной службы не пропускалъ, всѣ посты, а потомъ вдругъ—ничего этого не надо. Да вотъ съ нимъ поговори.

Алекс. Иван. И говорила и поговорю.

Петръ Семен. Да. Но это еще ничего...

Алекс. Иван. Да для тебя все ничего, потому что у мужчинъ нѣтъ никакой религіи.

Петръ Семен. Да позволь мнѣ сказать. Я говорю, что все-таки не въ этомъ дѣло. Если онъ отвергаетъ церковь, то къ чему же тутъ Евангеліе?

Марья Иван. А то, что надо жить по Евангелію, по нагорной проповѣди, все отдавать.

Петръ Семен. Да какъ же жить, если все отдавать?

Алекс. Иван. Ну, а гдѣ же онъ нашелъ въ нагорной проповѣди, что надо shake hands [2]) съ лакеями дѣлать? Тамъ сказано: блаженны кроткіе, а объ shake hands ничего нѣтъ.

Марья Иван. Да, разумѣется, онъ увлекается, какъ всегда увлекался, какъ одно время увлекался музыкой, охотой, школами. Но мнѣ-то не легче отъ этого.

Петръ Семен. Онъ зачѣмъ же поѣхалъ въ городъ?

Марья Иван. Онъ мнѣ не сказалъ, но я знаю, что онъ поѣхалъ по дѣлу порубки у насъ. Мужики срубили нашъ лѣсъ.

Петръ Семен. Это сажанный ельникъ?

---

[1]) Навязчивая идея.

[2]) Рукопожатіе.

Марья Иван. Да, ихъ присудили заплатить и въ тюрьму, и нынче, онъ мнѣ говорилъ, ихъ дѣло на съѣздѣ, и я увѣрена, что онъ за этимъ поѣхалъ.

Алекс. Иван. Онъ этихъ проститъ, а они завтра пріѣдутъ паркъ рубить.

Марья Иван. Да такъ и начинается. Всѣ яблони обломали, зеленыя поля всѣ топчутъ; онъ все прощаетъ.

Петръ Семен. Удивительно.

Алекс. Иван. Отъ этого-то я и говорю, что этого нельзя такъ оставить. Вѣдь если это пойдетъ все такъ же, — tout y passera [1]). Я думаю, что ты обязана, какъ мать, prendre tes mésures [2]).

Марья Иван. Что же я могу сдѣлать?

Алекс. Иван. Какъ что? Остановить, объяснить, что такъ нельзя. У тебя дѣти! Какой же примѣръ имъ?

Марья Иван. Разумѣется, тяжело, но я все терплю и надѣюсь, что это пройдетъ, какъ прошли прежнія увлеченія.

Алекс. Иван. Да, но aide-toi, et Dieu t'aidera [3]). Надо ему дать почувствовать, что онъ не одинъ, и что такъ нельзя жить

Марья Иван. Хуже всего то, что онъ не занимается больше дѣтьми, и я должна все рѣшать одна. А у меня, съ одной стороны, грудной, а съ другой—старшіе, и дѣвочки и мальчики, которые требуютъ надзора, руководства. И я во всемъ одна. Онъ прежде былъ такой нѣжный, заботливый отецъ. А теперь ему все равно. Я ему вчера говорю, что Ваня не учится и опять провалится, а онъ говоритъ, что гораздо лучше бы было, чтобы онъ совсѣмъ вышелъ изъ гимназіи.

Петръ Семен. Но куда же?

Марья Иван. Никуда. Вотъ этимъ-то и ужасно, что все нехорошо, а что дѣлать, — онъ не говоритъ.

Петръ Семен. Это странно.

Алекс. Иван. Что же тутъ страннаго? Это самая ваша обыкновенная манера: все осуждать и самимъ ничего не дѣлать.

Марья Иван. Теперь Степа кончилъ курсъ, долженъ избрать карьеру, а отецъ ничего не говоритъ ему. Онъ хотѣлъ посту-

---

[1]) Онъ все промотаетъ.

[2]) Принять свои мѣры.

[3]) Помогай себѣ самъ, и Богъ тебѣ поможетъ.

пить въ канцелярію министра — Николай Ивановичъ сказалъ, что это не нужно; онъ хотѣлъ въ кавалергарды—Николай Ивановичъ совсѣмъ не одобрилъ. Онъ спросилъ: что же мнѣ дѣлать? не пахать же. А Николай Ивановичъ сказалъ: отчего же не пахать; гораздо лучше, чѣмъ въ канцеляріи. Ну, что же ему дѣлать? Онъ приходитъ ко мнѣ и меня спрашиваетъ, а я все должна рѣшать. А распоряженія всѣ въ его рукахъ.

Алекс. Иван. Ну и надо ему прямо все это сказать.

Марья Иван. Да, надо, я поговорю.

Алекс. Иван. И скажи прямо, что ты такъ не можешь, что ты исполняешь свои обязанности, и онъ долженъ исполнять свои, а нѣтъ, — пускай передастъ все тебѣ.

Марья Иван. Ахъ, это такъ непріятно.

Алекс. Иван. Я скажу ему, если хочешь. Je lui dirai son fait [1]).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **молодой священникъ** *(входитъ сконфуженный и взволнованный, съ книжкой, здоровается за руку со всѣми).*

Свящ. Я къ Николаю Ивановичу, такъ сказать, книжку принесъ.

Марья Иван. Онъ уѣхалъ въ городъ. Онъ скоро будетъ.

Алекс. Иван. Какую же это вы книжку брали?

Свящ. А это господина Ренана, такъ сказать, сочиненіе, «Жизнь Іисуса».

Петръ Семен. Вотъ какъ! какія вы книжки читаете.

Свящ. *(въ волненіи закуриваетъ папироску)*. Николай Ивановичъ, они мнѣ дали прочесть.

Алекс. Иван. *(презрительно)*. Николай Ивановичъ вамъ далъ прочесть. Что же, вы согласны съ Николаемъ Ивановичемъ и съ господиномъ Ренаномъ?

Свящ. Конечно, не согласенъ. Если, такъ сказать, я былъ бы согласенъ, то не былъ бы, какъ говорится, служителемъ Церкви.

Алекс. Иван. А если вы, какъ говорится, служитель Церкви вѣрный, то что же вы не убѣдите Николая Ивановича?

---

[1]) Я скажу ему всю правду.

Свящ. У каждаго, можно сказать, свои мысли объ этихъ предметахъ, и Николай Ивановичъ много, можно сказать, справедливо утверждаютъ, но въ главномъ заблуждаются, насчетъ, можно сказать, Церкви.

Алекс. Иван. *(презрительно)*. А что же много справедливаго утверждаютъ Николай Ивановичъ? Что же, справедливо то, что, по нагорной проповѣди, надо раздавать свое имѣніе чужимъ, а семью пустить по-міру?

Свящ. Церковь освящаетъ, что ли, такъ сказать, семью, и отцы церковные благословляли, что ли, семью, но высшее совершенство требуетъ, такъ сказать, отреченія отъ земныхъ благъ.

Алекс. Иван. Да, подвижники такъ поступали, но простымъ смертнымъ, я думаю, надо поступать просто, какъ подобаетъ всякому доброму христіанину.

Свящ. Никто не можетъ знать, къ чему онъ призванъ.

Алекс. Иван. Ну, а вы, разумѣется, женаты?

Свящ. Какъ же.

Алекс. Иван. И дѣти есть?

Свящ. Двое.

Алекс. Иван. Такъ отчего же вы не отказываетесь отъ земныхъ благъ, а вотъ папироски курите?

Свящ. По слабости своей, можно сказать, недостоинству.

Алекс. Иван. Да, я вижу, что вмѣсто того, чтобы образумить Николая Ивановича, поддерживаете его. Нехорошо это, я вамъ прямо скажу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **няня** *(входитъ)*.

Няня. Что же вы и не слышите, Николушка кричитъ. Пожалуйте кормить.

Марья Иван. Иду, иду. *(Встаетъ и выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ **няни** *и* **Марьи Ивановны.**

Алекс. Иван. А мнѣ такъ ужасно жаль сестру. Я вижу, какъ она мучается. Не шутка вести домъ. Семь человѣкъ дѣтей, одинъ грудной, а тутъ еще эти какія-то выдумки. И мнѣ прямо ка-

жется, что тутъ неладно. *(Показываетъ на голову.)* [*Священнику.*] Я васъ спрашиваю: какую такую вы нашли новую религію?

Свящ. Я не пойму, такъ сказать...

Алекс. Иван. Перестаньте, пожалуйста, со мной хитрить. Вы очень хорошо понимаете, что́ я спрашиваю.

Свящ. Да позвольте...

Алекс. Иван. Я спрашиваю про то, какая такая есть вѣра, по которой выходитъ, что надо со всѣми мужиками за ручку здороваться и давать имъ рубить лѣсъ и раздавать деньги на водку, а семью бросить?

Свящ. Мнѣ это неизв...

Алекс. Иван. Онъ говоритъ, что это—христіанство; вы—священникъ православный, стало-быть, должны знать и должны сказать, велитъ ли христіанство поощрять воровство.

Свящ. Да меня...

Алекс. Иван. А то на что же вы—священникъ и волосы длинные носите и рясу?

Свящ. Да насъ не спрашиваютъ...

Алекс. Иван. Какъ не спрашиваютъ? Я спрашиваю. Онъ вчера мнѣ говоритъ, что въ Евангеліи сказано: просящему дай. Такъ вѣдь это надо понимать въ какомъ смыслѣ?

Свящ. Да я думаю, въ простомъ смыслѣ.

Алекс. Иван. А я думаю, не въ простомъ смыслѣ, а какъ насъ учили, что всякому свое назначено Богомъ.

Свящ. Конечно, однако...

Алекс. Иван. Да вотъ и видно, что и вы на его сторонѣ, какъ мнѣ и говорили. И это дурно, я прямо скажу. Если ему будетъ поддакивать учительница или какой-нибудь мальчишка,—а вы, въ вашемъ санѣ, должны помнить, какая лежитъ на васъ отвѣтственность.

Свящ. Я стараюсь...

Алекс. Иван. Какая же это религія, когда онъ въ церковь не ходитъ и не признаетъ таинства. А вы, вмѣсто того, чтобы образумить его, читаете съ нимъ Ренана и толкуете по-своему Евангеліе.

Свящ. *(въ волненіи)*. Я не могу отвѣчать. Я, такъ сказать, пораженъ и замолкаю.

Алекс. Иван. Охъ, кабы я была архіерей, я бы васъ научила Ренана читать и папироски курить.

Петръ Семен. Mais cessez au nom du ciel. De quel droit? [1]).

Алекс. Иван. Пожалуйста, меня не учи. Я увѣрена, что батюшка на меня не сердится. Что же, я сказала все. Хуже бы было, если бы я зло держала. Правда?

Свящ. Извините, если я не такъ выражался, извините.

(Неловкое молчаніе.—Входятъ Люба и Лизанька.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, **Люба** *и* **Лизанька.**

(**Люба**, 20 лѣтъ, красивая, энергичная дѣвушка, дочь **Марьи Ивановны, Лизанька**, постарше ея, дочь **Александры Ивановны.** Обѣ съ корзинами, повязанныя платками, идутъ за грибами. *Здороваются—одна съ теткой и дядей, Лизанька съ отцомъ и матерью, и съ священникомъ.)*

Люба. А гдѣ мама?

Алекс. Иван. Только что ушла кормить.

Петръ Семен. Ну, смотрите, приносите больше. Нынче дѣвочка принесла чудесные бѣлые. И я бы пошелъ съ вами, да жарко.

Лизанька. Пойдемъ, папа.

Алекс. Иван. Поди, поди, а то толстѣешь.

Петръ Семен. Ну, пожалуй, только папиросы взять. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, безъ **Петра Семеновича.**

Алекс. Иван. Гдѣ же вся молодежь?

Люба. Степа уѣхалъ на велосипедѣ на станцію, Митрофанъ Ермилычъ съ папа уѣхалъ въ городъ, мелкота въ крокетъ играютъ, а Ваня тутъ, на крыльцѣ, что-то съ собаками возится.

Алекс. Иван. Что же, Степа рѣшилъ что-нибудь?

Люба. Да, онъ повезъ самъ прошеніе въ вольноопредѣляющіеся. Вчера онъ препротивно нагрубилъ папа.

Алекс. Иван. Ну да вѣдь и ему трудно. Il n'y a pas de patience qui tienne [2]). Малому надо начинать жить, а ему говорятъ,—ступай пахать.

Люба. Папа не сказалъ ему такъ. Онъ сказалъ...

---

[1]) Но перестаньте, Бога ради. По какому праву?

[2]) Всякое терпѣніе лопнетъ

Алекс. Иван. Ну все равно. Только Степѣ надо начинать жить, и что онъ ни задумаетъ, все нехорошо. Да вотъ онъ и самъ. *(Священникъ идетъ къ сторонѣ и, раскрывъ книгу, читаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Степа *(въѣзжаетъ на велосипедѣ).*

Алекс. Иван. Quand on parle du soleil, on en voit les rayons [1]). Только что объ тебѣ говорили. Люба говоритъ, ты нехорошо поговорилъ съ отцомъ.

Степа. Нисколько. Ничего особеннаго не было. Онъ мнѣ сказалъ свое мнѣніе, а я сказалъ свое. Я не виноватъ, что наши убѣжденія не сходятся. Люба вѣдь ничего не понимаетъ и обо всемъ судитъ.

Алекс. Иван. Ну и что же рѣшили?

Степа. Я не знаю, что папа рѣшилъ; я боюсь, что онъ самъ хорошенько не знаетъ; но про себя я рѣшилъ, что поступаю въ кавалергарды вольноопредѣляющимся. Это у насъ изо всего дѣлаютъ какія-то особенныя затрудненія. А все это очень просто. Я кончилъ курсъ, мнѣ надо отбывать повинность. Отбывать ее . . . . . въ арміи непріятно, и потому я поступаю въ гвардію, гдѣ у меня пріятели.

Алекс. Иван. Да, но папа почему не соглашался?

Степа. Папа! Да что же про него говорить? Онъ теперь подъ вліяніемъ своей idée fixe [2]) ничего не видитъ, кромѣ того, что ему хочется видѣть. Онъ говоритъ, что . . . . . надо не служить, а потому онъ мнѣ денегъ не дастъ.

Лизанька. Нѣтъ, Степа, онъ не такъ сказалъ. Я вѣдь была тутъ. . . . . .

Степа. Да вѣдь я буду служить, а не онъ. Онъ служилъ же.

Лизанька. Да, но онъ говоритъ, что онъ не то что не дастъ денегъ, а не можетъ участвовать въ дѣлѣ, противномъ его убѣжденіямъ.

---

1) Когда говорятъ о солнцѣ, видятъ лучи отъ него.

2) Навязчивой идеи.

Степа. Никакихъ тутъ нѣтъ убѣжденій, а надо служить, вотъ и все.

Лизанька. Я только сказала, что̀ я слышала.

Степа. Я знаю, ты во всемъ согласна съ папà. Тетя, вы знаете, Лиза совсѣмъ во всемъ на сторонѣ папà.

Лиза. Что справедливо...

Алекс. Иван. Да ужъ это я знаю, что Лиза всегда на сторонѣ всякой глупости. Она чуетъ, гдѣ глупость. Elle flaire cela de loin [1]).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Ваня *(вбѣгаетъ, въ красной рубахѣ, съ собаками, съ телеграммой).*

Ваня *(къ Любѣ).* Угадай, кто пріѣзжаетъ.

Люба. Нечего угадывать, кто. Давай телеграмму. *(Тянется. Ваня не даетъ.)*

Ваня. Не дамъ и не скажу. Тотъ, отъ кого ты покраснѣешь.

Люба. Глупости! Отъ кого телеграмма?

Ваня. Вотъ и покраснѣла, покраснѣла. Тетя Алина, правда, покраснѣла?

Люба. Какія глупости! Отъ кого? Тетя Алина, отъ кого?

Алекс. Иван. Черемшановы.

Люба. А-а!

Ваня. То-то а! А отчего краснѣешь?

Люба. Тетя, покажите телеграмму. *(Читаетъ.)* «Будемъ съ почтовымъ трое. Черемшановы». Значитъ, княгиня, Борисъ и Тоня. Ну что же, я очень рада.

Ваня. То-то очень рада! Степа, смотри, какъ покраснѣла.

Степа. Ну, полно приставать, все одно и то же.

Ваня. Да, оттого, что и ты за Тоней пріударялъ. Такъ вы ужъ киньте жребій, а то нельзя брату на сестрѣ, а сестрѣ за брата.

Степа. Полно врать. Лучше не трогай. Сколько разъ тебѣ говорили.

Лизанька. Да если съ почтовымъ, такъ они сейчасъ пріѣдутъ.

Люба. И то правда. Такъ мы не пойдемъ.

(Входитъ Петръ Семеновичъ съ папиросами.)

---

[1]) Она нюхомъ чуетъ это.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и **Петръ Семеновичъ.**

Люба. Дядя Петя, такъ мы не пойдемъ.

Петръ Семен. А что?

Люба. Черемшановы сейчасъ пріѣзжаютъ. Лучше сыграемъ пока одинъ сетъ въ теннисъ. Степа, будешь?

Степа. Пожалуй.

Люба. Я съ Ваней противъ тебя съ Лизанькой. Согласны? Такъ я пойду шары возьму и ребятъ приведу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, безъ **Любы.**

Петръ Семен. Ну, вотъ и остался.

Свящ. *(хочетъ уходить)*. Мое почтеніе!

Алекс. Иван. Нѣтъ, подождите, батюшка, мнѣ хочется поговорить съ вами. Да и Николай Ивановичъ подъѣдетъ.

Свящ. *(садится и опять закуриваетъ)*. Можетъ-быть, долго?

Алекс. Иван. Да вотъ кто-то подъѣхалъ, должно-быть, онъ.

Петръ Семен. Какая же это Черемшанова? неужели урожденная Голицына?

Алекс. Иван. Ну да, та самая Черемшанова, которая жила въ Римѣ съ теткой.

Петръ Семен. Вотъ радъ буду увидать. Не видались съ Рима, когда она пѣла со мной дуэты. Премило пѣла. Вѣдь у нея двое дѣтей, кажется?

Алекс. Иван. Да она съ ними и пріѣзжаетъ.

Петръ Семен. Я не зналъ, что они такъ близки съ Сарынцовыми.

Алекс. Иван. Не близки, а они жили вмѣстѣ прошлаго года за границей, и мнѣ кажется, что la princesse a des vues sur Louba pour son fils. C'est une fine mouche, elle flaire une jolie dot [1]).

Петръ Семен. Да вѣдь Черемшановы сами были богаты.

Алекс. Иван. Были. Князь живъ, но промоталъ все и спился съ кругу. Она подавала на высочайшее имя и спасла кое-

[1]) Княгиня подумываетъ о Любѣ для своего сына. Она—себѣ на умѣ; она чуетъ большое приданое.

какія крохи и оставила его. Но зато прекрасно воспитала дѣтей. Il faut lui rendre cette justice [1]). Дочь—прекрасная музыкантша, а сынъ кончилъ университетъ и очень милъ. Только Маша, я думаю, не очень рада. Некстати теперь ей гости. А вотъ и Nicolas.

(Входитъ Николай Ивановичъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и **Николай Ивановичъ.**

Николай Иван. Здравствуй, Алина, Петръ Семеновичъ. *(Къ священнику.)* А! Василій Никаноровичъ! *(Здоровается.)*

Алекс. Иван. Кофе есть еще. Налить? Немного холоденъ, но можно подогрѣть. *(Звонитъ.)*

Николай Иван. Нѣтъ, благодарствуй. Я поѣлъ. А гдѣ Маша?

Алекс. Иван. Кормитъ.

Николай Иван. И здорова?

Алекс. Иван. Ничего. Что же, ты сдѣлалъ свои дѣла?

Николай Иван. Сдѣлалъ, да. Впрочемъ, если есть чай или кофей, дай. *(Къ священнику.)* А, принесли книгу, прочли? А я всю дорогу объ васъ думалъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и **лакей.**

(Входитъ лакей, здоровается. Николай Ивановичъ подаетъ ему руку. Александра Ивановна пожимаетъ плечами и переглядывается съ мужемъ.)

Алекс. Иван. Подогрѣйте, пожалуйста, самоваръ.

Николай Иван. Не надо, Алина. Я не хочу, а если захочу, то и такъ выпью.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и **Мисси.**

Мисси *(увидавъ отца, прибѣгаетъ съ крокета и вѣшается ему на шею)*. Папа, пойдемъ со мной.

Николай Иван. *(лаская ее)*. Сейчасъ, сейчасъ, дай поѣмъ. Иди, играй, я приду.

[1]) Надо ей отдать справедливость.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, безъ **Мисси.**

Алекс. Иван. Что же, на съѣздѣ обвинили крестьянъ?

Николай Иванъ. *(садится за столъ, жадно пьетъ чай и ѣстъ).*

Алекс. Иван. Что же, обвинили?

Николай Иван. Да, обвинили. Да они и сами признались. *(Къ священнику.)* Я думалъ, что Ренанъ для васъ мало убѣдителенъ...

Алекс. Иван. Но ты не согласился съ рѣшеніемъ?

Николай Иван. *(досадливо).* Разумѣется, не согласился. *(Къ священнику.)* Вопросъ для васъ вѣдь не въ божественности Христа и не въ исторіи христіанства, а въ Церкви...

Алекс. Иван. То-есть, какъ же: они признались, et vous leur avez donné un démenti [1]). Они не украли, а взяли.

Николай Иван. *(начинаетъ говорить священнику, но рѣшительно оборачивается къ Александрѣ Ивановнѣ).* Алина, голубушка, не преслѣдуй меня шпильками и намеками.

Алекс. Иван. Да я нисколько...

Николай Иван. А если хочешь серьезно знать, почему я не могу судиться съ крестьянами за срубленный ими и нужный имъ лѣсъ...

Алекс. Иван. Я думаю, имъ и самоваръ этотъ нуженъ.

Николай Иван. Такъ если ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ, почему я не могу допустить, чтобы эти люди сидѣли въ тюрьмѣ и были разорены изъ-за того, что они срубили десять деревъ въ лѣсу, который считается моимъ...

Алекс. Иван. Считается всѣми.

Петръ Семен. Ну, опять споры. Пойду лучше съ собаками въ садъ. *(Сходитъ съ террасы.)*

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

---

[1]) А ты опровергъ ихъ показанія.

Николай Иван. Ну, что же дѣлать. Этого нельзя словами растолковать. Ну, впрочемъ, довольно.

Степа. Дѣйствительно, довольно, и-я не понимаю. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, безъ Степы.

Николай Иван. *(обращается къ священнику).* Такъ какое же впечатлѣніе произвела на васъ книга?

Свящ. *(въ волненіи).* Какъ сказать: ну, историческая сторона разработана достаточно, но убѣдительности, достовѣрности, что ли, полной нѣтъ, потому что матеріаловъ, что ли, слишкомъ недостаточно. Ни божественность, ни небожественность, что ли, Христа нельзя доказать исторически; есть одно доказательство непререкаемое...

(Во время разговора сначала дамы, а потомъ [1]*) Петръ Семеновичъ уходятъ, и остаются одинъ священникъ съ Николаемъ Ивановичемъ.)*

Николай Иван. То-есть Церковь?

Свящ. Ну, само собою, Церковь, свидѣтельство, что ли, лицъ, ну, достовѣрныхъ, святыхъ, что ли.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

(Споръ [2]*) между играющими.)*

— Аутъ.

— Нѣтъ, не аутъ.

Ваня. Я видѣлъ

(Во время разговора лакеи устанавливаютъ столъ, опять чай, кофе.)

Николай Иван. Вы говорите: Церковь даетъ единеніе.

. . . . . .

«Сколько разъ хотѣлъ я собрать васъ, какъ насѣдка цыплятъ»...

Свящ. Это было до Христа, а Христосъ и собралъ.

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

[2]) См. примѣчаніе 3-ье.

Николай Иван. Христосъ-то собралъ, да мы разъединили, потому что навыворотъ поняли его . . . . . .

Свящ. А какъ же: «скажи Церкви»?

Николай Иван. Не въ словахъ дѣло,—да слова эти ничего и не говорятъ о Церкви,—но дѣло въ духѣ ученія. Ученіе Христа всемірное и включаетъ въ себя всѣ вѣрованія и не допускаетъ ничего исключительнаго . . . . . .

. . . . . ничего такого, что раздѣляетъ.

Свящ. Да тогда это, ну, ваше, что ли, толкованіе Христова ученія, а Христово ученіе все основано на его божественности и воскресеніи.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Николай Иван. Какъ ни смотрѣть, все то же будетъ.

(Молчаніе.—Входитъ Александра Ивановна.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и **Александра Ивановна.**

Свящ. *(откланивается).*

Алекс. Иван. Прощайте, батюшка, собьетъ онъ васъ съ толку, не слушайте его.

Свящ. Нѣтъ, испытуйте Писаніе. Дѣло слишкомъ важное, чтобы, ну, пренебрегать, что ли. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, безъ **священника.**

Алекс. Иван. Право, ты, Nicolas, его не жалѣешь. Хоть онъ и священникъ, а вѣдь онъ еще мальчикъ, не можетъ имѣть твердыхъ убѣжденій, не утвердился...

Николай Иван. Дать ему время утвердиться, загрубѣть . . . . . ? Нѣтъ, зачѣмъ же. Да и онъ хорошій, искренній человѣкъ.

Алекс. Иван. Но что же бы съ нимъ было, если бы онъ повѣрилъ тебѣ?

Николай Иван. Мнѣ вѣрить нечего, а если бы онъ увидалъ истину, это было бы хорошо, и для него и для всѣхъ хорошо.

Алекс. Иван. Да если бы это было хорошо, то всѣ бы тебѣ повѣрили, а теперь, напротивъ, никто тебѣ не вѣритъ, и жена твоя меньше всѣхъ. И не можетъ повѣрить.

Николай Иван. Кто же тебѣ сказалъ?

Алекс. Иван. Да вотъ ты растолкуй ей это. Она никогда не поймета, да и я не пойму, и никто въ мірѣ не поймета, чтобы надо было заботиться о чужихъ людяхъ, а своихъ дѣтей бросить. Вотъ это ты Машѣ растолкуй.

Николай Иван. И Маша непремѣнно поймета. И— прости меня, Алина, но если бы не было чужихъ вліяній, на которыя она очень склонна поддаваться, она бы поняла меня и шла бы со мной вмѣстѣ.

Алекс. Иван. Въ томъ, чтобы обездолить своихъ дѣтей въ пользу пьянаго Ефима et compagnie? Никогда. А то, что ты на меня сердишься, то ты меня извини, я не могу не сказать.

Николай Иван. Я не сержусь. Напротивъ, даже я очень радъ, что ты сказала все свое и дала мнѣ случай, вызвала меня на то, чтобы самому высказать ей весь мой взглядъ. Я дорогой нынче думалъ объ этомъ и сейчасъ скажу ей, и увидишь, что она согласится, потому что она умна и добра.

Алекс. Иван. Ну, въ этомъ позволь усомниться.

Николай Иван. Нѣтъ, я не сомнѣваюсь. Вѣдь это не какая-нибудь моя выдумка, а это только то, что мы всѣ знали, и что Христосъ открылъ намъ.

Алекс. Иван. Да, по-твоему, Христосъ это открылъ, а по-моему—другое.

Николай Иван. Не можетъ быть другого.

(Крикъ между играющими.)

Люба. Аутъ!

Ваня. Нѣтъ, мы не видали.

Лизанька. Я видѣла, вотъ куда упалъ.

Люба. Аутъ, аутъ, аутъ

Ваня. Неправда.

Люба. Во-первыхъ, неучтиво говорить «неправда».

Ваня. А по-моему, неучтиво говорить неправду.

Николай Иван. Да ты постой, ты не спорь, а выслушай.

Алекс. Иван. Ну, слушаю.

Николай Иван. Вѣдь правда, что мы всѣ каждую минуту можемъ умереть и уйти или въ ничто или къ Богу, который требуетъ отъ насъ жизни по Его волѣ?

Алекс. Иван. Ну?

Николай Иван. Ну, что же я могу дѣлать въ этой жизни иного, какъ только то, чего требуетъ отъ меня Высшій Судья въ моей душѣ, совѣсть, Богъ. И совѣсть, Богъ требуетъ, чтобъ я считалъ всѣхъ равными, всѣхъ любилъ, всѣмъ служилъ.

Алекс. Иван. И своимъ дѣтямъ.

Николай Иван. Разумѣется, и своимъ, но чтобы я дѣлалъ все, что велитъ совѣсть. Главное—то, чтобы понять, что жизнь моя принадлежитъ не мнѣ и твоя — не тебѣ, а Богу, который послалъ насъ и который требуетъ отъ насъ, чтобы мы дѣлали Его волю. А воля Его...

Алекс. Иван. И ты въ этомъ убѣдишь Машу?

Николай Иван. Непремѣнно.

Алекс. Иван. И она перестанетъ воспитывать дѣтей, какъ надобно, а броситъ ихъ? Никогда!

Николай Иван. Не только она пойметъ,—ты поймешь, что больше дѣлать нечего.

Алекс. Иван. Никогда!

(Входитъ Марья Ивановна.)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и **Марья Ивановна.**

Николай Иван. Ну, что, Маша, я не разбудилъ тебя нынче утромъ?

Марья Иван. Нѣтъ, я не спала. Что же, ты хорошо съѣздилъ?

Николай Иван. Да, очень хорошо.

Марья Иван. Что же ты пьешь холодное все? Кстати, надо приготовить гостямъ. Ты знаешь, пріѣзжаютъ Черемшановы съ сыномъ и дочерью.

Николай Иван. Ну что жъ, если они тебѣ пріятны, я очень радъ.

Марья Иван. Я люблю ее и молодыхъ людей. Только немножко не во-время.

Алекс. Иван. *(встаетъ)*. Вотъ и поговори съ нимъ, а я пойду, посмотрю ихъ игру. [*Уходитъ*].

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, безъ **Александры Ивановны.**

(Молчаніе, послѣ котораго Николай Ивановичъ и Марья Ивановна начинаютъ говорить вмѣстѣ.)

Марья Иван. Некстати, потому что намъ надо поговорить.

Николай Иван. Я сейчасъ говорилъ Алинѣ...

Марья Иван. Что?

Николай Иван. Нѣтъ, говори ты.

Марья Иван. Да я хотѣла про Степу говорить. Вѣдь надо рѣшить что-нибудь. Онъ, бѣдный, томится, не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Онъ приходилъ ко мнѣ, а не могу же я рѣшить.

Николай Иван. Да что же рѣшить. Онъ самъ можетъ рѣшать.

Марья Иван. Да вѣдь ты знаешь, что онъ хочетъ поступить вольноопредѣляющимся въ гвардію, и для этого ему надо отъ тебя свидѣтельство, и нужно ему содержать себя, а ты не даешь ему. *(Волнуется.)*

Николай Иван. Маша, ради Бога, не волнуйся, а выслушай меня. Я ничего ни даю, ни не даю. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Марья Иван. Да вѣдь теперь для [тебя] все дикое и глупое. Вѣдь ему надо жить. Ты жилъ.

Николай Иван. *(горячась)*. Я жилъ, когда не понималъ, когда никто не сказалъ мнѣ; но дѣло не во мнѣ, а въ немъ.

Марья Иван. Какъ не въ тебѣ, ты не даешь ему денегъ.

Николай Иван. Я не могу дать то, что мнѣ не принадлежитъ.

Марья Иван. Какъ не принадлежитъ?

Николай Иван. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Возьмите у меня имѣнье, и тогда я не буду отвѣтственъ.

Марья Иван. Да ты знаешь, что я этого не хочу, да и не могу. Я должна и воспитывать, и кормить, и рожать. Это жестоко...

Николай Иван. Маша, голубушка! Вѣдь все дѣло не въ томъ. Когда ты начала говорить, я тоже началъ и хотѣлъ поговорить съ тобой совсѣмъ по душѣ. Вѣдь нельзя же такъ. Мы живемъ вмѣстѣ и не понимаемъ другъ друга. Иногда какъ будто нарочно не понимаемъ другъ друга.

Марья Иван. Я хочу понять, но не понимаю, не понимаю тебя. Не понимаю, что съ тобой сдѣлалось.

Николай Иван. Ну вотъ и пойми. Хоть не время теперь, да Богъ знаетъ, когда будетъ время. Ты пойми не столько меня, но себя, свою жизнь пойми. Вѣдь нельзя жить такъ, не зная, зачѣмъ мы живемъ.

Марья Иван. Жили же мы такъ, и очень хорошо жили. *(Замѣчаетъ выраженіе досады.)* Ну, хорошо, ну, я слушаю.

Николай Иван. Я и жилъ *такъ*, *такъ*, то-есть, не думая о томъ, зачѣмъ я живу, но пришло время, и я ужаснулся. Ну, хорошо, живемъ мы . . . . . .
. . . рожая дѣтей и воспитывая ихъ . . . . . Ну, придетъ старость, смерть, и я спрошу себя: зачѣмъ я жилъ? . . . . . .
. . . . . Да и главное, не весела эта жизнь. Вѣдь это еще сносно, пока, какъ у Вани, изъ тебя брызжетъ энергія жизни.

Марья Иван. Да вѣдь всѣ живутъ такъ.

Николай Иван. И всѣ несчастны.

Марья Иван. Да нисколько.

Николай Иван. Я, по крайней мѣрѣ, увидалъ, что я несчастенъ ужасно и дѣлаю несчастье твое и дѣтей, и спросилъ себя: неужели такъ для этого насъ сотворилъ Богъ? И какъ только я подумалъ объ этомъ, я сейчасъ же почувствовалъ, что нѣтъ. Спросилъ себя: для чего же насъ сотворилъ Богъ?

(Входитъ лакей.)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и **лакей.**

Марья Иван. *(не слушаетъ мужа и обращается къ лакею).* Сливокъ кипяченыхъ принесите.

Николай Иван. И въ Евангеліи я нашелъ отвѣтъ, что живемъ мы никакъ не для себя. Открылось это мнѣ ясно, когда я разъ сталъ думать надъ притчей о виноградаряхъ. Знаешь?

Марья Иван. Знаю, да,—работники.

Николай Иван. Эта притча почему-то мнѣ яснѣе всего показала, въ чемъ была моя ошибка. Я думалъ, какъ тѣ виноградари, что садъ—ихъ собственность, что моя жизнь—моя, и все было ужасно; но только что я понялъ, что жизнь моя—не моя, но что я посланъ въ міръ, чтобъ дѣлать дѣло Божье...

Марья Иван. Да что же, это мы всѣ знали.

Николай Иван. Ну, если знали, такъ не можемъ же мы продолжать жить, какъ мы живемъ, когда вся жизнь наша не только не есть исполненіе воли Его, а, напротивъ, безпрестанное нарушеніе ея.

Марья Иван. Да чѣмъ же она нарушаетъ, когда мы живемъ, не дѣлая никому зла?

Николай Иван. Какъ не дѣлаемъ никому зла? Вотъ это-то и есть пониманіе жизни, какъ тѣ виноградари. Вѣдь мы...

Марья Иван. Да я знаю притчу. Ну, что онъ всѣмъ далъ поровну.

Николай Иван. *(послѣ молчанія).* Нѣтъ, это не то. Но одно, Маша, подумай о томъ, что жизнь только одна, и что мы можемъ или прожить ее свято или погубить ее.

Марья Иван. Я не могу думать и разсуждать. Я ночи не сплю, я кормлю, я весь домъ веду, и, вмѣсто того, чтобы мнѣ помочь, ты мнѣ говоришь то, чего я не понимаю.

Николай Иван. Маша!

Марья Иван. Вотъ теперь еще эти гости.

Николай Иван. Нѣтъ, мы договоримся. *(Цѣлуетъ ее.)* Да?

Марья Иван. Да, только ты будь такой, какъ прежде.

Николай Иван. Я не могу, но ты послушай...

(Слышенъ звукъ бубенчиковъ и подъѣзжающаго экипажа.)

Марья Иван. Теперь некогда, пріѣхали. Я пойду къ нимъ.

(Уходитъ за уголъ дома. Туда же идутъ Степа, Люба.)

Ваня *(перепрыгиваетъ черезъ скамейку)*. Я не бросаю, мы доиграемъ. Люба! Ну, что?

Люба *(серьезно)*. Пожалуйста, безъ глупостей.

(Александра Ивановна съ мужемъ и Лизанькой входятъ на террасу. Николай Ивановичъ ходитъ въ раздумьи.)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Николай Ивановичъ, Александра Ивановна, Петръ Семеновичъ и Лизанька.

Алекс. Иван. Ну что же, убѣдилъ?

Николай Иван. Алина! то, что происходитъ между нами,—великое дѣло. И шутки тутъ не умѣстны. Не я убѣждаю, а жизнь, а истина, а Богъ,—вотъ кто убѣждаетъ, и потому она не можетъ не убѣдиться не нынче, такъ завтра, не завтра, такъ... Ужасно то, что всегда всѣмъ некогда. Это кто же пріѣхалъ?

Петръ Семен. Черемшановы, Catiche Черемшанова, которую я не видалъ восемнадцать лѣтъ. Послѣдній разъ мы видѣлись съ ней, когда вмѣстѣ пѣли: la ci darem la mano. *(Поетъ.)*

Алекс. Иван. *(на мужа)*. Пожалуйста, ты не перебивай и не воображай, что я съ Nicolas поссорюсь. Я говорю правду. *(Къ Николаю Иван.)* Я нисколько не смѣюсь, но мнѣ странно было то, что ты хотѣлъ убѣждать Машу тогда, когда она именно рѣшилась поговорить съ тобой.

Николай Иван. Ну, хорошо, хорошо. Вотъ они идутъ. Скажи, пожалуйста, Машѣ, что я буду у себя. *(Уходитъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Тамъ же, въ деревнѣ, черезъ недѣлю. Сцена представляетъ большую залу. Накрытый столъ. Самоваръ, чай и кофе. У стѣны—рояль, шкапчикъ съ нотами. За столомъ сидятъ **Марья Ивановна, княгиня и Петръ Семеновичъ.**

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна, Петръ Семеновичъ *и* княгиня.

Петръ Семен. Да, княгиня. Давно ли, кажется, вы пѣли Розину, а я... Теперь я и въ Донъ-Базиліо не гожусь.

Княгиня. Теперь дѣти могли бы пѣть. Только другія времена.

Петръ Семен. Да, позитивныя... Но ваша княжна очень—серьезно!—хорошо играетъ. Что же они, неужели спятъ еще?

Марья Иван. Да вчера ѣздили верхомъ при лунномъ свѣтѣ. Вернулись очень поздно. Я кормила и слышала.

Петръ Семен. А когда моя благовѣрная возвращается? Вы послали за ней?

Марья Иван. Да рано еще, уѣхали. Она скоро должна быть.

Княгиня. Неужели Александра Ивановна только затѣмъ и поѣхала, чтобы привезти отца Герасима?

Марья Иван. Да, вчера ей пришла эта мысль, и тотчасъ же полетѣла.

Княгиня. Quelle énergie! Je l'admire [1]).

Петръ Семен. Oh, pour ceci ce n'est pas ce qui nous manque [2]). *(Вынимаетъ сигару.)* Впрочемъ, пойду курить и съ собаками гулять по парку, пока молодежь встанетъ. *(Уходитъ.)*

---

[1]) Какая энергія! Я восхищаюсь ею.

[2]) О, что касается этого то не этого намъ не хватаетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня и Марья Ивановна.

Княгиня. Я не знаю, милая Марья Ивановна, но мнѣ кажется, что вы слишкомъ берете все это къ сердцу. Я понимаю его. Это такое высокое настроеніе. Ну и что же, если онъ и будетъ раздавать бѣднымъ?.. Мы и такъ слишкомъ много о себѣ думаемъ.

Марья Иван. Да если бы это ограничилось этимъ, но вы не знаете его, не знаете всего. Это не помощь бѣднымъ, а это полный переворотъ, уничтоженіе всего.

Княгиня. Мнѣ не хотѣлось бы вторгаться въ вашу семейную жизнь, но если позволите...

Марья Иван. Нѣтъ, я считаю васъ своею семейною, особенно теперь.

Княгиня. Я бы совѣтовала вамъ прямо и откровенно сказать свои требованія и войти въ соглашеніе съ нимъ, до какихъ предѣловъ...

Марья Иван. *(взволнованно).* Тутъ нѣтъ предѣловъ, онъ все хочетъ отдать. Онъ хочетъ, чтобъ я теперь, въ мои года, стала кухаркой, прачкой.

Княгиня. Да не можетъ быть! Это удивительно!

Марья Иван. *(достаетъ письмо).* Вотъ мы одни, и я рада все сказать вамъ. Вчера онъ написалъ мнѣ это письмо. Я прочту вамъ.

Княгиня. Какъ? живетъ съ вами въ одномъ домѣ и пишетъ письма? Какъ странно.

Марья Иван. Нѣтъ, это я понимаю. Онъ такъ волнуется, когда говоритъ. Я послѣднее время боюсь за его здоровье.

Княгиня. Что же онъ пишетъ?

Марья Иван. Да вотъ. *(Читаетъ.)* «Ты меня упрекаешь въ томъ, что я разрушаю прежнюю жизнь, а не даю ничего новаго, не говорю, какъ я хотѣлъ бы устроить семью. Когда мы начинаемъ говорить, мы волнуемся, и потому пишу. Почему я не могу продолжать жить такъ, [какъ] жилъ, я уже говорилъ много разъ, и убѣдить въ томъ, что такъ не надо жить, а надо жить по-христіански, въ письмѣ я не могу. Ты можешь сдѣлать одно изъ двухъ: или повѣрить истинѣ и свободно итти за мной, или повѣрить мнѣ и отдаться мнѣ и по довѣрію итти за мной». *(Прерываетъ чтеніе.)* Не могу я ни того ни другого. Не считаю, чтобъ нужно было жить, какъ онъ хочетъ,—мнѣ дѣтей жалко, и не могу ему довѣряться. *(Чи-*

таетъ.) «Планъ мой вотъ какой. Всѣ наши земли мы отдадимъ крестьянамъ, оставимъ себѣ пятьдесятъ десятинъ и весь садъ, огородъ и заливной лугъ. Будемъ стараться сами работать, но не будемъ принуждать ни себя ни дѣтей. То, что мы оставимъ, можетъ намъ все-таки приносить около пятисотъ рублей»...

Княгиня [1]). Съ семью человѣками дѣтей жить на пятьсотъ рублей! Это невозможно.

Марья Иван. Ну, тутъ весь планъ, какъ отдать домъ подъ школу и самимъ жить въ садовниковой избѣ, въ двухъ комнатахъ.

Княгиня. Да, я начинаю тоже думать, что это что-то болѣзненное. Что же вы отвѣтили?

Марья Иван. Я сказала, что не могу, что одна я пошла бы всюду за нимъ, но съ дѣтьми... Вѣдь подумайте только,—я Николеньку кормлю. Я говорю: нельзя такъ ломать все. Вѣдь развѣ я на это шла? Я уже слаба и стара. Вѣдь девять дѣтей родить, кормить...

Княгиня. Да, я никакъ не думала, чтобы это такъ далеко зашло.

Марья Иван. Такъ и осталось, и я не понимаю, что будетъ. Онъ вчера простилъ аренду мужикамъ изъ Дмитровки и хочетъ имъ совсѣмъ отдать землю.

Княгиня. Я думаю, что вы не должны допускать этого. Вы обязаны защитить дѣтей. Если онъ не можетъ владѣть имѣньемъ, пусть отдастъ вамъ.

Марья Иван. Да я не хочу этого.

Княгиня. Вы должны это сдѣлать для дѣтей. Пускай переведетъ имѣнье на ваше имя.

Марья Иван. Саша, сестра, говорила ему . . . . . .

. . . . . .

Княгиня. Да, теперь я понимаю, что это гораздо серьезнѣе, чѣмъ я думала.

Марья Иван. И священникъ, священникъ на его сторонѣ.

Княгиня. Да, я замѣтила вчера.

Марья Иван. Вотъ сестра и поѣхала въ Москву, хотѣла переговорить съ нотаріусомъ, а главное, привезти отца Герасима, чтобы онъ убѣдилъ его.

Княгиня. Да, я думаю, что христіанство не въ томъ, чтобы губить свою семью.

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

Марья Иван. Но онъ не повѣритъ и отцу Герасиму. Онъ такъ твердъ, и когда онъ говоритъ, вы знаете, я не могу возражать ему. То и ужасно, что мнѣ кажется, что онъ правъ.

Княгиня. Это оттого, что вы любите его.

Марья Иван. Не знаю, отчего, только ужасно, ужасно. Все такъ и остается нерѣшеннымъ. Вотъ и христіанство.

(Входитъ няня.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **няня.**

Няня. Пожалуйте, Николенька зоветъ, проснулся.

Марья Иван. Сейчасъ. Я встревожена, и у него животикъ разболѣлся. Иду, иду.

(Изъ другой двери входитъ Николай Ивановичъ съ бумагой въ рукахъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марья Ивановна, княгиня и Николай Ивановичъ.

Николай Иван. Нѣтъ, это невозможно!

Марья Иван. Что такое?

Николай Иван. А то, что за нашу какую-то елку Петра сажаютъ въ тюрьму.

Марья Иван. Какъ?

Николай Иван. А такъ. Онъ срѣзалъ, подали къ мировому, тотъ приговорилъ на три мѣсяца въ острогъ. Его жена пришла.

Марья Иван. Ну что же, развѣ нельзя?

Николай Иван. Теперь нельзя. Одно можно: не имѣть лѣса. И я не буду имѣть его. Ну, что же дѣлать?.. Пойду къ нему посмотрѣть, нельзя ли помочь тому, что мы же сдѣлали. *(Идетъ на террасу и встрѣчается съ Борисомъ и Любой.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, **Борисъ и Люба.**

Люба. Здравствуй, папа. *(Цѣлуетъ).* Ты куда?

Николай Иван. Съ деревни и опять на деревню. Тамъ теперь тащатъ въ тюрьму голоднаго человѣка за то, что онъ...

Люба. Вѣрно, Петръ?

Николай Иван. Да, Петръ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, безъ **Николая Ивановича.**

Л ю б а *(садится за самоваръ)*. Вамъ кофе или чаю?

Б о р и с ъ. Все равно.

Л ю б а. Все то же. Я не вижу этому конца.

Б о р и с ъ. Я не понимаю его. Я знаю, что народъ бѣденъ, теменъ, что надо помочь ему, но не тѣмъ же, чтобы поощрять воровъ.

Л ю б а. Чѣмъ же?

Б о р и с ъ. Всей нашей дѣятельностью. Всѣ свои знанія положить на служеніе ему, но жизнь свою нельзя отдавать.

Л ю б а. А папа говоритъ, что именно это-то и нужно.

Б о р и с ъ. Не понимаю. Можно служить народу, не губя свою жизнь. Я такъ хочу устроить свою жизнь. Если ты только...

Л ю б а. Я хочу того, что ты хочешь, и ничего не боюсь.

Б о р и с ъ. А эти сережки, это платье?

Л ю б а. Сережки продать, а платье—не такое, но все-таки можно быть не уродомъ.

Б о р и с ъ. Мнѣ хочется еще поговорить съ нимъ. Какъ ты думаешь, я не стѣсню его, если приду къ нему на деревню?

Л ю б а. Нисколько. Я вижу, что онъ полюбилъ тебя и все больше къ тебѣ обращался вчера.

Б о р и с ъ *(допиваетъ кофе)*. Такъ я пойду.

Л ю б а. Ну, иди, а я пойду будить Лизаньку и Тоню. *(Оба расходятся).*

Занавѣсъ.

Сцена перемѣняется. Улица. У избы лежитъ **Иванъ Зябревъ,** накрытый тулупомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иванъ Зябревъ *одинъ.*

И в а н ъ. Малашка!

(Изъ-за избы выходитъ крошечная дѣвочка съ малымъ на рукахъ. Малый кричитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Иванъ Зябревъ *и* **Малашка** *съ* **малымъ.**

Иванъ. Воды... Испить!

(Малашка уходитъ въ избу, слышенъ тамъ крикъ ребенка,—выноситъ ковшъ воды.)

Иванъ. Что ты малаго все бьешь, что онъ оретъ. Вотъ я матери скажу.

Малашка. Говори матери. Съ голоду ореть.

Иванъ *(пьетъ)*. А молока бы попросила у Демкиныхъ.

Малашка. Ходила, нѣту. Да и дома никого нѣту.

Иванъ. Ахъ, хоть бы смерть пришла. Звонили къ обѣду, что ль?

Малашка. Голомя́. Звонили. Вонъ баринъ идетъ.

(Входитъ Николай Иван.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **Николай Ивановичъ.**

Николай Иван. Ты что же сюда вышелъ?

Иванъ. Да муха тамъ, да и жарко.

Николай Иван. Что же, согрѣлся?

Иванъ. Огнемъ жжетъ теперь всего.

Николай Иван. А Петръ гдѣ, дома?

Иванъ. Гдѣ дома, въ такую пору. Въ поле за снопами поѣхалъ.

Николай Иван. Что же мнѣ сказывали, что его въ острогъ?

Иванъ. Какъ же, сотскій въ поле за нимъ пошелъ.

(Приходитъ брюхатая баба съ снопомъ овса и граблями и тотчасъ же бьетъ по затылку Малашку.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и **баба.**

Баба. Ты чего малаго бросила? Вишь оретъ. Только на улицу бѣгать.

Малашка *(реветъ)*. Я только вышла. Батя пить просилъ.

Баба. Я те дамъ. *(Видитъ барина.)* Здравствуйте, батюшка Николай Ивановичъ. Грѣхъ съ ними. Измучилась одна во всѣ дѣла.

А тутъ послѣдняго работника въ острогъ ведутъ, этотъ лодырь валяется.

Николай Иван. Что ты говоришь, вѣдь онъ боленъ.

Баба. Боленъ онъ, а я не больна? Какъ работать, такъ боленъ, а гулять не боленъ да мнѣ косы рвать. Издыхай онъ, какъ песъ,—мнѣ что!

Николай Иван. Какъ тебѣ не грѣхъ!

Баба. Знаю, что грѣхъ, да сердца своего не уйму. Вѣдь я тяжела, а работаю за двоихъ. Люди убрались, а у насъ два осьминника не кошены. Надо бы довязать, а нельзя,—домой надо, этихъ ребятъ поглядѣть.

Николай Иван. Овесъ скосятъ, я найму, и связать тоже.

Баба. Да это что, связать я сама, только бы скорѣе смахнуть. А что, Николай Ивановичъ, помретъ онъ, должно. Ужъ больно плохъ.

Николай Иван. Не знаю я. Охъ, точно, что плохъ. Я думаю свезти его въ больницу.

Баба. О Господи! *(Начинаетъ выть.)* Не увози ты его, пускай здѣсь помретъ. *(Къ мужу.)* Чего ты?

Иванъ. Хочу въ больницу. Здѣсь хуже собаки.

Баба. Ужъ я и не знаю. Ума рѣшилась. Малашка, обѣдать собери.

Николай Иван. А что у васъ обѣдать?

Баба. Да что, картошки да хлѣбъ. Да и ѣды нѣтъ.

(Идетъ въ избу. Слышенъ визгъ свиньи, крикъ дѣтей.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ **бабы.**

Иванъ *(стонетъ)*. Охъ, Господи, хоть бы смерть.

(Входитъ Борисъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и **Борисъ.**

Борисъ. Не могу ли я вамъ быть полезенъ?

Николай Иван. Полезнымъ тутъ ничѣмъ нельзя быть другимъ. Зло слишкомъ застарѣло. Полезнымъ можно быть только себѣ, чтобы видѣть то, на чемъ мы строимъ свое счастье. Вотъ семья:

пятеро дѣтей, жена брюхата и больной мужъ, и ѣсть нечего, кромѣ картофеля, и сейчасъ рѣшается вопросъ, быть ли сытымъ будущій годъ или нѣтъ. И помочь нельзя. Чѣмъ помочь? Я найму ей работника. А кто работникъ? Такой же — бросающій свое хозяйство отъ пьянства, нужды.

Борисъ. Такъ, простите меня, что же вы дѣлаете тутъ?

Николай Иван. Узнаю свое положеніе, узнаю, кто намъ чиститъ садъ, строитъ дома, дѣлаетъ нашу одежду, кормитъ, одѣваетъ насъ.

(Приходятъ мужики съ косами и бабы съ граблями, кланяются.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и **мужики** *и* **бабы.**

Николай Иван. *(останавливаетъ одного)*. Ермилъ, что не наймешься ли скосить вотъ имъ?

Ермилъ *(покачивая головой)*. И радъ бы душой, да никакъ нельзя: своя не вожена, вотъ бѣжимъ повозиться. А что же, помираетъ Иванъ-то?

Другой мужикъ. Вотъ дядя Севастьянъ не возьмется ли? Дядя Севастьянъ! Вотъ нанимаютъ косить.

Севастьянъ. Наймись самъ. Нынче день годъ кормитъ.

(Проходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, безъ **мужиковъ** *и* **бабъ.**

Николай Иван. Все это—полуголодные, на одномъ хлѣбѣ съ водой, больные, часто старые. Вонъ тотъ старикъ, у него грыжа, отъ которой онъ страдаетъ, а онъ съ четырехъ часовъ утра до десяти вечера работаетъ и еле живъ. А мы? . . . . . .

. . . . . .

Борисъ. Но что же дѣлать?

Николай Иван. Не участвовать въ этомъ злѣ . . . .

. . . . . А какъ это устроить, я не знаю. Тутъ дѣло въ томъ... по крайней мѣрѣ, такъ со мной было. Я жилъ и не понималъ, какъ я живу, не понималъ того, что я—сынъ Бога, и всѣ мы—сыны Бога и братья. Но когда я понялъ это, понялъ, что всѣ имѣютъ равныя права на жизнь, — вся жизнь моя переверну-

лась. Впрочемъ, теперь я не могу вамъ объяснить этого. Одно скажу: что прежде я былъ слѣпъ, какъ слѣпы мои дома, а теперь глаза открылись, и я не могу не видѣть. А видя, не могу продолжать такъ жить. Впрочемъ, послѣ. Теперь надо сдѣлать, что можно.

(Идутъ сотскій, Петръ и его жена и мальчикъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, **сотскій, Петръ,** *его* **жена** *и* **мальчикъ.**

Петръ *(падаетъ въ ноги Николаю Ивановичу).* Прости, Христа ради, погибать мнѣ теперь. Бабѣ гдѣ управить. Хоть бы на поруки, что ль.

Николай Иван. Я поѣду, напишу. *(Къ сотскому.)* А нельзя теперь оставить?

Сотскій. Намъ приказано доставить въ станъ.

Николай Иван. Ты ступай, я найму, сдѣлаю, что можно. Это уже прямо я. Какъ же жить такъ? *(Уходитъ.)*

Занавѣсъ.

Сцена перемѣняется. Тамъ же, въ деревнѣ. На дворѣ дождь. Гостиная, рояль. **Тоня** сыграла Шумана сонату и сидитъ за роялемъ. У рояля стоитъ **Степа**. Сидитъ **Борисъ**. Послѣ игры **Люба, Лизанька, Митрофанъ Ермилычъ, священникъ,**—всѣ остаются въ волненіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Люба. Andante—что за прелесть!

Степа. Нѣтъ, scherzo. Да все прелестно.

Лизанька. Очень хорошо.

Степа. Но я никакъ не думалъ, что вы такой артистъ. Это настоящая, мастерская игра. Видно, что трудностей уже не существуетъ, а вы только думаете о выраженіи и выражаете такъ удивительно тонко.

Люба. И благородно.

Тоня. А я такъ чувствую, что не то, что хочется... Недостаетъ еще многаго.

Лизанька. Чего же лучше? Удивительно.

Люба. Шуманъ хорошъ, но все-таки Chopin больше хватаетъ за сердце.

Степа. Лиризма больше.

Тоня. Нельзя сравнивать.

Люба. Помнишь prélude его?

Тоня. Этотъ такъ называемый Жоржъ-Зандовскій? *(Играетъ начало.)*

Люба. Нѣтъ, не этотъ. Этотъ прекрасенъ, но заигранъ. Но сыграй этотъ, пожалуйста.

Тоня *(играетъ, если можетъ,—а то обрываетъ.)*

Люба. Нѣтъ, въ ré mineur.

Тоня. Ахъ, этотъ,—это чудная вещь. Это что-то стихійное, до сотворенія міра.

Степа *(смѣется)*. Да, да. Ну, сыграйте, пожалуйста. Впрочемъ, нѣтъ, вы устали. И такъ мы провели чудное утро благодаря васъ.

Тоня *(встаетъ и смотритъ въ окно)*. Опять мужики.

Люба. Вотъ этимъ-то драгоцѣнна музыка. Я понимаю Саула. Меня не мучаетъ бѣсъ, но я понимаю его. Никакое искусство не можетъ такъ заставить забыть все, какъ музыка. *(Подходитъ къ окну.)* Кого вамъ?

[Мужики.] Послали къ Николаю Ивановичу.

Люба. Его нѣтъ, подождите.

Тоня. И выходишь замужъ за человѣка, который ничего не понимаетъ въ музыкѣ.

Люба. Да не можетъ быть!

Борисъ *(разсѣянно)*. Музыка... Нѣтъ, я люблю музыку или, скорѣе, не не люблю. Но предпочитаю что-нибудь попроще,— пѣсни люблю.

Тоня. Нѣтъ, ну эта соната развѣ не прелестна?

Борисъ. Главное, это не важно, и мнѣ немножко обидно за жизнь другую, что приписываютъ важность этому.

(На столѣ конфеты. Всѣ ѣдятъ.)

Лизанька. Вотъ какъ хорошо, что женихъ, и конфеты есть.

Борисъ. Ну, я въ этомъ не виноватъ, это мама.

Тоня. И прекрасно дѣлаетъ.

Люба. Музыка тѣмъ дорога, что она овладѣваетъ, схватываетъ и уноситъ изъ дѣйствительности. Вотъ все какъ мрачно было, а вдругъ ты заиграла и просвѣтлѣло. Право, просвѣтлѣло.

Лизанька. А вальсы Chopin избиты, но все-таки...

Тоня. Этотъ... *(Играетъ.)* [1]).

(Входитъ Николай Ивановичъ, здоровается съ Тоней [2]*), съ Степой, Лизанькой, Любой, [Митрофаномъ Ермиловичемъ и священникомъ]).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **Николай Ивановичъ.**

Николай Иван. Гдѣ мама?

Люба. Кажется, въ дѣтской

Степа *(зоветъ лакея).*

Люба. Папа, какъ Тоня играетъ чудно! А ты гдѣ былъ?

Николай Иван. На деревнѣ.

(Входитъ лакей.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **лакей.**

Степа. Принеси самоваръ другой.

Николай Иван. *(здоровается и съ лакеемъ, подавая ему руку).* Здравствуй!

(Лакей робѣетъ и уходитъ. Николай Иван. уходитъ тоже.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ **лакея** *и* **Николая Ивановича.**

Степа. Несчастный Афанасій! Смущенъ ужасно. Не понимаю. Точно мы въ чемъ-то виноваты.

ЯВЛЕНІЕ V и VI.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, **Марья Ивановна** *и* **княгиня.**

Люба. Это тетя. *(Идетъ ей навстрѣчу, и Марья Иван.) (Продолжается музыка.—Входятъ Алекс. Иван. и отецъ Герасимъ, священникъ въ наперсномъ крестѣ, и нотаріусъ. Всѣ встаютъ.)*

---

[1]) См. примѣчаніе 5-е.

[2]) См. примѣчаніе 6-е.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, **Александра Ивановна, отецъ Герасимъ** *и* **нотаріусъ.**

Отецъ Герас. Прошу продолжать. Пріятно.

(Княгиня подходитъ подъ благословеніе, также и священникъ.)

Алекс. Иван. Я какъ себѣ сказала, что сдѣлаю, такъ все и сдѣлала. Отца Герасима застала и вотъ уговорила заѣхать—онъ ѣдетъ въ Курскъ,—и свое дѣло сдѣлала. И нотаріусъ вотъ. У него бумага готова, только подписать.

Марья Иван. Не угодно ли позавтракать?

(Нотаріусъ кладетъ на столъ бумаги и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, безъ **нотаріуса.**

Марья Ив. Я очень благодарна отцу Герасиму.

Отецъ Герас. Что дѣлать! хоть и не путь мнѣ, но по христіанству счелъ долгомъ посѣтить.

Алекс. Иван. *(шепчетъ молодежи).*

(Молодежь сговаривается, и уходятъ на террасу всѣ, кромѣ Бориса. Священникъ тоже хочетъ уходить.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Марья Ивановна, Александръ Ивановичъ, княгиня, отецъ Герасимъ, священникъ *и* **Борисъ.**

Отецъ Герас. Что же, побудьте,—вы, какъ пастырь и отецъ духовный, можете пользу и получить и принесть. Оставайтесь, если Марья Ивановна не имѣетъ чего противъ.

Марья Иван. Нѣтъ, я отца Василья люблю, какъ своего семейнаго. Я и съ нимъ совѣтовалась, но онъ слишкомъ мало имѣетъ, по годамъ своимъ, авторитета.

Отецъ Герас. Всеконечно, всеконечно.

Алекс. Иван. *(подходитъ).* Такъ вотъ видите, отецъ Герасимъ, вы одни можете помочь и вразумить. Человѣкъ онъ умный, ученый, но, вы знаете, ученость только можетъ повредить. У него сдѣлалось какое-то затменіе. Онъ утверждаетъ, что по христіанскому закону человѣкъ не долженъ ничего имѣть. Но развѣ это можно?..

Отецъ Герас. Прелесть, гордость ума, самоволіе. Отцы Церкви вопросъ разъяснили достаточно. Но какъ же это все сдѣлалось?

Марья Иван. А если все вамъ разсказывать, то когда мы женились, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ религіи, и такъ мы жили, и прекрасно жили, лучшіе годы—первыя двадцать лѣтъ. Потомъ онъ сталъ думать. Можетъ-быть, имѣла вліяніе на него сестра или чтеніе, только онъ сталъ думать, читать Евангеліе и тогда вдругъ сталъ крайне религіозенъ, сталъ ходить въ церковь, ѣздить по монахамъ. И потомъ вдругъ бросилъ это все и измѣнилъ во всемъ свою жизнь: началъ самъ работать, не допускаетъ себѣ служить прислугу и, главное, теперь раздаетъ имѣнье. Онъ вчера отдалъ лѣсъ съ землей. Я боюсь,—у меня семь человѣкъ дѣтей. Поговорите съ нимъ. Я пойду спрошу его, хочетъ ли онъ васъ видѣть. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, безъ **Марьи Ивановны.**

Отецъ Герас. Нонѣ многіе стали отступать. Что же, имущество-то его или супруги?

Княгиня. Его. Въ томъ-то и бѣда.

Отецъ Герас. А чинъ его какой?

Княгиня. Чинъ небольшой. Кажется, ротмистръ. Онъ военный былъ.

Отецъ Герас. Многіе такъ уклоняются. Въ Одессѣ такъ дама была въ увлеченіи спиритизма и много начала вреднаго дѣлать; то все-таки Богъ помогъ возвратить ее къ Церкви.

Княгиня. Главное, вы поймите: сынъ мой теперь женится на дочери. Я согласилась. Но дѣвушка привыкла къ роскоши и потому должна имѣть свое обезпеченіе, а не лечь всей тяжестью на моего сына. Онъ, положимъ, работникъ и замѣчательный молодой человѣкъ.

(Выходятъ Марья Иван. и Николай Иван.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Марья Ивановна, княгиня, Николай Ивановичъ, священникъ *и* Борисъ.

Марья Иван. *(къ священнику)*. Ну, что же послѣ этого?

. . . . . .

. . . . . .

Княгиня. Ему говорить не дали, и главное, ему не понравилось, что сдѣлали какой-то турниръ. Всѣ слушаютъ. Онъ изъ скромности своей удалился.

Борисъ. . . . . .

. . . . . .

Княгиня. Да я уже вижу, что ты, по своей всегдашней вертлявости, уже теперь во всемъ начинаешь соглашаться съ Николаемъ Ивановичемъ. Если ты такъ думаешь, то тебѣ не надо жениться.

Борисъ. Я только говорю: что̀ правда, то̀ правда, и не могу не говорить.

Княгиня. Тебѣ-то ужъ никакъ нельзя говорить этого.

Борисъ. Отчего?

Княгиня . . . . . .

Впрочемъ, все это не наше дѣло. *(Уходитъ, за ней и всѣ остальные, кромѣ Николая Иван. и Марьи Иван.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Николай Ивановичъ *и* Марья Ивановна.

Николай Иван. *(сидитъ задумавшись, потомъ улыбается своимъ мыслямъ)*. Маша! для чего это? Для чего ты пригласила этого . . . . . человѣка? Для чего эта шумная женщина и этотъ священникъ участвуютъ въ нашей самой интимной жизни? Развѣ мы не можемъ сами разобрать наши дѣла?

Марья Иван. Да что же мнѣ дѣлать, когда ты хочешь оставить дѣтей безъ ничего. Не могу я этого спокойно перенести. Вѣдь ты знаешь, что я не корыстна, и что мнѣ ничего не нужно.

Николай Иван. Знаю, знаю и вѣрю. Но горе въ томъ, что ты не вѣришь—ни истинѣ,—вѣдь я знаю, ты видишь ее, но не рѣшаешься повѣрить въ нее,—ни истинѣ не вѣришь ни мнѣ. А вѣришь всей толпѣ,—княгинѣ и другимъ.

Марья Иван. Вѣрю тебѣ, всегда вѣрила, но когда ты хочешь пустить дѣтей по-міру...

Николай Иван. Это-то и значитъ, что не вѣришь. Ты думаешь, я не боролся, не боялся? Но потомъ я убѣдился, что это не только можно, но должно, что это одно нужно, хорошо для дѣтей. Ты всегда говоришь, что если бы не было дѣтей, ты бы пошла за мной; а я говорю: если бъ не было дѣтей, можно бы жить, какъ мы живемъ, мы губили бы однихъ себя, а мы губимъ ихъ.

Марья Иван. Ну, что же мнѣ дѣлать, коли я не понимаю?

Николай Иван. И мнѣ что же дѣлать? Вѣдь я знаю, зачѣмъ выписали этого . . . . . человѣка . . . . . и зачѣмъ Алина привезла нотаріуса. Вы хотите, чтобъ я перевелъ имѣніе на тебя. Не могу. Вѣдь ты знаешь, что я люблю тебя двадцать лѣтъ нашей жизни, люблю и хочу тебѣ добра, и поэтому не могу подписывать . . . . . .

. . . . . .

Марья Иван. Нѣтъ, это ужасно! За что такая жестокость? Ну, ты считаешь грѣхомъ, ну, отдай мнѣ. *(Плачетъ.)*

Николай Иван. Ты не знаешь, что ты говоришь. Если я отдамъ тебѣ, я не могу оставаться жить съ тобой, я долженъ уйти. Не могу я продолжать жить въ этихъ условіяхъ. . . . .

. . . . . .

Марья Иван. Какъ ты жестокъ! Какое же это христіанство? Это—злость. Вѣдь не могу я жить, какъ ты хочешь, не могу я оторвать отъ своихъ дѣтей и отдать кому-то. И за это ты хочешь бросить меня. Ну и бросай. Я вижу, что ты разлюбилъ, и даже знаю, почему.

Николай Иван. Ну, хорошо, я подпишу. Но, Маша, ты требуешь отъ меня невозможнаго. *(Подходитъ къ столу, подписываетъ.)* Ты хотѣла этого. Я не могу такъ жить. *(Убѣгаетъ, хватаясь за голову.)*

Занавѣсъ.

ДѢИСТВІЕ III.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Большая комната. Въ ней—верстакъ, столъ съ бумагами, шкапъ съ книгами, зеркало и картина, заставленныя досками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Николай Ивановичъ *въ фартукѣ работаетъ у верстака, строгаетъ* **столяръ-мастеръ**.

Николай Иван. *(вынимаетъ доску)*. Такъ хорошо?

Столяръ *(налаживаетъ рубанокъ)*. Не больно. Вы смѣлѣй, вотъ такъ.

Николай Иван. Да хорошо бы смѣлѣе, да все не ладится.

Столяръ. Да и на что вашей милости столярное мастерство? И нашего брата развелось столько, что жить не даютъ.

Николай Иван. *(опять работаетъ)*. Совѣстно жить праздно.

Столяръ. Ваше дѣло такое. Вамъ Богъ далъ имѣнье.

. . . . . .

. . . . . .

Столяръ *(въ недоумѣніи)*. Это такъ. А все же вамъ ни къ чему.

Николай. Иван. Я понимаю, что вамъ странно видѣть, что въ этомъ домѣ, гдѣ столько лишняго, я хочу зарабатывать.

Столяръ *(смѣется)*. Нѣтъ, что же, господа—извѣстное дѣло. [До] всего хотятъ доходить. Вотъ теперь шерхебелемъ пройдите.

Николай Иван. Вы не повѣрите, смѣяться будете, а я все-таки скажу, что жилъ я прежде такъ, не стыдился, а теперь я повѣрилъ Христову закону, что всѣ мы братья, и мнѣ стыдно такъ жить.

Столяръ. Стыдно, такъ раздайте.

Николай Иван. Хотѣлъ, да не удалось, женѣ передалъ.

Столяръ. Да вамъ и нельзя,—привыкли.

(Изъ-за двери голосъ.) Папа, можно?

Николай Иван. Можно, можно, всегда можно.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **Люба.**

Люба *(входитъ)*. Здравствуйте, Яковъ!

Столяръ. Здравія желаю, барышня.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ **Любы.**

Марья Иван. А еще я пришла къ тебѣ сказать про Ваню. Ужасно себя ведетъ и учится такъ, что ни за что не перейдетъ. Я стала говорить ему, — грубитъ.

Николай Иван. Маша, вѣдь ты знаешь, что я не сочувствую всему тому складу жизни, который вы ведете, и ихъ воспитанію. Это для меня страшный вопросъ: имѣю ли я право видѣть, какъ на моихъ глазахъ гибнутъ...

Марья Иван. Тогда надо что-нибудь другое, опредѣленное, а что ты даешь?

Николай Иван. Я не могъ сказать, что. Я одно говорю, первое: надо освободиться отъ этой развращающей роскоши...

Марья Иван. Чтобъ они были мужиками? Не могу я на это согласиться.

Николай Иван. Ну, такъ не спрашивай меня. То, что тебя огорчаетъ, такъ и должно быть.

(Входятъ священникъ и Люба.)

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ДѢИСТВІЕ IV.

Въ Москвѣ. Прошелъ годъ послѣ третьяго дѣйствія. Зала въ домѣ Сарынцовыхъ приготовлена для танцовальнаго вечера подъ фортепіано. **Лакеи** устанавливаютъ цвѣты передъ роялемъ. Входитъ **Марья Ивановна** въ нарядномъ шелковомъ платьѣ съ **Александрой Ивановной.**

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Ивановна, Александра Ивановна *и* лакеи.

Марья Иван. Какой же балъ? Не балъ, а просто вечерокъ, une sauterie, какъ говорили прежде, для adolescents [1]). Вѣдь не могу же я посылать своихъ танцовать. И спектакль былъ у Маковыхъ, и танцовали вездѣ. Надо мнѣ отплатить.

Алекс. Иван. Боюсь, Nicolas это очень непріятно.

Марья Иван. Что жъ дѣлать! *(Лакею.)* Сюда поставьте.— Богъ видитъ, какъ бы я желала не дѣлать ему непріятнаго. Но я думаю, что онъ вообще теперь уже не такъ требователенъ.

Алекс. Иван. О нѣтъ, онъ только не выказываетъ. Онъ прошелъ къ себѣ послѣ обѣда очень разстроенный.

Марья Иван. Ну, что же дѣлать, что же дѣлать? Вѣдь всѣмъ жить надо. Вѣдь ихъ семь человѣкъ, и если ихъ дома не веселить, то они Богъ знаетъ что будутъ дѣлать. Я, по крайней мѣрѣ, теперь объ Любѣ такъ счастлива...

Алекс. Иван. Развѣ онъ сдѣлалъ предложеніе?

Марья Иван. Все равно что сдѣлалъ. Онъ говорилъ съ ней, и она сказала, что да.

Алекс. Иван. Это опять будетъ ужасный ударъ для него.

Марья Иван. Да онъ знаетъ. Онъ не можетъ не знать.

Алекс. Иван. Онъ не любитъ его.

---

[1]) Молодежи.

Марья Иван. *(лакеямъ)*. Фрукты поставьте на буфетъ. Кого? Александра Михайловича? Разумѣется, не любитъ, потому что это отрицаніе всѣхъ его теорій: свѣтскій, милый, пріятный и добрый человѣкъ. Ахъ, этотъ ужасный кошмаръ — Бориса Черемшанова. Что онъ?

Алекс. Иван. Лизанька ходила къ нему. Онъ все тамъ же. Говорятъ, ужасно похудѣлъ, и доктора боятся за его жизнь или разсудокъ.

Марья Иван. Да, вотъ эта жертва ужасная его идей. За что погибъ?.. Я никогда не желала...

(Входитъ таперъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **таперъ.**

Марья Иван. *(таперу)*. Вы для танцевъ?

Таперъ. Да, я таперъ.

Марья Иван. Пожалуйста, садитесь, подождите. А то не хотите ли чаю?

Таперъ. Нѣтъ, благодарю васъ. *(Идетъ къ роялю.)*

Марья Иван. Никогда не желала. Я Борю любила, но все-таки это не была партія для Любы. Особенно, когда онъ увлекся идеями Николая Ивановича.

Алекс. Иван. Все-таки удивительная сила убѣжденія. Вѣдь какъ онъ страдаетъ! Ему говорятъ, что если онъ не согласится, его или оставятъ тамъ или въ крѣпость. Онъ все то же отвѣчаетъ. И Лизанька говорила, что радостенъ, веселъ даже.

Марья Иван. Фанатики. А вотъ и Александръ Михайловичъ.

(Входитъ во фракѣ блестящій Александръ Михайловичъ Старковскій.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **Старковскій.**

Старковскій. Я рано пріѣхалъ. *(Цѣлуетъ руку у обѣихъ.)*

Марья Иван. Тѣмъ лучше.

Старковскій. А Любовь Николаевна? Она собиралась такъ много танцовать за все пропущенное. Я взялся помогать ей.

Марья Иван. Она разбираетъ котильонъ.

Старковскій. Я пойду, помогу ей,—можно?

Марья Иван. Прекрасно.

(Старковскій уходитъ. Навстрѣчу ему идетъ Люба, несетъ подушку, звѣзды, ленты.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и **Люба.**

Люба *(въ вечернемъ нарядѣ, не декольте)*. А вотъ и вы. Отлично. Помогайте мнѣ. Тамъ, въ гостиной, еще двѣ подушки, несите все сюда. Здравствуйте, здравствуйте.

Старковскій. Лечу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Марья Ивановна, Александра Ивановна и Люба.

Марья Иван. *(Любѣ)*. Послушай, Люба. Нынче будутъ знакомые, будутъ намекать, спрашивать. Можно объявить?

Люба. Нѣтъ, мама́, нѣтъ. Зачѣмъ? Пускай спрашиваютъ. Папа̀ будетъ непріятно.

Марья Иван. Да вѣдь онъ знаетъ или догадывается, рано или поздно надо будетъ сказать ему. Я думаю, что лучше объявить нынче. Вѣдь c'est le secret de la comédie [1]).

Люба. Нѣтъ, нѣтъ, мама́, пожалуйста. Это значитъ отравить весь вечеръ. Нѣтъ, не надо.

Марья Иван. Ну, какъ хочешь.

(Входитъ Старковскій.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и **Старковскій.**

Люба. Такъ вотъ что: въ концѣ вечера, передъ ужиномъ. [*Къ Старковскому.*] Ну, несете?

Марья Иван. Ну, я пойду, Наташу посмотрю. *(Уходитъ съ Алекс. Иван.)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Люба и Старковскій.

Старковскій *(несетъ три подушки, поддерживая подбородкомъ, и роняетъ дорогой)*. Любовь Николаевна, не трогайте, я подберу. Ну, надѣлали вы. Надо только умѣть распорядиться. Ваня, иди.

---

[1]) Это секретъ комедіи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и **Ваня.**

Ваня *(несетъ еще)*. Теперь все. Люба, у насъ съ Александромъ Михайловичемъ пари, кто больше заслужитъ орденовъ.

Старковскій. Тебѣ легко, ты всѣхъ знаешь, ты уже впередъ заслужилъ, а я долженъ еще плѣнить прежде дѣвицъ, а потомъ уже получать награды. Я, значитъ, тебѣ даю впередъ сорокъ очковъ,

Ваня. Зато ты женихъ, а я мальчикъ.

Старковскій. Ну, я тоже не женихъ и хуже мальчика.

Люба. Ваня, поди, пожалуйста, ко мнѣ въ комнату и принеси на этажеркѣ клей и подушечку съ иголками. *(Ваня идетъ.)* Только, ради Бога, не разбей тамъ чего.

Ваня. Все разобью! *(Бѣжитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Люба *и* **Старковскій.**

Старковскій *(беретъ Любу за руку)*. Люба, можно? Я такъ счастливъ. *(Цѣлуетъ руку.)* Мазурка моя, но мнѣ мало,— въ мазуркѣ не успѣешь сказать. А мнѣ нужно сказать. Могу я телеграфировать своимъ, что я принятъ и счастливъ?

Люба. Да, нынче вечеромъ.

Старковскій. Еще одно слово: какъ приметъ это Николай Ивановичъ? Говорили ли вы ему? Да?

Люба. Я не говорила. Но я скажу. Онъ приметъ, какъ онъ все принимаетъ теперь изъ того, что касается семьи. Онъ скажетъ: дѣлай, какъ знаешь. Но въ душѣ онъ будетъ огорченъ.

Старковскій. Оттого, что я не Черемшановъ? Оттого, что я камеръ-юнкеръ, предводитель?

Люба. Да. Но я уже боролась съ собой, обманывала себя для него. И не то что я меньше люблю его, что не дѣлаю того, что онъ хочетъ, но оттого, что не могу лгать. И онъ самъ говоритъ это. Я слишкомъ хочу жить.

Старковскій. И это одна правда — жизнь. Ну, а онъ, Черемшановъ?

Люба *(взволнованно)*. Не говорите мнѣ про него. Мнѣ хочется осуждать его, и осуждать его тогда, когда онъ страдаетъ. И я знаю, что это оттого, что я виновата передъ нимъ. Одно я знаю, что есть любовь и, я думаю, настоящая любовь, которой я никогда не любила его.

Старковскій. Люба, правда?

Люба. Вы хотите, чтобы я сказала, что я васъ люблю этой настоящей любовью, но я не скажу. Я, да, я люблю васъ другой любовью, но и это не то. И та не то, и эта не то; если бы смѣшать.

Старковскій. Нѣтъ, я доволенъ своей. *(Цѣлуетъ руку.)* Люба!

Люба *(отстраняется)*. Нѣтъ, давайте разбирать. Да вотъ и пріѣзжаютъ.

(Входятъ княгиня съ Тоней и дѣвочкой.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и **княгиня** *съ* **Тоней** *и* **дѣвочкой.**

Люба. Мама̀ сейчасъ выйдетъ.

Княгиня. Мы первыя?

Старковскій. Надо кому-нибудь. Я предлагалъ сдѣлать гуттаперчевую даму первою.

(Выходитъ Степа. Ваня приноситъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, **Степа** *и* **Ваня.**

Степа. Я вчера думалъ видѣть васъ у Итальянцевъ.

Тоня. Мы были у тети, шили бѣднымъ.

(Входятъ студенты, дамы, Марья Иван., графиня.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, **Марья Ивановна, графиня, студенты, дамы.**

Графиня. Николая Ивановича мы не увидимъ?

Марья Иван. Нѣтъ, онъ никогда не выходитъ [1]).

Старковскій. Кадриль, пожалуйста. *(Хлопаетъ въ ладоши.—Разставляются, танцуютъ.)*

Алекс. Иван. *(подходитъ къ Марьѣ Иван.)*. Онъ въ ужасномъ волненіи. Онъ былъ у Бориса Семеновича и пришелъ,

[1]) См. примѣчаніе 7-е.

увидалъ балъ и хочетъ уѣзжать. Я подошла къ двери и слышала его разговоръ съ Александромъ Петровичемъ.

Марья Иван. Что же?

[Старковскій.] Rond des dames! Les cavaliers en avant!

Алекс. Иван. Онъ рѣшилъ, что невозможно жить, и уѣзжаетъ.

Марья Иван. Что за мучитель этотъ человѣкъ! *(Уходитъ.)*

Занавѣсъ.

Сцена перемѣняется. Комната Николая Ивановича. Слышна музыка издалека. Онъ одѣтъ въ пальто [1]), съ нимъ оборванный **Александръ Петровичъ.**

ЯВЛЕНІЕ I.

Алекс. Петр. Будьте спокойны, пройдемъ до Кавказа безъ гроша. А тамъ уже вы устраивайте.

Николай Иван. До Тулы доѣдемъ, а тамъ пойдемъ. Ну, все готово. *(Кладетъ письмо на середину стола и выходитъ. Встрѣчается съ Марьей Иван.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Николай Ивановичъ, Александръ Петровичъ *и* **Марья Ивановна.**

Николай Иван. Ну, для чего ты пришла?

Марья Иван. Какъ для чего? Для того, чтобы не дать тебѣ сдѣлать жестокое дѣло. Зачѣмъ это? За что?

Николай Иван. Зачѣмъ? Затѣмъ, что я не могу продолжать такъ жить. Не могу переносить этой ужасной, развращенной жизни.

Марья Иван. Вѣдь это ужасно. Моя жизнь, которую я всю отдаю тебѣ и дѣтямъ, вдругъ развратная. *(Видитъ Алекс. Петр.)* Renvoyez au moins cet homme. Je ne veux pas qu'il soit témoin de cette conversation [2]).

Алекс. Петр. Компрене. Тужеръ муа парте.

Николай Иван. Подождите меня тамъ, Александръ Петровичъ, я сейчасъ приду.

(Алекс. Петр. уходитъ.)

---

[1]) См. примѣчаніе 8-е.

[2]) Вышлите, по крайней мѣрѣ, этого человѣка. Я не хочу, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ этого разговора.

ЯВЛЕНІЕ III.

Николай Ивановичъ и Марья Ивановна.

Марья Иван. И что общаго можетъ имѣть съ вами такой человѣкъ? И почему онъ тебѣ ближе жены? Это нельзя понять. Куда же ты идешь?

Николай Иван. Я оставилъ тебѣ письмо. Я не хотѣлъ говорить. Мнѣ слишкомъ тяжело. Но если ты хочешь, я постараюсь спокойно сказать тебѣ это.

Марья Иван. Нѣтъ, я не могу понять. За что ты ненавидишь и казнишь жену, которая тебѣ все отдала? Скажи, что я: ѣздила по баламъ, наряжалась, кокетничала? Вся жизнь моя отдана была семьѣ. Всѣхъ сама кормила, воспитывала, послѣдній годъ вся тяжесть воспитанья, управленья дѣлами, все на мнѣ...

Николай Иван. *(перебивая)*. Да вѣдь тяжесть эта оттого на тебѣ, что ты не захотѣла жить, какъ я предлагалъ.

Марья Иван. Да вѣдь это невозможно. Спроси у всего свѣта. Невозможно оставить дѣтей безграмотными, какъ ты хотѣлъ, и мнѣ самой стирать и готовить кушанья.

Николай Иван. Я никогда не хотѣлъ этого.

Марья Иван. Ну, все равно, въ этомъ родѣ. Нѣтъ, ты христіанинъ, ты хочешь дѣлать добро, говоришь, что любишь людей, за что же ты казнишь ту женщину, которая отдала тебѣ всю свою жизнь?

Николай Иван. Да чѣмъ же я казню? Я и люблю, но...

Марья Иван. Какъ же не казнишь, когда ты бросаешь меня, уходишь. Что же скажутъ всѣ? Одно изъ двухъ: или я дурная женщина, или ты сумасшедшій.

Николай Иван. Да пускай я сумасшедшій, я не могу такъ жить.

Марья Иван. Что же тутъ ужаснаго, что я во всю зиму одинъ разъ... и именно потому, что боялась, что тебѣ это будетъ непріятно, сдѣлала вечеръ. И то какой,—спроси Маню и Варвару Васильевну, всѣ мнѣ говорили, что безъ этого нельзя, что это необходимо. И это преступленье, и за это я должна нести позоръ. Да и не позоръ только. Самое главное то, что ты теперь не любишь меня; ты любишь весь міръ, и пьянаго Александра Петровича,— а я все-таки люблю тебя, не могу жить безъ тебя. За что? за что? *(Плачетъ.)*

Николай Иван. Вѣдь ты не хочешь понимать моей жизни, моей духовной жизни.

Марья Иван. Я хочу понимать, но не могу понять. Я вижу, что твое христіанство сдѣлало то, что ты возненавидѣлъ семью, меня. А для чего, — не понимаю.

Николай Иван. Другіе понимаютъ же.

Марья Иван. Кто? Александръ Петровичъ, который выпрашиваетъ у тебя деньги?

Николай Иван. И онъ, и другіе, и Тоня, и Василій Никаноровичъ. Да мнѣ все равно. Если бы никто не понималъ, это не измѣнило бы.

Марья Иван. Василій Никаноровичъ покаялся и опять поступилъ въ приходъ. А Тоня сейчасъ танцуетъ и кокетничаетъ съ Степой.

Николай Иван. Это жалко, но это не можетъ сдѣлать того, что черное [будетъ] бѣлымъ, не можетъ и измѣнить моей жизни. Маша! я не нуженъ тебѣ. Отпусти меня. Я пытался участвовать въ вашей жизни, внести въ нее то, что составляетъ для меня всю жизнь. Но это невозможно. Выходитъ только то, что я мучаю васъ и мучаю себя. Не только мучаю себя, но гублю то, что я дѣлаю. Мнѣ всякій, этотъ же Александръ Петровичъ, имѣетъ право сказать и говоритъ, что я обманщикъ, что я говорю, но не дѣлаю, что я проповѣдую евангельскую бѣдность, а самъ живу въ роскоши подъ предлогомъ, что я отдалъ все женѣ.

Марья Иван. И тебѣ передъ людьми стыдно? Неужели ты не можешь стать выше этого?

Николай Иван. Не мнѣ стыдно, — но и стыдно, — но я гублю дѣло Божіе.

Марья Иван. Ты самъ говорилъ, что оно дѣлается, несмотря на наше противодѣйствіе ему. Но не въ томъ дѣло. Скажи, чего ты хочешь отъ меня?

Николай Иван. Вѣдь я говорилъ.

Марья Иван. Но, Nicolas, вѣдь ты знаешь, что это невозможно. Подумай только: теперь Люба выходитъ замужъ, Ваня поступилъ въ университетъ, Миша, Катя учатся. Какъ же все оборвать?

Николай Иван. Такъ мнѣ-то какъ же быть?

Марья Иван. Дѣлать то, что ты проповѣдуешь: терпѣть, любить. Что тебѣ трудно? Только переносить насъ, не лишать насъ себя. Ну, что тебя мучаетъ?

(Вбѣгаетъ Ваня.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и **Ваня.**

Ваня. Мама̀, зовутъ тебя.

Марья Иван. Скажи, что не могу. Иди, иди.

Ваня. Да приходи же. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Николай Ивановичъ *и* **Марья Ивановна.**

Николай Иван. Ты не хочешь видѣть и понимать меня.

Марья Иван. Не не хочу, но не могу.

Николай Иван. Да не хочешь понимать, и мы расходимся все больше и больше. Ты вникни въ меня, на минутку перенесись, и ты поймешь. Ну, первое: жизнь здѣсь вся развращенная. Ты сердишься на это слово . . . . . .

. . . . . Не могу я видѣть, какъ люди взрослые, какъ рабы, наряженные во фраки, служатъ намъ. Каждый обѣдъ для меня страданье.

Марья Иван. Да вѣдь это все было. Вѣдь это у всѣхъ—и за границей и вездѣ.

Николай Иван. Не могу я, съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что мы всѣ братья, я уже не могу не видѣть этого и не страдать.

Марья Иван. Вольно же. Все можно выдумать.

Николай Иван. *(горячо)*. Вотъ это-то непониманіе ужасно . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Марья Иван. Какъ это по-христіански!

Николай Иван. Да, это скверно, я виноватъ, но я только хочу, чтобы ты перенеслась въ меня. Я только говорю, что она отреклась отъ истины...

Марья Иван. Ты говоришь: отъ истины; а другіе, и большинство, говорятъ: отъ заблужденія. Вѣдь вотъ Василій Никаноровичъ думалъ, что онъ заблуждался, а теперь вернулся же къ Церкви.

Николай Иван. Да не можетъ быть . . .

Марья Иван. Онъ писалъ Лизанькѣ, она покажетъ тебѣ письмо. Все это очень непрочно. Также и Тоня. Я уже не говорю про Александра Петровича, который находитъ это только выгоднымъ.

Николай Иван. *(сердится)*. Ну, все равно. Я только прошу меня понять. Я все-таки считаю истину истиной. Такъ мнѣ это больно . . . . . Не могу я такъ жить. Пожалѣй меня, я измучился. Отпусти меня. Прощай.

Марья Иван. Если ты уйдешь, я уйду съ тобой. А если не съ тобой, то уйду подъ тотъ поѣздъ, на которомъ ты поѣдешь. И пропадай они всѣ—и Миша и Катя. Боже мой, Боже мой! какое мученіе! За что? за что? *(Плачетъ.)*

Николай Иван. *(въ двери)*. Александръ Петровичъ, идите къ себѣ, я не поѣду. Я останусь, хорошо. *(Раздѣвается.)*

Марья Иван. *(обнимаетъ его)*. Не долго намъ жить осталось. Не будемъ портить послѣ двадцативосьмилѣтней жизни. Ну, я не буду дѣлать вечеровъ, но не наказывай меня.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Ваня** *и* **Катя.**

Ваня и Катя *(вбѣгаютъ)*. Мама, иди скорѣй.

Марья Иван. Иду, иду. Такъ будемъ прощать другъ другу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Николай Ивановичъ *одинъ.*

Николай Иван. Ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ или хитрая женщина. Да, хитрый ребенокъ. Да, да. Видно, не хочешь Ты, чтобы я былъ Твоимъ работникомъ въ этомъ Твоемъ дѣлѣ; хочешь, чтобы я былъ униженъ, чтобы всѣ могли на меня пальцемъ указывать: говоритъ, но не дѣлаетъ. Ну, пускай. Ты лучше знаешь, что Тебѣ нужно. Смиреніе, юродство. Да, если бы только возвыситься до него.

(Входитъ Лизанька.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Николай Ивановичъ *и* **Лизанька.**

Лизанька. Простите. Я несла вамъ письмо отъ Василія Никаноровича. Онъ пишетъ мнѣ, но проситъ сообщить вамъ.

Николай Иван. Неужели это правда?

Лизанька. Да; прочесть?

Николай Иван. Прочти, пожалуйста.

Лизанька *(читаетъ)*. «Пишу вамъ, прося васъ передать это Николаю Ивановичу. Я очень сожалѣю о томъ заблужденіи, въ которомъ явно отступилъ отъ святой православной Церкви, и радуюсь, что вернулся къ ней. Желаю вамъ и Николаю Ивановичу того же. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Лизанька. А еще я пришла сказать вамъ, что пріѣхала княгиня и въ ужасно возбужденномъ состояніи пришла ко мнѣ наверхъ и хочетъ васъ непремѣнно видѣть. Она сейчасъ была у сына. Я думаю, лучше отказать ей. Что же можетъ выйти отъ вашего свиданія?

Николай Иван. Нѣтъ, зови ее. Видно, нынче такой ужасный день испытаній.

Лизанька. Такъ я позову. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Николай Ивановичъ *одинъ.*

Николай Иван. Да, да, только бы помнить, что жизнь только въ служеніи Тебѣ. Помнить, что если Ты посылаешь испытаніе, то потому, что считаешь меня способнымъ выдержать его, что оно по силамъ мнѣ. Иначе бы оно и не было испытаніемъ... Отецъ! помоги, помоги мнѣ дѣлать не свою, а Твою волю.

(Входитъ княгиня.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Николай Ивановичъ *и* **княгиня.**

Княгиня. Приняли меня, удостоили. Мое почтенье. Я не подаю руки вамъ, потому что ненавижу, презираю васъ.

Николай Иван. Да что случилось?

Княгиня. А то, что его переводятъ въ дисциплинарный батальонъ. И это вы сдѣлали.

Николай Иван. Княгиня, если вамъ что нужно, то скажите, а если только для того, чтобы бранить меня, то вы только вредите себѣ. Меня же вы не можете оскорбить, потому что я всей душой сочувствую вамъ, жалѣю васъ.

Княгиня. Какое милосердіе, христіанская высота! Нѣтъ, господинъ Сарынцовъ, меня-то вы не обманете. Знаемъ васъ теперь. Сына моего вы погубили, вамъ все равно, а сами задаете балы, и невѣста моего сына, ваша дочь, выходитъ замужъ, партію дѣлаетъ, какая вамъ пріятна. А вы здѣсь притворяетесь, что опростились, столярничаете. Какъ вы мнѣ отвратительны съ своимъ фарисействомъ новымъ!

Николай Иван. Княгиня, успокойтесь. Скажите, что вамъ нужно. Вѣдь не только то, чтобы ругать меня.

Княгиня. И это. Нужно мнѣ излить наболѣвшее. А нужно мнѣ вотъ что. Его переводятъ въ дисциплинарный батальонъ, и я не перенесу этого. И это вы сдѣлали. Вы, вы, вы.

Николай Иван. Не я, Богъ сдѣлалъ это. И Богъ видитъ, какъ мнѣ жаль васъ. Не противьтесь волѣ Бога. Онъ хочетъ испытать васъ. Несите покорно.

Княгиня. Не могу я нести покорно. Вся жизнь моя была одинъ сынъ мой, и вы отняли у меня его и погубили. Не могу я быть спокойна. Я пріѣхала [къ] вамъ,—послѣдняя моя попытка сказать вамъ, что вы погубили его, вы и должны спасти его. Поѣзжайте, добейтесь, чтобы его выпустили. Поѣзжайте къ начальству, къ царю, къ кому хотите. Только вы обязаны это сдѣлать. Если же вы не сдѣлаете этого, я знаю, что я сдѣлаю. Вы мнѣ отвѣтите за это.

Николай Иван. Научите, что я долженъ дѣлать. Я все готовъ.

Княгиня. Я опять повторяю: вы должны спасти его. Если вы не спасете, помните. Прощайте. [*Уходитъ.*]

ЯВЛЕНІЕ XI.

Николай Ивановичъ *одинъ.*

Николай Иван. *(ложится на диванъ. Молчаніе. Отворяются двери. Музыка слышнѣе, гросфатеръ. Входитъ Степа.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Николай Ивановичъ *и* **Степа.**

Степа. Папà нѣтъ, идите.

(Входятъ пары, маленькіе съ большими.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Николай Ивановичъ, Степа *и* **пары.**

Люба *(узнаетъ)*. Ахъ, ты тутъ, извини.

Николай Иван. *(встаетъ)*. Ничего.

(Пары проходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

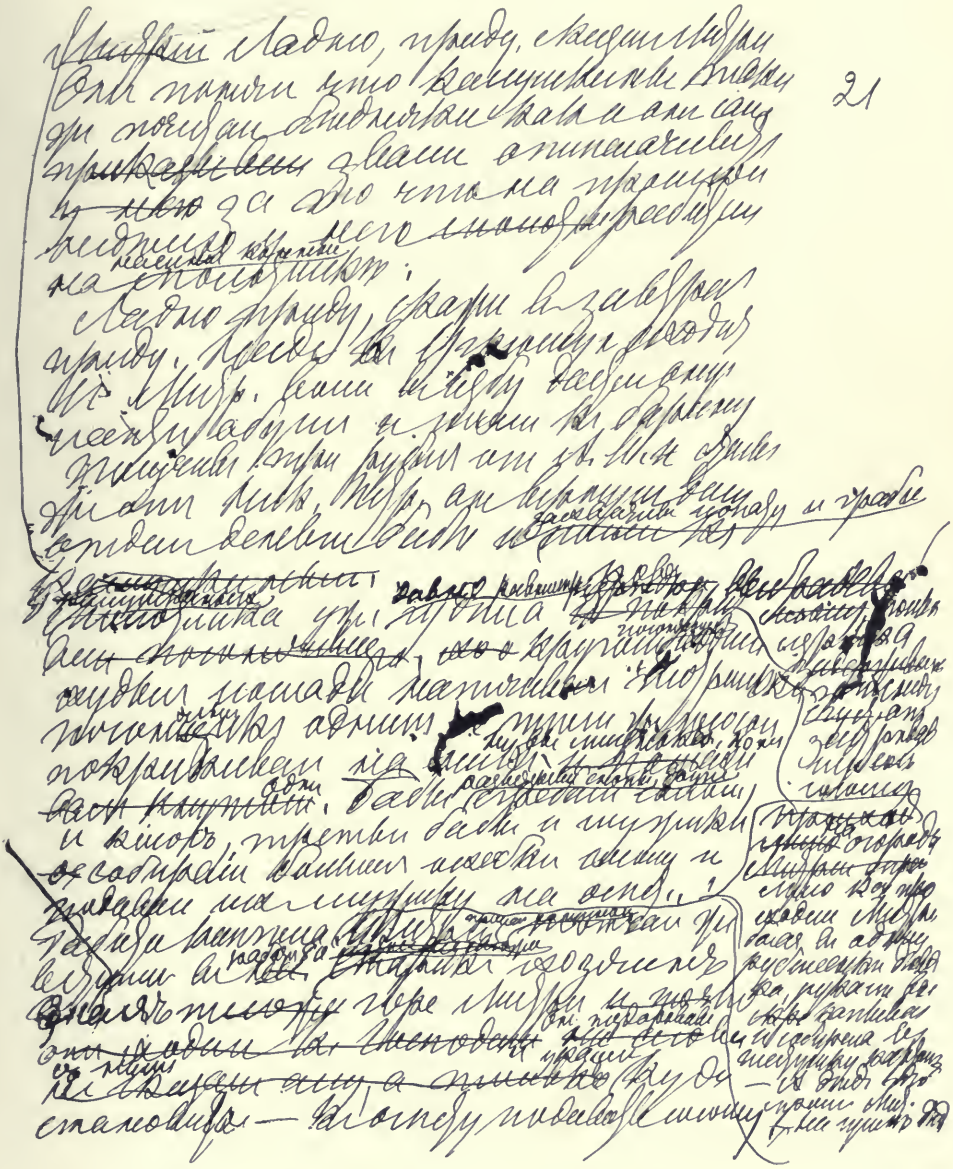
Николай Ивановичъ *одинъ.*

Николай Иван. Василій Никаноровичъ вернулся, Бориса я погубилъ, Люба выходитъ замужъ. Неужели я заблуждаюсь? заблуждаюсь въ томъ, что вѣрю Тебѣ? Нѣтъ. Отецъ! помоги мнѣ.

Занавѣсъ [1]).

1900; 1902.

[1]) См. примѣчаніе 9-е.



Факсимиле повѣсти „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ (1910), гл. III.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ тѣхъ мѣстахъ текста, гдѣ встрѣчались пропуски, которые, для сохраненія смысла, необходимо было пополнить тѣми или иными словами, вездѣ слова эти, какъ не принадлежащія Л. Н-чу, взяты въ прямыя скобки.

Въ рукописяхъ нѣкоторыхъ произведеній имена, отчества и фамиліи однихъ и тѣхъ же лицъ и названія мѣстъ иногда обозначены различно. Намъ пришлось это исправить.

Какъ во всякомъ не окончательно обработанномъ изложеніи, въ нѣкоторыхъ изъ входящихъ въ составъ настоящаго тома произведеній встрѣчаются мѣстами мелкія неточности, которыя мы оставили нетронутыми. Мы сочли излишнимъ указывать въ примѣчаніяхъ каждую изъ нихъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ существеннаго значенія.

Тѣ мѣста въ текстѣ, которыя выпущены по цензурнымъ соображеніямъ, вездѣ замѣнены точками.

Отецъ Сергій.

1.

Въ 1890 году, въ одно изъ посѣщеній В. Г. Чертковымъ Л. Н-ча, послѣдній началъ разсказывать ему волновавшій его сюжетъ — описаніе жизни одного монаха. Чертковъ всегда радовался, когда Л. Н. вовлекался въ работу надъ художественными произведеніями, и всячески старался убѣждать его не пренебрегать своимъ художественнымъ творчествомъ. На этотъ разъ Чертковъ прибѣгнулъ къ маленькой хитрости. Зная отъ самого Л. Н-ча особенную его черту, что когда онъ разскажетъ кому-нибудь сюжетъ задуманнаго имъ произведенія, то у него потомъ ослабѣваетъ потребность заниматься письменнымъ изложеніемъ этого сюжета, Чертковъ попросилъ Л. Н-ча не разсказывать, а лучше изложить этотъ сюжетъ въ первомъ своемъ письмѣ къ нему, Черткову. Чертковъ надѣялся, что такимъ

образомъ Л. Н. незамѣтно для самого себя втянется въ работу надъ этимъ разсказомъ.

Такъ и случилось. Въ первомъ своемъ письмѣ Черткову Л. Н. написалъ набросокъ разсказа, впослѣдствіи озаглавленнаго «Отецъ Сергій». Письмо начиналось словами: «Ну, вотъ вамъ исторія. Надо поскорѣе разсказать, а то забуду:—Служилъ въ сороковыхъ годахъ въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку воспитанникъ Пажескаго корпуса князь Касатскій-Ростовцевъ» и т. д. Набросокъ этотъ заканчивался описаніемъ поѣздки Маковкиной съ компаніей въ саняхъ къ монастырю и обрывался на томъ, какъ компанія рѣшила подвезти Маковкину къ отцу Сергію, и ямщики тронули лошадей: «залились колокольчики, и завизжали полозья».

Чертковъ, получивши этотъ набросокъ, переписалъ его, при чемъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, переписывая черновыя рукописи Л. Н-ча, оставилъ между строками возможно больше мѣста для дальнѣйшихъ поправокъ и возвратилъ Л. Н-чу переписанное вмѣстѣ съ оригиналомъ, сохранивши еще одну копію у себя. Л. Н., получивъ переписанный экземпляръ, снова заинтересовался сюжетомъ. «Разсказъ «Отца Сергія» очень заинтересовалъ меня,—пишетъ онъ Черткову 11 іюня 1890 г.,—я кончилъ теперь предисловіе къ книгѣ Алексѣева и займусь имъ. Очень можетъ быть интересно».

Но Л. Н. отвлекся въ это время писаніями американцевъ Гаррисона и Балу, которые поразили его совпаденіемъ съ нимъ взглядами на непротивленіе злу насиліемъ, и, поглощенный этими интересами, не принимался вплотную за разсказъ объ отцѣ Сергіи. Въ іюлѣ 1890 г. Чертковъ снова напомнилъ Л. Н-чу объ отложенномъ разсказѣ, умоляя его хоть начерно его окончить. Л. Н. отвѣчалъ Черткову 28 іюля 1890 г.: «Спасибо, что напоминаете объ «Отцѣ Сергіи». Я возьмусь за него. А то все отвлекался предисловіемъ къ деклараціямъ Гаррисона и «Катехизису» Балу, которое разрастается въ большую, очень нужную статью объ . . . . . церкви [1]). Можетъ-быть, и кончу послѣ, а теперь хочется кончить «Сергія».

Однако, несмотря на то, что сюжетъ «Отца Сергія», очевидно, привлекалъ къ себѣ Л. Н-ча, онъ не брался за него вплотную. О томъ, что онъ обдумывалъ «Отца Сергія», можно заключить изъ того, что въ записной книжкѣ Л. Н-ча, съ которой онъ не разставался во время прогулокъ и куда заносилъ карандашомъ свои мысли, часто останавливаясь для этого внезапно среди прогулки, находится отмѣченная 5 августа 1890 г. слѣдующая запись: «Къ «Отцу Сергію». Она ушла, и онъ въ отчаяніи за свою плохоту. Она ждетъ величественнаго, и вдругъ простецъ, конфузится, перебираетъ бороду, но глаза... Это-то и разжигаетъ ее».

---

[1]) Статья эта впослѣдствіи обратилась въ книгу „Царство Божіе внутри васъ“.

Въ письмѣ къ Черткову отъ 17 сентября 1890 г. Л. Н. говоритъ объ «Отцѣ Сергіи»: «Сергія» я началъ писать, и онъ мнѣ очень понравился, т.-е. разросся сюжетъ, и хотѣлось выразить то, что я думалъ о немъ. Не берусь же за него потому, что на дорогѣ стоитъ все заключеніе къ «Провозглашенію» Гаррисона и «Катехизису» Балу».

Всю зиму 1890—1891 г. Л. Н. былъ занятъ работами, которыя онъ считалъ важнѣе и нужнѣе художественныхъ, и, несмотря на то, что Чертковъ продолжалъ напоминать ему объ «Отцѣ Сергіи», не принимался за него. «Это время, какъ писалъ, не работается мнѣ», пишетъ Л. Н. Черткову 17 февраля 1891 г. «На дорогѣ стоитъ статья о наукѣ и искусствѣ и о непротивленіи злу. О «Сергіи» не смѣю думать. А кое-какъ не хочется; я его и отложилъ оттого, что онъ очень мнѣ дорогъ. Борьба съ похотью тутъ эпизодъ или, скорѣе, одна ступень; главная борьба съ другимъ—съ славой людской. Да не хочу такъ разсказывать»

Только лѣтомъ 1891 г. Л. Н. сталъ писать снова «Отца Сергія». Онъ сталъ исправлять переписанный Чертковымъ экземпляръ и широко воспользовался оставленными между строками мѣстами, исписавъ ихъ своими поправками и затѣмъ значительно дополнивъ первоначальный набросокъ. Онъ не только описалъ посѣщеніе Маковкиной, но значительно развилъ разсказъ, доведя его до сцены съ купеческой дочерью и ухода отца Сергія изъ своей кельи.

Совершенно внѣшній толчокъ—событія съ духоборами—заставилъ Л. Н-ча въ 1898 г. снова взяться за работу надъ «Отцомъ Сергіемъ». Какъ извѣстно, въ это время произошло разселеніе духоборовъ по Кавказу, а затѣмъ возникло ихъ рѣшеніе переселиться за границу. Но для этого нужны были большія средства, которыхъ не было у духоборовъ; на помощь имъ пришли сочувствовавшіе имъ друзья въ Россіи и квакеры въ Англіи. Хотѣлъ оказать имъ посильную денежную помощь и Л. Н., и съ этой цѣлью былъ имъ написанъ и напечатанъ въ журналѣ «Нива» романъ «Воскресенье». Обдумывая, какія свои раньше начатыя произведенія можно было бы еще напечатать съ тѣмъ, чтобы доходъ отъ напечатанія ихъ пошелъ въ пользу духоборовъ, Л. Н. остановился на «Отцѣ Сергіи» и 12 іюня 1898 г. сталъ кончать этотъ разсказъ, какъ онъ пишетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ за этотъ день: «Нынче совсѣмъ неожиданно сталъ доканчивать «Сергія».

Насколько можно прослѣдить изъ дневниковъ и записныхъ книжекъ Л. Н-ча, онъ былъ цѣлый мѣсяцъ послѣ этого напряженно занятъ поправками и окончаніемъ «Отца Сергія». «Оба дня писалъ «Отца Сергія». Недурно уясняется». (14 іюня). «Нынче писалъ «Отца Сергія». Недурно». (28 іюня). «Эти дни писалъ «Сергія»—нехорошо». (30 іюня). И, наконецъ, послѣдняя запись въ дневникѣ о

работѣ надъ «Отцомъ Сергіемъ» находится 17 іюля 1898 г.: «Рѣшилъ отдать свои повѣсти—«Воскресенье» и «Отца Сергія» въ печать для духоборовъ». Но осуществить это свое рѣшеніе Л. Н-чу удалось только по отношенію къ «Воскресенью».

За то же число въ дневникѣ Л. Н-ча находятся выписки изъ его записной книжки, позволяющія судить о томъ, какъ работалъ Л. Н. и какъ обдумывалъ во время своего досуга и прогулокъ подробности своихъ писаній, занося эти штрихи въ свою записную книжку для того, чтобы воспользоваться ими потомъ. Вотъ эти записи: 1) «Къ «Отцу Сергію»: одинъ хорошъ, съ людьми падаетъ»; 2) «Нѣтъ успокоенія ни тому, который живетъ для мірскихъ цѣлей среди людей, ни тому, который живетъ для духовныхъ цѣлей одинъ. Успокоеніе только тогда, когда человѣкъ живетъ для служенія Богу среди людей».

Послѣ этого нѣтъ никакихъ указаній въ дневникахъ на то, чтобы Л. Н. занимался «Отцомъ Сергіемъ». Въ письмѣ Л. Н-ча къ В. Г. Черткову отъ 31 августа 1902 г. встрѣчается такое мѣсто: «Я здоровъ и все пишу «Хаджи-Мурата»—балуюсь. Довелъ до того же, до чего доведенъ «Отецъ Сергій» и др., т.-е. что связно и послѣдовательно, но хочется отдѣлывать».

П. Буланже.

Раздѣленіе повѣсти на главы частью принадлежитъ автору, частью же сдѣлано Редакціей, такъ какъ въ черновыхъ рукописяхъ автора раздѣленіе это было начато, но не доведено до конца.

2.

Въ оригиналѣ сказано: «въ монастырѣ, близкомъ къ столицѣ и много посѣщаемомъ». Мы выпустили слова «близкомъ къ столицѣ», потому что дальше сказано, что первыя семь лѣтъ монашества отецъ Сергій провелъ въ монастырѣ, не близкомъ къ столицѣ

3.

Въ оригиналѣ: «въ монастырь». Наша поправка основана на томъ, что въ началѣ повѣсти сказано, что Касатскій, передъ поступленіемъ въ монахи, отдалъ свое имѣніе сестрѣ.

4.

Въ оригиналѣ сказано: «второго года», но въ главѣ VI говорится, что событіе это произошло послѣ пяти лѣтъ жизни Сергія

въ затворѣ. Соотвѣтственное исправленіе пришлось сдѣлать также и въ началѣ главы V, которая въ оригиналѣ начинается словами: «Отецъ Сергій жилъ четвертый годъ въ затворѣ».

5.

Въ оригиналѣ—«архитекторъ». Мы исправляемъ «адвокатъ», такъ какъ въ началѣ главы въ составѣ компаніи катающихся упомянутъ адвокатъ, а не архитекторъ.

6.

Въ оригиналѣ сказано: «отрубленный суставъ». Это, очевидно, описка, такъ какъ изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что отецъ Сергій прихватилъ оставшійся суставъ, а отрубленная часть пальца осталась лежать въ сѣняхъ.

7.

Въ оригиналѣ: «семь лѣтъ въ монастырѣ». Но изъ главы III видно, что Сергій пробылъ семь лѣтъ въ одномъ монастырѣ и два—въ другомъ,—всего въ обоихъ монастыряхъ девять лѣтъ.

8.

Въ редакціи повѣсти 1891 года послѣ этихъ словъ слѣдуетъ: «Онъ схватилъ топоръ и вбѣжалъ въ избу. Она лежала раскинувшись и спала. Онъ подошелъ, примѣрился и, взмахнувъ топоромъ, ударилъ ее вдоль головы ниже темени. Она не крикнула, но вся привскочила и тотчасъ же опять упала, а онъ выбѣжалъ и пошелъ внизъ, къ рѣкѣ, у которой онъ не былъ четыре года. Вдоль рѣки шла дорога. Онъ пошелъ по ней и прошелъ до обѣда. Въ обѣдъ онъ вошелъ въ рожь и легъ въ ней. Къ вечеру онъ пришелъ къ деревнѣ на рѣкѣ. Онъ не пошелъ въ деревню, а къ рѣкѣ, къ обрыву. «Да, надо кончить. Нѣтъ Бога».

Этимъ кончалась первоначальная редакція повѣсти. Впослѣдствіи Л. Н. выкинулъ это мѣсто и написалъ приведенный нами въ текстѣ новый, болѣе пространный конецъ повѣсти.

9.

Въ оригиналѣ: «въ келью». Эти слова мы замѣняемъ словами: «за перегородку», чтобы устранить неясность вслѣдствіе того, что

словамъ: «прошелъ въ келью», въ рукописи предшествуютъ слова: «вошелъ въ келью».

10.

Въ оригиналѣ послѣ этихъ словъ слѣдуетъ: «по 50 за часъ». Эти слова исключаются, какъ не соотвѣтствующія тому, что говоритъ далѣе Прасковья Михайловна Сергію о цѣнѣ даваемыхъ ею уроковъ.

11.

Въ оригиналѣ стоитъ «200 верстъ». Исправляемъ 200 на 300, для согласованія со сказаннымъ раньше въ концѣ главы VII.

12.

Въ оригиналѣ: «почти 30 лѣтъ». Мы исправляемъ согласно концу главы VI, гдѣ сказано, что Сергій пробылъ девять лѣтъ въ монастыряхъ и тринадцать въ затворѣ.

Дѣтская мудрость

1.

Эти маленькія сценки изъ дѣтской жизни были вызваны понравившимся Л. Н-чу діалогомъ между отцомъ и сыномъ, напечатаннымъ въ вѣнской газетѣ «Wohlstand für Alle».

Въ дневникѣ секретаря Л. Н-ча, Н. Н. Гусева («Два года съ Л. Н. Толстымъ», изданіе «Посредника»), отъ 15 января 1909 г. записано объ этомъ слѣдующее:

«Прочитавъ напечатанный въ этой газетѣ діалогъ, въ которомъ, подъ видомъ разговора мальчика со взрослымъ, излагаются серьезныя мысли, Л. Н. тогда же перевелъ его, и у него явилась мысль воспользоваться этой формой для того, чтобы высказать самымъ простымъ образомъ дорогія ему истины о жизни людей».

И онъ намѣтилъ цѣлый рядъ темъ, которыя рѣшилъ разработать въ такой формѣ.

Вотъ списокъ этихъ темъ: 1) о религіи; 2) о войнахъ; 3) объ отечествѣ—государствѣ; 4) о податяхъ; 5) о пьянствѣ; 6) о добротѣ; 7) о вознагражденіи за трудъ; 8) о тюрьмахъ; 9) о казняхъ; 10) о богачахъ; 11) объ осужденіи; 12) о печати; 13) объ искусствѣ; 14) о наукѣ; 15) о судѣ гражданскомъ; 16) о судѣ уголовномъ; 17) о вос-

питаніи; 18) о трудѣ; 19) объ охотѣ; 20) о питаніи мясомъ; 21) о городахъ; 22) о церкви; 23) о мощахъ; 24) о таинствахъ; 25) объ уваженіи древности; 26) объ играхъ; 27) объ образованіи; 28) о властинасиліи; 29) о землѣ; 30) о безработныхъ и 31) о Богѣ. Изъ этихъ темъ Л. Н. использовалъ только двадцать.

Слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами сценъ представляютъ лишь первоначальные черновые наброски, записанные для памяти и не подвергшіеся ни малѣйшей обработкѣ со стороны автора.

2.

Въ оригиналѣ: «Ведро на заводѣ стоитъ . . . . . , а въ продажѣ . . . . .» Такъ какъ, несомнѣнно, пропуски въ этомъ мѣстѣ были оставлены Л. Н-чемъ только потому, что у него не было подъ рукой нужныхъ свѣдѣній, мы ставимъ вмѣсто нихъ соотвѣтствующія данныя.

3.

Въ оригиналѣ: «къ судьѣ». Такъ какъ рѣчь можетъ итти только о волостномъ судѣ. то мы вмѣсто «къ судьѣ» ставимъ—«къ судьямъ».

4.

Въ оригиналѣ дальше слѣдуетъ: «Дѣвчонку Богъ далъ». Слова эти исключаются, какъ противорѣчащія дальнѣйшему.

Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ.

1.

Повѣсть «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ» была задумана и начата въ 1908 г. Л. Н. работалъ надъ нею въ теченіе 1909 и 1910 годовъ, но не закончилъ ея. Въ послѣдней записи о художественныхъ произведеніяхъ въ его дневникѣ (24 сентября 1910 г.) упоминается именно объ этой повѣсти

Въ запискахъ секретаря Толстого Н. Н. Гусева отъ 6 мая 1908 года приведены слѣдующія слова Л. Н-ча, сказанныя по поводу разговора о смертной казни:

— Мнѣ вотъ именно, если Богъ приведетъ, хотѣлось бы показать въ моей работѣ, что виноватыхъ нѣтъ... Какъ этотъ предсѣдатель суда, который подписываетъ приговоръ, какъ этотъ палачъ, который вѣшаетъ, какъ они естественно были приведены къ этому положенію, такъ же естественно, какъ мы теперь тутъ сидимъ и пьемъ чай, въ то время какъ многіе зябнутъ и мокнутъ.

2.

Въ оригиналѣ: «Мнѣніе его о своихъ внѣшнихъ качествахъ: образованіе, честность, доброта, правдивость, онъ цѣнилъ очень низко»... Мы замѣняемъ слова «онъ цѣнилъ», какъ несомнѣнную описку, словомъ «было».

3.

Л. Н. любилъ сравнивать человѣка съ дробью, у которой числитель изображаетъ достоинства человѣка, а знаменатель—мнѣніе человѣка о самомъ себѣ. Чѣмъ больше числитель, тѣмъ человѣкъ лучше, чѣмъ больше знаменатель, тѣмъ онъ хуже.

4.

Письмо это—подлинное. Оно было получено однимъ изъ корреспондентовъ Л. Н-ча, который переслалъ ему его вмѣстѣ съ своей просьбой о денежной помощи.

Въ этомъ мѣстѣ есть противорѣчіе, которое Л. Н., очевидно, не успѣлъ сгладить: въ текстѣ сказано, что письма писалъ отецъ, а приведенное письмо написано отъ лица матери.

Разсказъ для дѣтей.

Въ августѣ 1910 г., гостя у своей дочери, Татьяны Львовны Сухотиной, Л. Н. экспромтомъ разсказалъ дѣтямъ сказку, которую Александрѣ Львовнѣ удалось тутъ же стенографировать. Разсказъ этотъ былъ исправленъ Л. Н-чемъ только одинъ разъ.

Тихонъ и Маланья и „Идиллія“.

1.

Оба разсказа эти, написанные до 1862 года, тѣсно связаны между собою.

Такъ какъ Александрѣ Львовнѣ были переданы только копіи, а не оригиналы этихъ разсказовъ, то мы не можемъ ручаться за точность переписки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ пришлось исправить очевидныя описки.

И «Тихонъ и Маланья» и «Идиллія» имѣются у насъ въ двухъ варіантахъ. Ниже мы приводимъ тѣ мѣста изъ варіанта «Тихона и Маланьи», которыми онъ отличается отъ основного текста, а варіантъ «Идиллiи» помѣщаемъ цѣликомъ здѣсь же, въ примѣчаніяхъ, считая, что онъ не настолько отличается отъ основного изложенія, чтобы помѣщать его въ самомъ текстѣ.

Въ варіантѣ «Тихона и Маланьи» разсказъ начинается такъ:

Много мнѣ нужно разсказывать про Мясоѣдово, много тамъ было разныхъ исторій, которыя я знаю и которыя стоитъ описать. Теперь начну съ того, что разскажу про Тихона, какъ онъ на станціи стоялъ, а намѣсто себя на покосъ работника изъ Телятенокъ нанялъ, Андрюшку, и какъ онъ со станціи домой пріѣзжалъ, и какъ съ Маланьей, съ Тихоновой бабой, грѣхъ случился, и какъ Андрюшка самъ отошелъ, и сапоги его пропали, и какъ Тихонъ въ первый разъ свою молодайку поучилъ.

Въ первый разъ Тихонъ пріѣхалъ на Петровъ день въ самыя обѣдни. Выѣхалъ онъ—чуть зорька занялась, раньше его не отпустила станція. Но хоть и не видался онъ съ Николы, шесть недѣль, съ молодайкой, хоть хотѣлось ему поспѣть къ обѣднѣ, на могилки сходить—онъ не гналъ лошадей, а ѣхалъ шажкомъ, кое-гдѣ рысцой подъ изволокъ, такъ что только коренная чуть подъ хомутомъ запотѣла, когда онъ подъѣхалъ къ деревнѣ. Зато и похвалили мужики,—въ Мясоѣдовѣ ямщиковъ много, — когда онъ прокатился по улицѣ и подъѣхалъ къ своему двору на своей сытой, прибранной тройкѣ, съ заплетенными хвостами и гривами.

Весной выѣхалъ, кое-какую тройку собралъ, а пріѣхалъ—охотницкая тройка стала. На всякое дѣло Тихонъ былъ мужикъ, хоть молодой, но степенный и аккуратный. Такъ всѣ сосѣди и мужики о немъ понимали.

Кое-кто подошли къ нему поговорить въ то время, какъ онъ отворялъ ворота и отпрягалъ, и Тихонъ разсказалъ имъ, что Каряго онъ промѣнялъ на Пѣгаго, коренного, а лѣвую у цыгана купилъ за три цѣлковыхъ, рѣзать хотѣли, а что Саврасенькую у него сколько

покупать хотѣли, да онъ за пятьдесятъ цѣлковыхъ не отдастъ, потому что она даже для фельдъегерской работы хороша,—только съ мѣста тронь, такъ навскочь. Разсказалъ еще кое-что про мясоѣдовскихъ ямщиковъ, которые пріѣхать хотѣли, которые нѣтъ, какъ живутъ, но до этого намъ дѣла нѣтъ

Тихонъ поговорить былъ охотникъ и говорилъ складно, но все больше разсказывалъ и про себя говорилъ, а про другихъ не спрашивалъ. Главное же то, что говорить онъ говорилъ, а дѣла своего ни на минуту не забывалъ.

Какъ онъ вынулъ изъ передка узелокъ, изъ котораго торчали баранки, вошелъ въ избу, поклонился образамъ, отдалъ матери, которая одна оставалась въ избѣ у печи и еще на крыльцѣ вышла навстрѣчу ему; какъ потомъ вынулъ запоръ, прислонилъ къ углу такъ, чтобы не упалъ, откинулъ ворота, подъ уздцы провелъ пристяжныхъ, чтобъ не зацѣпили; какъ, заткнувъ рукавицы и кнутъ за поясъ, сталъ снимать петли постромокъ и захлестывать за шлеи; какъ разсупонилъ, вывелъ, нигдѣ не стукнулъ, не дернулъ,—какъ будто все намаслено было, такъ и спорилось у него подъ руками, нигдѣ не зацѣпится, не соскочитъ. И когда онъ убралъ лошадей подъ навѣсъ, кинулъ имъ сѣнца изъ ящика и сдвинулъ шляпу напередъ и, оттопыривъ далеко большіе пальцы (такая у него привычка была), не скоро, не тихо, поглядывая по сторонамъ, пошелъ въ избу. Такъ и казалось, что вотъ ему еще что бы схватить да сработать. Онъ снялъ шляпу и повѣсилъ на гвоздь, смахнулъ мѣсто, снялъ армякъ, свернулъ его, положилъ и въ александринской рубахѣ, которую еще не видала на немъ мать, сѣлъ на лавку. Портки на немъ были домашнія, материной работы, но еще новыя, сапоги были ямскіе, крѣпкіе, съ гвоздями. Онъ на дворѣ отеръ ихъ сѣнцомъ и помазалъ дегтемъ. Голова была масляная, и онъ теперь еще пригладилъ ее гребешкомъ, который нашелъ на окошкѣ. Онъ зналъ давно этотъ гребешокъ и мѣсто, на которомъ его клалъ старикъ. Онъ умылъ руки, оправилъ рукава смявшейся рубахи и сталъ разсѣирать гостинцы. Для жены былъ ситецъ большими розовыми цвѣтами, для матери—платокъ бѣлый съ каемочками, бубликовъ было три фунта для всѣхъ домашнихъ.

2

Въ варіантѣ «Тихона и Маланьи» здѣсь было:

Ермилины бабы—щеголихи идутъ и къ другимъ не пристаютъ—не оттого, что у нихъ платки и сарафаны лучше всѣхъ, но оттого, что самъ старикъ Ермила, свекоръ, идетъ той стороной и посматриваетъ на нихъ. Бѣда, коли увидитъ, что съ ребятами играть

станутъ или что. Мальчишки стороной идутъ, подальше обходятъ Ермилу и смѣются надъ его брюхомъ. Осипъ Наумычъ идетъ одинъ въ лаптяхъ и старомъ кафтанишкѣ, а всѣ знаютъ, что у него денегъ достанетъ всю деревню купить.

Идетъ худая, нарядная баба, точно богачиха. Такіе бусы, галуны надѣла, а модница эта—самая послѣдняя, завалящая баба, что ужъ мужъ бить пересталъ.

Идетъ приказчица съ зонтикомъ, расфрантилась, а работница ихъ, Василиса, еще пуще ея расфрантилась и поспоритъ съ ней, кто больше барыня. А вотъ Матрешкинъ, дворовый, красную кумачевую рубаху вчера купилъ въ городѣ, надѣлъ, да и самъ не радъ, какъ народъ на него дивится. Вотъ Фоканычева дѣвка съ дворовыми идетъ, съ Маврой Андреевной разговариваетъ, оттого что она грамотница, въ монастырь хочетъ итти. Вотъ Минаевы идутъ сзади, и баба все воетъ,—она нынче ребенка снесла на погостъ. А Рѣзунова молодайка идетъ, какъ купчиха разрядилась и все въ пеленки лицо прячетъ; она послѣ первыхъ родовъ въ первый разъ въ церкви была и ребенка причащала. А вотъ солдатъ замчной въ новой шинели идетъ, ужъ пьянъ, гдѣ-то набрался, къ бабамъ подлипаетъ. А Болхина старуха устала, сѣла и все молится Богу и прохожимъ говоритъ, что она нынче послѣдній разъ въ церкви была, что ужъ смерть ея пришла за ней. И поглядѣть-то на нее, то кажется, что правда. А вотъ его, Тихоновъ, старикъ большими шагами шагаетъ, и все горбъ у него такой же. Вотъ и она...

Красавицу, кто бы она ни была, баба ли, барыня ли, издалека видно. И идетъ она иначе, плыветъ точно, и голову несетъ, и руками размахиваетъ не такъ, какъ другія бабы; и цвѣта-то на ней ярче, рубаха бѣлѣе и платокъ краснѣе. А какъ красавица она, да своя, такъ еще дальше узнаешь. Такъ-то Тихонъ съ другого конца улицы узналъ свою бабу. Маланья шла съ солдаткой и еще съ двумя бабами; съ ними же шелъ замчной солдатъ и что-то разсказывалъ, махая руками. И цвѣта на ней ярче всѣхъ показались Тихону.

Маланья, гдѣ бы ни была, всегда къ ней приставали, около нея сходились другія молодайки, мужики и молодые ребята и, проходя мимо нея, замолкали и поглядывали на нее. Даже старикъ рѣдкій проходилъ, чтобъ не посмѣяться съ ней; ребята и дѣвочки обходили ее, косились и говорили: «Вишь, Маланька-то какъ идетъ!»

А Маланька шла точно такъ же, какъ и другія бабы: ни нарядней, ни чуднѣе, ни веселѣе другихъ. На ней была панева клѣтчатая, обшитая золотымъ галуномъ, бѣлая, шитая краснымъ рубаха, бѣлая такая же занавѣска и красный платокъ на головѣ и новые коты на шерстяныхъ чулкахъ. Другія были и въ сарафанахъ, и въ поддевкахъ, и въ цвѣтныхъ рубахахъ, и въ вышивныхъ котахъ. Такъ же, какъ и другія, она шла, плавно и крѣпко ступая съ ноги на ногу,

помахивая руками, подрагивая грудью и поглядывая по сторонамъ своими черными глазами. Да что-то то да не то было въ ней, отчего ее издалека видно было, а вблизи съ нея глазъ спустить не хотѣлось.

3.

Въ варіантѣ «Тихона и Маланьи» здѣсь было: «Немного нужно, чтобы здоровымъ, молодымъ, рабочимъ людямъ въ праздникъ было весело».

4.

Этими словами заканчивается варіантъ «Тихона и Маланьи».

5.

Въ рукописи автора имѣется еще слѣдующій отрывокъ, написанный на особомъ листкѣ и относящійся къ разсказу «Тихонъ и Маланья»:

Это было въ субботу, въ самыя Петровки. Уборка сѣна была такая, что старики не запомнятъ. Не сѣно, а чай въ стога клали. Крестьянскіе луга почти всѣ были убраны, оставался одинъ Кочакъ. Не больше, какъ на день міру косьбы. Господскіе луга тоже больше половины уже подкошены были. Дни стояли такіе красные, жаркіе, что съ утра, по росѣ подкосятъ, къ вечеру въ валы греби, а на другой день хоть въ стога кидай, и на небѣ ни тучки. А все народъ, сколько могъ, торопился за погоду убираться. И приказчикъ очень хлопоталъ барское убирать, съ утра до ночи съ бабами, красный сталъ, потъ градомъ катится, рубаха разстегнута, все кричитъ, все съ палкой около бабъ ходитъ, съ тѣла спалъ. Хоть не его, а хозяйское дѣло, — какъ возьмешься за него, такъ не заснешь спокойно, покуда не кончишь. Не ты дѣло дѣлаешь, а дѣло тебя за собой тянетъ. Богъ же далъ въ это лѣто, что было что косить и грести и возить. На тягло возовъ по шести убрали, да еще въ Кочакѣ такая трава стояла, что на низу не пролѣзешь. Кромѣ покосовъ, тутъ же и пахота подоспѣла, а пахота крѣпка была, такъ что кто за погодой не успѣлъ, такъ сошники ломали и лошадей надсаживали на пашнѣ.

Въ селѣ цѣлый день было пусто, всѣ были на работѣ, нешто какая баба хворая дома рубахи на пруду стирала или холсты стелила, да старики и старухи съ малыми ребятами.

Только на барскомъ дворѣ, за прудомъ, народъ дома былъ. Тамъ, извѣстное дѣло, какъ господа дома,—покосъ не покосъ, уборка не уборка: холопы, кучера, повара, садовники, дворовые—всѣ одно дѣло дѣлаютъ. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай.

Пастухи свое время не пропустятъ: только солнышко стало за лѣсъ закатываться, ужъ завидѣлась пыль по большой дорогѣ и заслышалась скотина. Скотина ходила по атавѣ и въ недѣлю совсѣмъ другая стала — повеселѣла. Скотина въ деревнѣ—все одно, что часы въ городѣ: прогнали скотину, значитъ, пора и всѣмъ домой, въ деревню. Ребята заслышали скотину, переловили лошадей и поѣхали домой изъ денного. Бабы на барщинѣ у выбраннаго отпросились и, съ граблями за плечами, пошли хороводомъ къ дому. Мужики, кто дома на своей пашнѣ пахалъ, подвязали, сволокли, перевернули сохи и поѣхали домой. Косцы подняли армяки и кувшинчики и пошли домой. У богатыхъ мужиковъ бабы покидали дровъ въ печурку, чтобъ погрѣть похлебку на ужинъ.

6.

Варіантъ разсказа «Идиллія»:

I.

Маланья Дунаиха взята изъ чужой деревни, Малевки. Сосваталъ ее старикъ Дутловъ за старшаго сына по знакомству. Своихъ невѣстъ тогда въ деревнѣ не было, да и дѣвочка была славная и изъ дома хорошаго. Замужъ она вышла всего годочковъ четырнадцати; вовсе ребенокъ несмысленый была. Ни силы еще ни понятія вовсе не было. На груди занавѣску гдѣ хочешь перетяни, какъ скатерть на столѣ постели. Чуть примѣтно, что не парень паневу надѣлъ. Не скажешь, что баба, даромъ что платкомъ по-бабьи повязана. Понесетъ ушатъ съ водой — такъ, какъ лозинка, качается. А Евстрата—мужа такъ звали—съ перваго начала страхъ не любила. Какъ огня боялась. Онъ, бывало, къ ней, а она плакать, щипать, кусать его примется. Всѣ плечи, руки у него въ синякахъ были. И не мѣсяцъ и не два, а годъ и другой и третій не любила она его. Ну, бабочка она аккуратная изъ себя, смирная, да и жили-то Дутловы по-божьему и исправно, такъ и не принуждали дюже молодайку ни къ работѣ ни на что.

Дутловы въ то время хоть не богачи были, а люди съ достаткомъ. Старикъ самъ въ порѣ еще былъ, тягло тянулъ, сына женилъ, другую землю принялъ; второй сынъ, Трифонъ, ужъ подсобка былъ, пахалъ; солдатка еще съ ними жила; барщина не тяжелая была; лошадей было головъ восемь съ жеребятами, двѣ коровы, пчелки были (и теперь у нихъ та же порода ведется).

Дороже всего, что старикъ мастеръ былъ по колесной части, и Евстратка у него понялъ хорошо, такъ что, кромѣ всего, заработки хорошіе были, и въ работѣ-то натуги не было, и ѣли хорошо, въ праздникъ и винца купятъ.

Прошелъ годъ, и два, и три, какъ Маланька во дворъ вошла. Повыросла, разрумянилась, раздобрѣла, повыровнялась бабочка такъ,

что узнать нельзя. Въ праздникъ уберется, бусы, ленты, платокъ ковровый, выйдетъ на улицу — изо всѣхъ бабъ баба. И изъ дому-то было, да и мужъ гостинцами дарилъ,—какъ купчиха какая. Платокъ алый, брови черныя, глаза свѣтлые, лицо румяное, чистое; сарафанъ ситцевый, коты строченые, сама какъ береза бѣлая была, никакой болѣзни никогда надъ собой не знала. Выйдетъ ли въ хороводъ борша водить—краля; или плясать пойдетъ, такъ ажъ пятки въ спину влипаютъ — картина! Къ работѣ тоже очень ловка и сносна стала. Съ граблями ли, съ серпомъ, на барщинѣ ли, дома—никого впередъ не пуститъ, такую ухватку себѣ взяла, замучаетъ бабъ всѣхъ; а домой идетъ, пѣсню запоетъ по-мужицки, такъ изъ-за рощи слышно. А домой придетъ—ужинать соберетъ, старухѣ подсобитъ. Свекоръ съ свекровью не нарадуются, какая молодайка вышла, а мужъ и души не чаялъ. Бывало, ни въ праздникъ ни въ будни пройти ей не дадутъ, всякій поиграть хочетъ; старики—и тѣ приставали. Со всѣми смѣется, только худого ничего не слышно было, одного мужа любила,—такъ-то къ нему привыкла, что какъ на недѣлю ушлетъ его отецъ за ободьями или что, такъ какъ тоскуетъ; а пріѣдетъ мужъ—и не знаетъ, какъ приласкать, не то что прежде — къ себѣ подойти не пускала, какъ кобылка степная.

— Вишь, по комъ вое,—говоритъ ей разъ сосѣдъ Никита.— Конопатаго-то чорта какъ жалѣя, какого добра не видала, — пошутилъ онъ.

Такъ какъ вскинется на него! Хотѣлъ онъ, было, поиграть съ ней... Куда!

— Конопатый, да лучше тебя, что ты чистый; а вотъ что тебѣ отъ меня!—да какъ ткнетъ ему пальцемъ подъ носъ.

Оно точно, Евстратъ-то ея конопатый былъ и изъ себя нескладный, длинный, грубый, не разговорчивый мужикъ былъ; только, что здоровъ, противъ него силой другого по деревнѣ не было, и хозяинъ настоящій былъ. Даромъ что молодой, отецъ его одного, бывало, за всякими дѣлами посылаетъ. — Что я, что Евстратка, все одно,—говоритъ.

И Евстратка жену еще пуще любить сталъ, только въ одномъ скучалъ, что дѣтей не было. Бывало, и старуха скажетъ:

— Что не рожаешь, буде гулять-то! Порадовалась бы, хоть внучку бы покачала, Маланьюшка, право.

— А развѣ я бы не рада,— скажетъ,— ужъ и то людей стыдно. Намеднись и то Рѣзунова отъ церкви съ младенцемъ прошла, молитву принимала, всего второй годъ замужемъ. Такъ у ней, небось, мужъ дома живетъ.

Извѣстно, годъ-другой погулять бабѣ не порокъ, ну а какъ баба-то ражая, въ самой порѣ, а дѣтей не рожаетъ, и народъ смѣяться станетъ.

Отъ этого Маланьѣ на третій годъ пуще тошно стало, какъ свекоръ мужа на все лѣто въ работу за сто верстъ отдалъ. Сына за сто двадцать рублей отдалъ, а работника нанялъ за тридцать два рубля да рукавицы. Хозяину расчетъ, а бабѣ горе. Взвыла баба, какъ проводила его, какъ будто сердце что чуяло. Какъ по матери родной убивалась. И пѣсню все поетъ: «Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна». Днемъ смѣется, смѣется съ народомъ, а послѣ ужина схватитъ, сердешная, постель да къ солдаткѣ въ чуланъ.—«Страшно,—говоритъ,—Настасьюшка, одной». Да еще все просится къ стѣнкѣ.—«Все,—говоритъ,—чудится, что вотъ-вотъ схватитъ кто меня за мои ноженьки, потащитъ меня, боюсь — страхъ». А сама не знаетъ, чего боится. И баба, кажется, не таковская, чтобы побояться чего-нибудь.

II.

И прежде приставали къ бабѣ, а какъ мужъ уѣхалъ, такъ вовсе покою съ утра до вечера давать не стали. Она и сама говорила, что такого веселья, какъ въ это лѣто, никогда ей не было. И случаевъ много ей было, коли бы захотѣла пустяками заниматься. Придетъ, бывало, съ утра староста повѣщать, еще зорька занимается; къ другимъ десятскаго пошлетъ, а ужъ къ Дутловымъ самъ зайдетъ, часъ цѣлый сидитъ, съ бабами шутитъ. Старостой Михей ходилъ, малый молодой, немученый и до бабъ ёрникъ—бѣда былъ! Какъ только одну захватитъ и начнетъ:

— Только прикажи, что хочешь сдѣлаю, никуда посылать не стану, мужа на оброкъ выхлопочу, платокъ куплю, то, что велишь, все сдѣлаю, что могу, только не мучь ты меня.

Такъ ни да ни нѣтъ не скажетъ.

— На барщину,—говоритъ,—посылай, мнѣ веселѣй на міру работать, дома та же работа; платка твоего мнѣ не нужно, мнѣ мужъ привезетъ; на оброкъ мы и такъ не хотимъ, а сдѣлать мнѣ ты ничего не можешь. Не боюсь тебя, да и все.

Честью просить станетъ:

— Маланьюшка, матушка, вѣдь много другихъ бабъ, а ни одна не мила. — Обниметъ ее.

Такъ смѣется:

— Ладно, ладно,—скажетъ.— Развѣ можно теперь? Хозяинъ придетъ, развѣ хорошо?

— Такъ когда же? Съ работы?

— Извѣстно, съ работы. Какъ пойдетъ народъ, а мы съ тобой въ кусты схоронимся, чтобъ твоя хозяйка не видала. — А сама на всю избу заливается, хохочетъ.—А то, молъ, разсерчаетъ дюже твоя Марфа-то, старостиха.

Такъ что не знаетъ староста, шутитъ ли, нѣтъ ли. При свекрѣ, при свекрови все свое кричитъ, не стыдится. Нечего дѣлать, повѣститъ, какъ будто затѣмъ только и приходилъ, пойдетъ съ палочкой по другимъ избамъ. А все кого другихъ и лишній разъ пошлетъ и на тяжелую работу, а Дутловы какъ ходятъ, такъ и ходятъ, и все изъ-за Маланьи.

Маланька охотница была на барщину ходить, особенно на покосъ. Дома пріуправится, уберется, какъ на праздникъ, возьметъ грабли, въ завтракъ выйдутъ съ солдаткой на покосы. Идетъ разъ такимъ манеромъ черезъ рощу. Покосъ на Калиновомъ лугу былъ. Солнышко повышло изъ-за лѣса, день красный, а въ лѣсу еще холодокъ. Опоздали онѣ съ солдаткой, разулись, идутъ лѣскомъ, гуторятъ. Только вышли на поле, мужики господскую пашню поднимаютъ. Много мужиковъ, сохъ двадцать на десяти десятинахъ по дорогѣ было. Гришка Болхинъ ближе всѣхъ къ дорогѣ былъ,—шутникъ мужикъ,—завидѣлъ бабъ, за пазуху завернулъ вожжу, уткнулъ соху, вышелъ на дорогу, сталъ играть съ бабами, не пускаетъ. Онъ слово, а онѣ два; другіе ребята молодые тоже сохи побросали, подошли, всѣхъ Маланька переполошила; пѣсни заиграли, плясать вздумали. Такую гульбу сдѣлали, какъ свадьба ровно. Глядь, а изъ-за рощи приказчикъ верхомъ ѣдетъ. Какъ завидѣлъ, плеть поднялъ, запустилъ черезъ пашню рысью на мужиковъ. По щетку лошадь въ пашнѣ вязнетъ, человѣкъ грузный.

— Сукины дѣти! Такіе, сякіе, хороводы водить? Вотъ я васъ!

Мужики, какъ тараканы изъ-подъ чашки, по десятинамъ разбѣжались, а бабы грабли на плечи вскинули, идутъ, какъ ничего не бывало. Смѣется Маланька. Никого не боялась. Наскакалъ приказчикъ.

— Я,—говоритъ,—васъ найду!—къ мужикамъ, да на бабъ съ плетью.—Я васъ, такія, сякія, курвы устюжныя,—такая у него пословица была,—въ обѣдъ на покосъ идутъ да еще хороводы на полѣ водятъ!

Совсѣмъ было осерчалъ, да какъ Маланьку призналъ, такъ и сердце прошло, самъ съ ней посмѣялся.

— Вотъ я говорилъ тебѣ, мужицкіе уроки допахивать заставлю.

— Что жъ, — говоритъ, — давай соху, я противъ мужика выпашу.

— Ну, буде, буде. Идите, вонъ еще бабы идутъ. Пора, пора гресть. Ну, бабы, ну.

Совсѣмъ другой сталъ.

Зато придетъ на лугъ, поставитъ бабъ на ряды тресть, выйдетъ Маланька впередъ, такъ бѣгомъ начнетъ растрясать, такъ что бабы ругать зачнутъ: замучила, молъ, совсѣмъ. А начальнику, извѣстно, любо, смѣется.

Зато когда обѣдать или шабашить пора, замучаются бабы, промежъ себя поговариваютъ,—Маланька прямо къ начальнику идетъ, отпустить проситъ, и отпуститъ. Никого она не боялась. Въ рабочую пору разъ какъ-то спѣшная уборка была, цѣлый день работали, а обѣдать домой не отпускали. Хлѣбца закусили, присѣли отдохнуть на полчасика. И приказчикъ за обѣдомъ домой посылалъ, тутъ же съ бабами въ холодокъ сѣлъ.

— Что, кума, спать будешь?—говоритъ. (Онъ съ Маланькой крестилъ.)

— Нѣтъ,—говоритъ,—зачѣмъ спать, только раззадоришься.

— Такъ поищи въ головѣ, Маланьюшка, смерть люблю.

Легъ къ ней на колѣни, какъ разъ заснулъ. Такъ что жъ? Взяла березокъ, вѣниковъ нарвала,—бабы ей подали,—убрала ему вѣнками голову всю, за рубаху натыкала, въ носъ ему листьевъ засунула. Проснулся, гогочутъ бабы, на него глядючи, покуда хватился. И ничего.

А то пріѣхалъ баринъ въ это же лѣто, былъ съ нимъ холопъ, такая бестія продувная, что бѣда. Самъ, бывало, разсказываетъ, какъ барина обманываетъ, у него деньги таскаетъ. Это бы все ничего, только насчетъ бабъ такой подлый былъ, что страсть...

„И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“.

Драма «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ» не была закончена Л. Н-чемъ. Начата она была въ восьмидесятыхъ годахъ, затѣмъ оставлена Л. Н-чемъ, и вновь онъ принимается за нее лишь въ девятисотыхъ годахъ. Пятое дѣйствіе передано лишь въ краткомъ изложеніи. Наибольшей обработкѣ подвергалось первое дѣйствіе.

Къ сожалѣнію, по существующимъ условіямъ мы не имѣли возможности напечатать цѣликомъ это произведеніе; намъ пришлось выпустить болѣе третьей части всей пьесы. Наибольшіе выпуски сдѣланы въ третьемъ дѣйствіи.

Въ болѣе раннихъ варіантахъ къ пьесѣ поставленъ эпиграфъ изъ Евангелія: «Царство Божіе подобно еще тому, какъ женщина положила закваску».

Въ послѣднемъ варіантѣ перваго дѣйствія нѣтъ списка дѣйствующихъ лицъ, и его пришлось составить. Въ предшествующемъ варіантѣ этотъ списокъ имѣется, но онъ не вполнѣ подходитъ къ послѣднему варіанту. Такъ какъ, благодаря характеристикамъ дѣйствующихъ лицъ, онъ представляетъ интересъ, то мы приводимъ его здѣсь полностью:

1) **Николай Ивановичъ Звѣздинцевъ**, богатый человѣкъ. Сильный, энергичный. Одѣтъ во все старое, когда-то хорошее.

2) **Марья Ивановна**, его жена, еще красивая женщина, 40 лѣтъ. Одѣта просто, но элегантно.

3) **Люба**, ихъ дочь, 21 года, красивая, энергичная, быстрая. Одѣта нарядно для деревни.

4) **Степанъ**, ихъ сынъ, только что кончившій курсъ студентъ, 22 лѣтъ, въ костюмѣ lawn-tennis.

5) **Ваня**, гимназистъ въ небѣленой блузѣ, весельчакъ.

6) **Митрофанъ Ермилычъ**, учитель Вани, кандидатъ университета, невзрачный, въ пиджакѣ, революціонеръ.

7) **Анна Ивановна Петрищева**, вдова, сестра Марьи Ивановны, помѣщица, толстая, спокойная, добродушная.

8) **Лизанька**, ея дочь, 27 лѣтъ, тихая, кроткая, дѣятельная.

9) **Управляющій**, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

10) **Докторъ домашній**, либералъ.

11) **Князева**, 50 лѣтъ, молодящаяся дама.

12) **Борисъ**, ея сынъ, только что кончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Энергическій, тихій и логически-прямолинейный. Одѣтъ просто.

13) **Баронесса**, редстокистка.

14) **Соня**, дочь баронессы, веселая, быстрая, умная, поетъ, играетъ хорошо. Очень элегантна.

15) **Мальчики**, подбирающіе мячи (lawn-tennis).

16) **Священникъ**, молодой.

Управляющій, докторъ и баронесса не появляются въ послѣднемъ варіантѣ пьесы. Князева передѣлана въ княгиню Черемшанову, а Борисъ и Тоня—ея дѣти. Фамилія Звѣздинцевыхъ замѣнена Сарынцовыми, а Петрищевой—Коховцевой.

Раздѣленіе на явленія въ рукописи автора имѣется (и притомъ не въ вполнѣ точномъ видѣ) лишь въ первомъ дѣйствіи, въ остальныхъ же оно отсутствуетъ, и его пришлось составить Редакціи.

2.

Въ оригиналѣ: «Во время разговора сначала дамы, а потомъ Степа и, наконецъ, Петръ Семеновичъ уходятъ». Слова «Степа и наконецъ» выпускаются, такъ какъ сказано было еще раньше, что Степа ушелъ.

3.

Въ оригиналѣ: «Опять споръ между играющими». Слово «опять» выпускается, потому что до сихъ поръ играющіе еще не участвовали въ дѣйствіи драмы.

4.

Въ оригиналѣ въ этомъ мѣстѣ и дальше: „**Александра Ивановна**“, что, очевидно, ошибка, такъ какъ сказано было раньше, что Александра Ивановна уѣхала за отцомъ Герасимомъ.

5.

Въ оригиналѣ послѣ этого слѣдуетъ мѣсто, выпущенное авторомъ:
Лизанька. Ну, Степа!
Степа. Да развѣ можно подъ вальсы Chopin вальсировать.
Лизанька. Можно. Попробуемъ. *(Танцуютъ.)*
Тоня. Нѣтъ, я вамъ лучше ужъ Штрауса. *(Играетъ.)*

6.

Въ оригиналѣ: «здоровается съ Борисомъ». Слова «съ Борисомъ» выпускаются, такъ какъ по ходу пьесы Николай Ивановичъ уже видѣлся съ нимъ до этого.

7.

Далѣе въ оригиналѣ слѣдуетъ явленіе, выпущенное авторомъ:
Генералъ. Что, чѣмъ кончилось это дѣло съ молодымъ Черемшановымъ?
Марья Иван. Все сидитъ, несчастный, въ домѣ сумасшедшихъ.
Графиня. Какое упорство, однако!
Статскій. Какое удивительное заблужденіе! Кому сдѣлаетъ пользу?

8.

Въ оригиналѣ послѣ этихъ словъ слѣдуетъ: «и кладетъ письмо на столъ». Такъ какъ слова эти повторяются черезъ нѣсколько строкъ, гдѣ они кажутся намъ болѣе умѣстными, то въ этомъ мѣстѣ мы выпускаемъ ихъ.

9.

Пятое дѣйствіе по конспекту, имѣющемуся въ рукописи автора, должно было состоять изъ трехъ сценъ. Мы имѣемъ возможность привести здѣсь только конспектъ третьей сцены:
Марья Иван. съ докторомъ говоритъ о болѣзни. Онъ перемѣнился, кротокъ, но упалъ духомъ.
Николай Иван. входитъ, [говоритъ] съ докторомъ. Тщета лѣченія. *Дутье* [1]) дороже. Но для жены согласенъ.
Входитъ Тоня съ Степой, Люба съ Старковскимъ. Бесѣда о землѣ. Онъ старается не оскорбить. Всѣ уходятъ. Онъ съ Лизань-

---

[1]) Выраженіе это Л. Н. заимствовалъ изъ письма одного словака, не вполнѣ правильно говорившаго по-русски и разумѣвшаго подъ этимъ словомъ раздуваніе въ своей душѣ искры божескаго огня.

кой. «Вѣчно колеблюсь, хорошо ли сдѣлалъ. Ничего не сдѣлалъ; и Бориса погубилъ, Василій Никаноровичъ вернулся. Я—примѣръ слабости. Видно, не хочетъ Богъ, чтобы я былъ Его слугой. У Него много другихъ слугъ, сдѣлаетъ и безъ меня. И когда ясно понялъ это — спокойно». Она уходитъ. Онъ молится. Врывается княгиня, убиваетъ его. Вбѣгаютъ всѣ. Онъ говоритъ, что это онъ сдѣлалъ нечаянно. Пишетъ прошеніе царю. Приходитъ Василій Никаноровичъ съ духоборами. Умираетъ, радуясь тому, что обманъ....надорвался, и жизнь его осмысленна для него».

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Къ повѣсти „Дьяволъ“.

5.

Хотя варіантъ конца повѣсти и былъ написанъ Л. Н-чемъ позже основного текста, но въ полученной нами уже послѣ смерти Л. Н-ча рукописи соотвѣтствующее мѣсто первоначальнаго изложенія не вычеркнуто, а варіантъ приписанъ въ концѣ, и притомъ рукою переписчика, а не самого Л. Н-ча, хотя и съ его собственноручными поправками въ послѣднихъ строкахъ. Такъ какъ Л. Н. имѣлъ обыкновеніе, замѣняя въ своихъ рукописяхъ какое-нибудь мѣсто новымъ изложеніемъ, ясно вычеркивать первоначальное изложеніе, то можно думать, что въ настоящемъ случаѣ у него самого были еще сомнѣнія относительно того, какой версіи конца повѣсти отдать предпочтеніе. Во всякомъ случаѣ, не будучи увѣрены въ томъ, что Л. Н. окончательно рѣшилъ замѣнить первоначальный текстъ варіантомъ, мы сочли себя обязанными воспроизвести окончаніе повѣсти въ томъ видѣ, въ какомъ оно было расположено въ рукописи, а именно—съ приложеніемъ варіанта въ концѣ, послѣ первоначальнаго изложенія.

Дополненіе къ списку опечатокъ перваго тома.

1. Просимъ напечатанное въ концѣ перваго тома оглавленіе, въ которомъ неправильно указаны страницы, исправить соотвѣтственно слѣдующему правильному оглавленію:

Отъ Редакціи 3
Дьяволъ 5
Фальшивый купонъ 55
Послѣ бала 117
Алеша Горшокъ 129
Что я видѣлъ во снѣ 137
«Отъ ней всѣ качества» 153
Живой трупъ 169
Примѣчанія 235

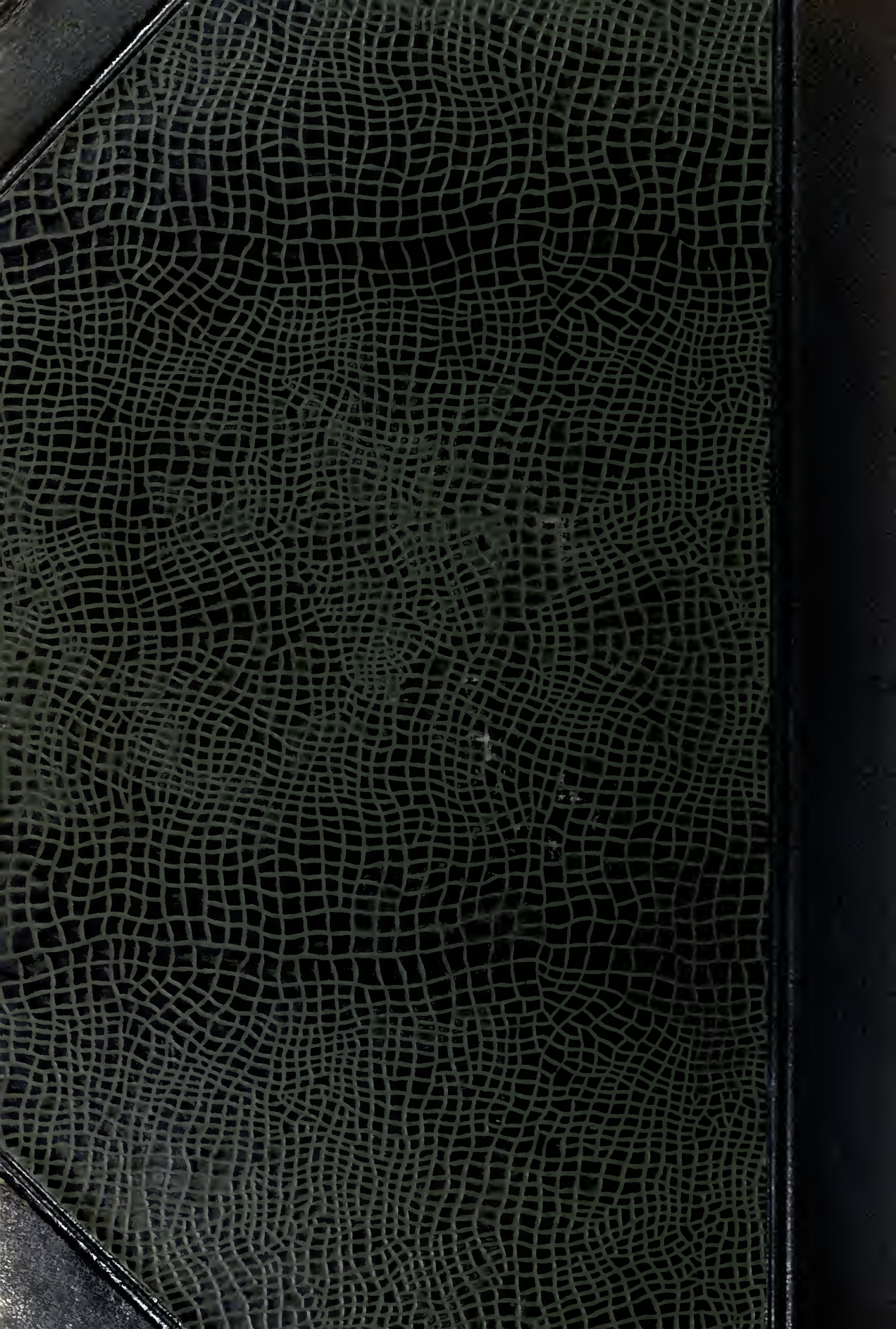
2. На стр. 111, строка 5 сн., напечатано: «въ монастырь»; должно быть: «назадъ въ монастырь».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отецъ Сергій	3
Дѣтская мудрость	49
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Первый варіантъ	93
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Второй варіантъ	117
Разсказъ для дѣтей	131
Тихонъ и Маланья	139
Идиллія	153
«И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ»	175
Примѣчанія	231

PG
3365
A12
1911
t.2

Tolstoi, Lev Nikolaevich
Posmertnyia khudozhe-
stvennyia proizvedeniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY